

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

<http://www.nbrb.by/bv>

3 [632] сакавік 2016 (спецвыпуск)

МАТЕРІАЛЫ

Международной
нумизматической конференции
«Нумизматика и героическое наследие»

15–18 сентября 2015 г.

Часть II

НАЦЫЯНАЛЬНЫ БАНК
РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

Во всех отделениях
РУП «Белпочта»

*Падрабязную інфармацыю
вы можаце атрымаць
у любым аддзяленні
паштовай сувязі,
на сайце
РУП «Белпочта»
www.belpost.by*

Подписные индексы:

индивидуальный – 74829

ведомственный – 748292

Редакционно-издательский совет

П.А.Маманович
(председатель совета, главный редактор)
А.О.Тихонов
(заместитель председателя совета)
А.М.Тимошенко
(заместитель главного редактора)
А.Ф.Галов
А.Е.Дайнеко
Д.Л.Калечиц
С.В.Калечиц
М.М.Ковалев
В.Н.Комков
И.В.Новикова
С.В.Салак
В.И.Тарасов
Ю.М.Ясинский

Номер подготовлен

Управлением информации
и общественных связей
Национального банка Республики Беларусь

Главный редактор

Петр Алексеевич Маманович

Зам. главного редактора

А.М.Тимошенко

Ответственный секретарь

С.В.Салак

Редакторы

И.В.Гилевич I.Gilevich@nbrb.by
М.Е.Конышева M.Konysheva@nbrb.by
В.Е.Кудина V.Kudina@nbrb.by

Оформление и верстка

Е.С.Брицько E.Britko@nbrb.by
Л.А.Поведайло L.Povedailo@nbrb.by

Адрес редакции

220008, г. Минск, просп. Независимости, 20
Тел.: (017) 219-23-84, 219-23-83, 220-21-84
Тел./факс 327-17-01
e-mail: bvb@nbrb.by

Отпечатано

в типографии «АкваРель Принт»
ООО «Промкомплекс»
ул. Радиальная, 40-202, г. Минск, 220070
Лицензия № 02330/78 от 03.03.2014 до 29.03.2019
Свидетельство о ГРИИРПИ № 2/16 от 21.11.2013

Заказ №

Подписано в печать 24.03.2016
Формат 60x84 1/8
Офсетная печать
Усл. печ. л. 8,37
Тираж 210 экз.

Журнал зарегистрирован
Министерством информации
Республики Беларусь 20.03.2009
Свидетельство о регистрации № 175

Точка зрения редакции
не всегда совпадает с мнением авторов.
Статьи в разделе «Научные публикации»
предварительно рецензировались.
Перепечатка материалов –
согласно Закону Республики Беларусь
«Об авторском праве и смежных правах»

Распространяется по подписке

Подписные индексы:

индивидуальная подписка – 74829
ведомственная подписка – 748292

Учредитель –
Национальный банк
Республики Беларусь

© Банкаўскі веснік, 2016

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

БАНКОВСКИЙ ВЕСТНИК
BANK BULLETIN MAGAZINE

Информационно-аналитический и
научно-практический журнал
Национального банка Республики Беларусь

Журнал внесен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований по экономическим наукам

№ 3 (632) март 2016 года. Издаётся с апреля 1992 года

СОДЕРЖАНИЕ

Николай ПЛАВИНСКИЙ

Находки монет и торгового инвентаря в курганах на территории Полоцкой земли

В статье рассматриваются находки монет и торгового инвентаря, обнаруженные в курганных могильниках на территории Полоцкой земли. Наиболее ранние погребения с монетами, совершенные по обряду кремации, были найдены в междуречье верховьев Днепра и Двины и в междуречье Двины и Ловати и, очевидно, связаны с существованием торгового пути «из варяг в греки». В свою очередь, в центральных и западных регионах Полоцкой земли монеты обнаружены преимущественно в погребениях по обряду ингумации конца X–XI вв. и отдельных кремациях, так или иначе связанных с элитарными дружинными погребальными традициями последних десятилетий X в. – первых десятилетий XI в.

3

Василий ОРЛИК

О находках на территории Украины монет государств крестоносцев и Латинского Востока

В статье рассказывается об обнаруженных на территории Украины монетах государств крестоносцев. Автор рассматривает топографию находок указанных монет и находит в них подтверждение экономическим и политическим контактам между средневековыми украинскими землями и государствами крестоносцев, в частности, государством Тевтонского ордена в Пруссии.

8

Ростислав САВВОВ

Подольский полугрошок и денежное обращение в Подольском княжестве

В статье приводятся результаты исследования состава более 20 новых, ранее не публиковавшихся кладов рубежа XIV–XV вв., найденных в последнее время в основном на территории Подолья (Украина), в том числе содержащих полугроши подольского князя Константина Кориатовича (1380/2–1386/91). Изучение новых кладов показало, что подольский полугрошок был распространен на всей исторической территории Подольского княжества.

12

Андрей КРЫЖАНИВСКИЙ

Взаимное влияние иконографии и метрологии монетных систем Центральной и Восточной Европы в XIV в.

Автор изучил взаимное влияние иконографии и метрологии монетных систем сопредельных государств и пришел к выводу, что оно является зеркальным отображением торгово-экономических связей между ними.

20

Антон КАЛИНОВСКИЙ

Находки на территории Беларуси монет Шведского королевства (вторая половина XVI в. – начало XVII в.)

Цель статьи – познакомить читателей с наиболее редкими находками шведских монет на территории Польши и Беларуси, выпущенных с 1559 г. по 1611 г., которые впервые вводятся в научный оборот.

24

Валерий КОБРИНЕЦ

Новое и традиционное о русских монетах на территории Беларуси в первой половине XVII в.

В статье изучается роль монет Русского царства на территории Беларуси в первой половине XVII в. Особое внимание автор уделяет случаям использования русских монет в операциях торговли. В основе публикации лежат архивные и опубликованные документы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

26

Александр БУГРОВ

Русская армия и ассигнации в 1813–1815 гг.: малоизвестная страница антинаполеоновских войн

В статье исследуется обращение ассигнаций в период заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., а также в 1815 г. В центре внимания – деятельность променных контор Ассигнационного банка, служивших фильтрами бумажно-денежной наличности. Одновременно конторы осуществляли перевод денежных сумм и производили выдачи на нужды армии. Располагавшиеся на территории Пруссии и Герцогства Варшавского, они сыграли большую роль во внедрении ассигнаций для расчетов и платежей в этих странах, что было особенно важно в период дефицита в казне звонкой монеты. Кроме того, законное хождение ассигнаций за границами Российской империи в это время стало единственным случаем за всю историю их обращения.

33

Александр ОРЛОВ

Денежные знаки концлагерей и гетто

Автор рассказывает о жизни узников концентрационных лагерей Третьего Рейха во время Второй мировой войны и хождении на их территориях специальных лагерных денег (лагерьгельдов). Целями выпуска этих денежных знаков были поощрение узников за хорошую работу и осложнение их побега из концлагерей.

39

Валерий ШИШАНОВ

Клады в музейных собраниях Витебска 1868–1941 гг.

В статье освещается история поступления кладов в музейные собрания Витебска в период 1868–1941 гг.: музеи при Витебском губернском статистическом комитете, Витебской ученой архивной комиссии, Витебском губернском музее, Витебском отделении Белорусского государственного музея.

46

Віталь СІДАРОВІЧ

«Паўсталая з попелу?» (Лёс даваеннай нумізматычнай калекцыі музея БДУ)

Гісторыю нумізматычнай калекцыі Белдзяржуніверсітэта прынята адлічваць ад 1964 г., часу стварэння

Нумізматычнага кабінета. Але насамрэч упершыню антычныя, візантыйскія і ўсходнія манеты з'явіліся ва ўніверсітэцкім музеі яшчэ ў міжваенны перыяд. Доўгі час яны лічыліся страчанамі падчас Вялікай Айчыннай вайны. Дасканалее вывучэнне збору Нумізматычнага кабінета БДУ дазволіла меркаваць, што міжваенная калекцыя, прынамсі, яе частка, перажыла ваенныя віхуры.

51

Виктор СУВОРОВ

Военная тематика в лотерейной деятельности России

В публикации дана краткая история благотворительной лотерейной деятельности военной тематики, основными целями которой были помощь бойцам и населению, пострадавшим от ранений и разрушений, мобилизация средств на нужды войск. Автором охвачен исторический период от дореволюционной России до 1966 г.

58

Аста РАВАЙТИТЕ-КУЧИНСКАЯ

История Литвы в литах

На протяжении более четырех десятилетий XX в. и в начале XXI в. национальной денежной единицей Литвы являлся лит. В данной статье рассмотрены банкноты, бывшие в обращении в этот период. Дизайн банкнот отражает историю Литвы, дух нации, ее самосознание. Выдающиеся личности, национальные символы, элементы архитектуры, крупные города и их герои – основные мотивы изображений на литах. Все описанные банкноты можно увидеть в Музее денег Банка Литвы.

63

Елена ДИВИНСКАЯ

Монеты, посвященные 50-летию Организации Объединенных Наций

В статье рассказывается об участии Республики Беларусь в Программе выпуска монет, посвященных пятидесятой годовщине Организации Объединенных Наций. Автор сравнивает первые белорусские памятные монеты, посвященные этому событию, с монетами других стран – участниц данной программы.

69

Организаторы:

Конференция «Цифровой банкинг»

21 апреля 2016 г.

г. Минск, Ренессанс Отель

+375 17 226 51 11, www.dibank.it-event.by

Находки монет и торгового инвентаря в курганах на территории Полоцкой земли

Николай ПЛАВИНСКИЙ

Доцент кафедры философии, социологии и экономики Международного государственного экологического института имени А.Д. Сахарова Белорусского государственного университета кандидат исторических наук, доцент

Монеты традиционно считаются одними из самых ценных находок в составе погребального инвентаря, так как они служат надежным хронологическим ориентиром для определения датировки погребения. Вместе с этим анализ частоты встречаемости находок монет в раннесредневековых восточноевропейских погребениях определенной территории может позволить (естественно, с некоторыми оговорками) выяснить степень ее вовлеченности в процессы внутри- или межрегиональной торговли, наличия в обращении тех или иных типов монет, интенсивности их выхода из обращения и т. д.

Данные о находках монет в курганах с территории Полоцкой земли были обобщены в каталогах Т.В. Равдиной и В.Н. Рябцевича [26; 27; 28]. Вместе с тем информация, представленная в работах обоих исследователей, на данный момент до определенной степени устарела, во-первых, по причине неточности приводимых в них датировок погребальных комплексов, во-вторых, в силу значительного увеличения количества самих комплексов в результате новых раскопок. Попытка обобщения новейших данных о находках монет в погребальных комплексах западной части Полоцкой земли недавно была принята автором [20].

Находки торгового инвентаря – весов и гирек для взвешивания драгоценных металлов – представляют собой не менее ценные источники по истории денежного обращения, чем находки монет. Обнаружение гирек и весов в погребальных комплексах может

свидетельствовать об осуществлении в том или ином регионе торгово-обменных операций и их интенсивности. Погребальные комплексы с территории Древней Руси, в составе которых выявлены наборы торгового инвентаря, традиционно рассматриваются как могилы людей, участвовавших в торгово-обменных операциях или выполнявших определенные административные функции, связанные в том числе со сбором дани [25, с. 233–235].

Сведения о находках торгового инвентаря в курганах на территории Полоцкой земли неоднократно приводились в работах Ш.И. Бектинеева [2; 3, с. 60; 4; 5, с. 45–50; 6]. Последняя по времени наиболее полная сводка находок гирек-разновесов и деталей весов из курганных погребений на территории Полоцкой земли была осуществлена автором [19].

Данное сообщение посвящено анализу находок монет и торгового инвентаря в курганных погребениях на территории Полоцкой земли. Основной целью работы является анализ хронологии и интенсивности попадания монет и торгового инвентаря в погребальных комплексах региона, что, в свою очередь, позволяет определить время и интенсивность функционирования транс- и внутрирегиональных торговых коммуникаций и степень вовлечения отдельных коллективов в процессы меж- и внутрирегионального обмена. Концентрация находок монет и торгового инвентаря может свидетельствовать о возникновении на территории Полоцкой земли микрорегиональных торгово-административных центров.

На территории Полоцкой земли надежно документированные находки монет происходят из 21 кургана в 17 могильниках.

1. Озерцо, Минский район и область. Курган 5, парная мужская и женская кремация, последние десятилетия X в. – начало XI в. А.В. Войтехович, 2013. Дирхам, Саманиды, Исмаил ибн Ахмад (914–915 гг.), аш-Шаш, фрагмент 1/2 [10, с. 302–303].

2. Заславль, Минский район и область. Группа II, курган 18, погребение 3 – мужская ингумация, конец X в. – начало XI в. А.Н. Лявданский, 1928 г. Дирхам, Саманиды, Нух ибн Наср (943–954 гг.), Самарканд, фрагмент 1/3 [16, с. 87–90; 26, с. 61].

3. Заславль, Минский район и область. Группа VI, курган 6 (29), мужская ингумация, начало XI в. Г.В. Штыхов, 1967 г. Денарий, Саксония, Оттон и Адельгейда (983 – до 1040-х гг. [33, с. 169–170, рис. 52:1–8; 26, с. 61]).

4. Заславль, Минский район и область. Группа VI, курган 23, мужская ингумация, XI в. Ю.А. Заяц, 1978 г. Денарий, Венгрия, Стефан I (1000–1038 гг.), Эстергом [15, с. 47; 26, с. 61].

5. Избище, Логойский район Минской области. Курган 26, женская ингумация, конец X в. – начало XI в. В.В. Казей, 1987 г. Восемь монет с ушками для подвешивания: 1) дирхам, Аббасиды, ал-Муктадир биллах (908–932 гг.); 2) дирхам, Саманиды, Ахмад ибн Исмаил (908–909 гг.), аш-Шаш; 3) дирхам (908–909 гг.) (?); 4) милиарисий, Византия, Иоан I Цимисий (969–976 гг.); 5) милиарисий, Византия, Василий II (976–1025 гг.) и Константин VIII (977–989 гг.); 6) денарий, Оттон II (978–983 гг.), Майнц; 7) денарий, Оттон III (983–1002 гг.), Майнц; 8) – ? [34, с. 23; 28, с. 69]. Данные о монетах в публикациях В.Н. Рябцевича и Г.В. Штыхова (последний ссылается на определения В.Н. Милюткина) сильно расходятся. Тут сведения о дирхамах № 1 и 2 приводятся по В.Н. Рябцевичу, остальные определения – по Г.В. Штыхову.

6. Избище, Логойский район Минской области. Курган 99, женская ингумация, конец X в. – начало XI в. В.В. Казей, 1989 г. Дирхам, Саманиды, Наср ибн Ахмад (914–943 гг.), аш-Шаш, с ушком для подвешивания [34, с. 28–29, 40].

7. Новоселки, Мядельский район Минской области. Курган 8, женская ингумация, конец X в. – середина XI в. И.М. Тюрина, 1962 г. Дирхам, Саманиды, Наср ибн Ахмад (922–923 гг.), Самарканд, с ушком для подвешивания [21, с. 181–182, рис. 7; 26, с. 90].

8. Витуничи, Докшицкий район Витебской области. Курган 2, погребение I, мужская кремация, вторая половина (?)/конец X в. – начало XI в. А.В. Войтехович, 2003–2006 гг. 1/2–1/3 дирхама [9, с. 86–87, рис. 17:11].

9. Поречье (Бирули), Докшицкий район Витебской области. Курган А, мужская ингумация, конец X в. – XI в. Е. и В. Голубовичи, 1938 г. Две монеты: дирхам середины X в. и подражание дирхаму конца X в. [35, с. 179–181, рис. 10:b; 26, с. 104].

10. Поречье (Бирули), Докшицкий район Витебской области. Курган 1А, кремация, вторая половина X в. – начало XI в. (?). Е. и В. Голубовичи, 1938 г. 1/2 дирхама середины X в. [35, с. 184, рис. 10:a; 26, с. 104].

11. Черневичи, Глубокский район Витебской области. Курган, женская ингумация, датировка – ? Е. и В. Голубовичи, 1935, 1937–1938 гг. Подвеска, изготовленная из подражания (?) дирхаму [11, с. 132; 36, с. 3–4; 26, с. 125].

12. Шо, Глубокский район Витебской области. Курган, мужская ингумация, конец X в. – начало XI в. (?). Е. и В. Голубовичи, 1939 г. Дирхам или имитация дирхама [11, с. 132; 36, с. 8; 26, с. 131].

13. Погоща, Браславский район Витебской области. Курган 5, парная ингумация (мужчина и женщина), рубеж X–XI вв. – начало XI в. Н.А. Плавинский, 2009 г. 5 целых и 3 фрагментированные монеты: 1) дирхам, Саманиды, Мансур ибн Нух (970–971 гг.), Самарканд; 2) дирхам, Саманиды, Мансур ибн Нух (968–969 гг.), Самарканд; 3) дирхам, Саманиды, Наср ибн Ахмад (929/930 или 931/932 гг.); 4) фрагмент дирхама X в.; 5) денарий, Оттон III (983–1002 гг.), Кельн; 6) денарий, Оттон III (983–1002 гг.), Дортмунд; 7–8) два совсем мелких неопределимых фрагмента монет [22, рис. 91].

14. Путилковичи, Ушачский район Витебской области. Курган 32, женская ингумация, XI в. Ф. Ве-

ренько, 1887–1891 гг. Дирхам [23, с. 117–123; 26, с. 107; 27, с. 74].

15. Словены, Ушачский район Витебской области. Курган 1, женская ингумация в насыпи, конец X в. – начало/первая половина XI в. И.А. Сербов, 1928. Саманиды, Наср ибн Ахмад (914–943 гг.), аш-Шаш, с ушком [31, с. 204–206; 26, с. 111; 27, с. 74].

16. Слободка III, Чашникский район Витебской области. Курган 4, основная женская ингумация, XI в. Г.В. Штыхов, 1974. Денарий, Англия, Этельред II (997–1003 гг.), тип «большой крест», с отверстием [26, с. 112; 28, с. 68; 33, с. 149].

17. Багриново, Толочинский район Витебской области. Курган 5, женская ингумация в насыпи, конец X в. – XI в. З.М. Сергеева, 1969 г. 4 монеты с ушками: 1) дирхам, Саманиды, Исмаил ибн Ахмад (906–907 гг.), город – ?; 2) дирхам, Саманиды, Ахмад ибн Исмаил (913–914 гг.), город – ?; 3) дирхам, Саманиды, Мансур ибн Нух (966–967 гг.), Амоль; 4) дирхам, Саманиды, Мансур ибн Нух (968–969 гг.), город – ? [32, с. 61–63, рис. 19; 26, с. 22; 27, с. 73].

18. Городок, Витебская область. Курган, кремация, X в. О.Н. Левко, 1986 г. Фрагмент дирхама, Самниды, Исмаил ибн Ахмад (892–907 гг.) [18; 27, с. 68].

19. Богдановское озеро (к северу от Сенно), Витебская область. Курган, кремация, X в. (?). 1890-е гг. Дирхам X в. [1, с. 41–42; 26, с. 27; 27, с. 73].

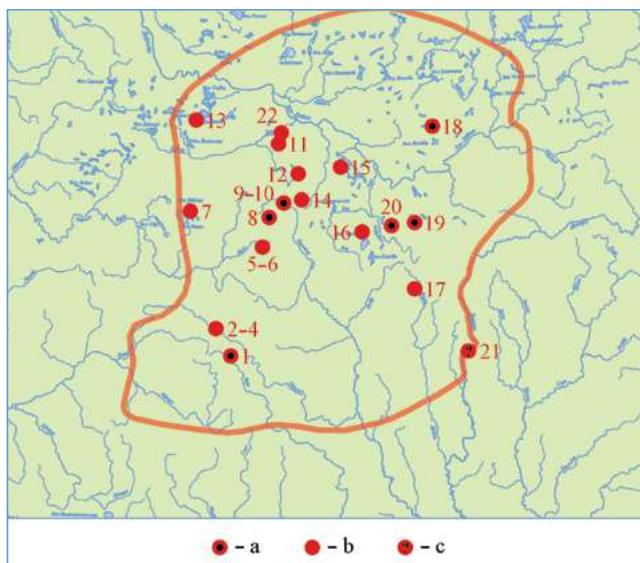
20. Вязец, Сенненский район Витебской области. Курган, кремация, X в. (?). Дирхам, Саманиды, Наср ибн Ахмад (914/915 по В.Н. Рябцевичу, 941–942 гг. по Т.В. Равдиной), аш-Шаш [26, с. 37–38; 27, с. 73].

21. Могилев. Курган на берегу Днепра, обряд – ?, датировка – ? 6 дирхамов: старшая монета – Умай-ады, Абд ал-Малик ибн Мерван (704 г.), Васит; младшая монета – Аббасиды, ал-Амин (810–811 гг.), Мааден Баджунейс [27, с. 77].

22. Кроме перечисленных находок к числу монет, происходящих из погребений, относятся также 3 медные подвески – подражания дирхамам Насра ибн Ахмада (1 целая и 2 фр.), найденные в карьере на месте некрополя конца X в. – XI в. у деревни Козловцы Миорского района Витебской области и датированные В.Н. Рябцевичем 914–932 гг. [29, с. 212–213]. Данный могильник традиционно интерпретируется в литературе как грунтовый [30], однако более пристальное рассмотрение отчетной документации [12, с. 5–9, рис. 5–16] позволяет полагать, что это был курганный некрополь.

Анализ топографии и хронологии курганов с находками монет на территории Полоцкого княжества позволяет сделать несколько заключений (*рисунки 1*). Из 22 погребальных комплексов с монетами 7 являются кремациями. Кроме того, к числу кремаций, судя по датировке монет, следует отнести и могилевский курган. Кремации с монетами концентрируются в междуречье верховьев Днепра и Двины, в междуречье Двины и Ловати, в верховьях Березины и Птичи. Причем наиболее ранние комплексы, относящиеся к X в., выявлены в междуречье верховьев Днепра и Двины и в междуречье Двины и Ловати. Очевидно, что данные находки маркируют волоки на пути «из варяг в греки».

Отдельные находки в верховьях Березины и Птичи, вероятно, также напрямую соотнесены с функ-

Рисунок 1. Находки монет в курганах на территории Полоцкой земли: 1 – Озерцо, 2–4 – Заславль, 5–6 – Избище, 7 – Новоселки, 8 – Витуничи, 9–10 – Поречье (Бирули), 11 – Черневичи, 12 – Шо, 13 – Погоща, 14 – Путилковичи, 15 – Словены, 16 – Слободка III, 17 – Багриново, 18 – Городок, 19 – Богдановское озеро, 20 – Вядец, 21 – Могилев, 22 – Козловцы (а – курган с погребением по обряду кремации, б – курган с погребением по обряду ингумации, с – обряд погребения в кургане неизвестен)

ционированием торговых путей. Могильник Озерцо является одним из некрополей, связанных с открытым торгово-ремесленным поселением на Менке (первоначальным Менском [10, с. 300–303]). В свою очередь могильник Поречье является составной частью археологического комплекса Бирули, население которого в последних десятилетиях X в. – первых десятилетиях XI в. выполняло определенные административные функции и участвовало в торгово-обменных операциях – в ключевом пункте торгового пути по Березине, размещенном у ее истоков.

Находки монет в курганах с ингумациями в центральных и западных регионах Полоцкой земли распространены достаточно равномерно, хотя определенная их концентрация может быть отмечена в полосе от истоков Вилии по направлению к истокам Березины и далее к низовьям Дисны. Все выявленные тут находки относятся к концу X в. – XI в. Из 17 известных тут погребений с монетами (№ 1–16, 22) только три были совершены по обряду кремации. Большинство ингумаций по характеру инвентаря могут рассматриваться как элитарные. К числу элитарных могут быть отнесены и погребения по обряду кремации в Озерце, где кроме фрагмента дирхама были найдены височное кольцо с подвеской в форме «кукурузного початка» из свинцово-оловянистого сплава, серебряная зерненная бусина и уздечная накладка [10, с. 302–303], и Витуничах, где фрагмент дирхама обнаружен вместе с накладками от наборного пояса [9, с. 86–87, рис. 17], что позволяет отнести его к кругу дружинных древностей.

Единственная кремация с монетой в погребении культуры смоленско-полоцких длинных курганов выявлена в кургане 1А могильника Поречье (Бирули). Однако, как уже отмечалось, данный могильник был, вероятно, оставлен населением торгово-админи-

стративного центра, в составе которого присутствовала значительная часть носителей традиций культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Вместе с тем ведущую роль в этом коллективе занимали представители княжеской администрации, торговцы и ремесленники, которые уже являлись носителями традиций древнерусской материальной культуры и погребального обряда (в частности – ингумации).

Находки торгового инвентаря в курганных могильниках на территории Полоцкой земли крайне немногочисленны. На данный момент мы располагаем надежными данными только о трех таких комплексах.

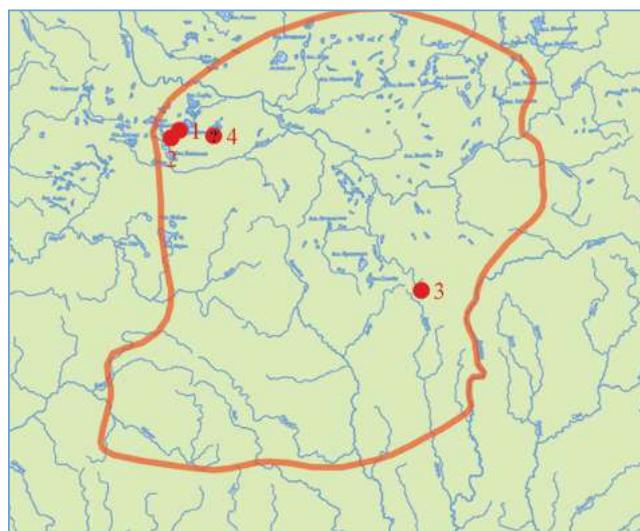
1. Погоща, Браславский район Витебской области. Курган 5, мужская ингумация (парное погребение мужчины и женщины), рубеж X–XI вв. – начало XI в. Н.А. Плавинский, 2009 г. Рычажные весы в бронзовой коробочке и 11 гирек-разновесов (9 железных обмедненных бочонковидных, 2 свинцовые четырнадцатигранные [19, с. 10–12; 22, рис. 90–91].

2. Довбор, Браславский район Витебской области. Курган 4, мужская (?) кремация, вторая половина X в. – начало XI в. Ф.В. Покровский, 1893 г. 4 железные обмедненные бочонковидные гирьки [14, с. 73, рис. 18:13–14; 24, с. 204–205; 19, с. 11].

3. Дроздово, Толочинский район Витебской области. Курган 3, мужская ингумация, конец X в. – первая половина XI в. О.Н. Левко, 1987 г. 2 бронзовые чашечки от весов и 6 железных обмедненных бочонковидных гирек-разновесов [5, с. 48; 17, с. 166, рис. 2; 19, с. 11, рис. 6].

4. Кроме того, Л.В. Дучиц упоминает о находке М. Петюкевичем в 1938 г. металлических весов в одном из курганов могильника Кузьмовщина Браславского района Витебской области [13, с. 7; 19, с. 11]. Однако подробности этих раскопок и источник информации об их проведении остаются неизвестными, что заставляет относиться к этой информации с крайней осторожностью.

Очевидно, что находки торгового инвентаря в курганах на территории Полоцкой земли слишком малочисленны, чтобы высказывать какие-либо опре-

Рисунок 2. Находки торгового инвентаря в курганах на территории Полоцкой земли: 1 – Погоща, 2 – Довбор, 3 – Дроздово, 4 – Кузьмовщина

деленные предположения об их хронологии и топографии (рисунки 2). Собственно, на данный момент мы можем констатировать только два очевидных факта. Первый из них заключается в том, что все находки торгового инвентаря датируются в достаточно узких рамках второй половины X в. – начала XI в., а вероятнее всего относятся к концу X в. – началу XI в.

Несмотря на малочисленность известных находок, нельзя не отметить их некоторую концентрацию в Браславском Поозерье (если учитывать информацию о раскопках могильника Кузьмовщина). Отчасти данный факт может быть объяснен близостью данного региона к Западной Двине и, соответственно, включением отдельных групп местного населения в торгово-обменные операции на западновинском пути. Вместе с тем самый полный комплект торгового инвентаря выявлен в курганном могильнике Погоща вместе с монетами и исключительно многочисленным и представительным для данного региона инвентарем в кургане, который может быть интерпретирован как погребение представителя княжеской администрации [22, с. 155–156]. Кроме того, обнаружение сразу нескольких погребальных комплексов с весами и гирьками в Браславском Поозерье может объясняться тем, что данный регион размещается на пограничье с балтским населением современной территории Латвии, для которого помещение торгового инвентаря при погребениях было достаточно распространенным явлением, начиная со второй половины X в. [7; 8]. Не исключено, что это могло повлиять на погребальные традиции населения Браславского Поозерья [19, с. 13].

Таким образом, основные выводы, которые могут быть сделаны на основании анализа монет и торгового инвентаря в курганах на территории Полоцкой земли, сводятся к следующему:

- находки монет в курганах на территории Полоцкой земли относительно немногочисленны, а случаи выявления торгового инвентаря единичны;
- наиболее ранние погребения с монетами, совершенные по обряду кремации, концентрируются в междуречье верховьев Днепра и Двины и в междуречье Двины и Ловати и, очевидно, связаны с функционированием торгового пути «из варяг в греки»;
- в центральных и западных регионах Полоцкой земли монеты обнаружены преимущественно в погребениях по обряду ингумации конца X в. – XI в. и отдельных кремациях, так или иначе связанных с элитарными дружинными погребальными традициями последних десятилетий X в. – первых десятилетий XI в. Соответственно, можно полагать, что население культуры смоленско-полоцких длинных курганов центральных и западных регионов Полоцкой земли на протяжении X в. (и предшествующего времени) не практиковало помещение монет в состав погребального инвентаря, что, в свою очередь, может свидетельствовать об отсутствии стабильного притока и широкого обращения монет в его среде. При этом нельзя полностью исключать возможности полного расплавления отдельных монет в погребальном костре, однако даже такое допущение не может принципиальным образом повлиять на общую картину отсутствия монет в составе погребального инвентаря населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов данного региона.

Источники:

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.) / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 296 с.: ил.
2. Бектинеев, Ш.И. Весы и гирьки-разновесы X–XIV вв. из Белоруссии / Ш.И. Бектинеев // Советская археология. – № 1. – 1987. – С. 231–238.
3. Бектинеев, Ш.И. Нумизматические и метрологические материалы Друтины X–XV вв. / Ш.И. Бектинеев // Древнему Друцку 1000 лет. Материалы к научно-практической конференции. – Витебск, 2001. – С. 58–61.
4. Бектинеев, Ш.И. Методика исследований монетных гирек-разновесов X–XIV вв. (по белорусским археологическим материалам) / Ш.И. Бектинеев // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 20. – 2011. – С. 66–72.
5. Бектинеев, Ш.И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках: нумизматические исследования / Ш.И. Бектинеев. – Мн.: Беларуская навука, 2014. – 509 с.: ил.
6. Бектинеев, Ш.И. 1997. Метрологические материалы поселения на р. Менке (к денежному обращению X–XII вв.) / Ш.И. Бектинеев, Т.С. Скрипченко // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 12. – 1997. – С. 23–30.
7. Берга, Т.М. Находки разновесов на городищах и поселениях Латвии / Т.М. Берга // Археология и история Пскова и Псковской земли. – М. – Псков: ИА РАН, 211. – С. 166–171.
8. Берга, Т.М. Вопросы датировки бочонковидных разновесов, найденных на территории Восточной Латвии / Т.М. Берга // Другія навуковыя чытанні пам'яці прафесара Валянціна Навумавіча Рабцэвіча (1934–2008). Мінск – Нясвіж, 26–28 лістапада 2014 г. Праграма і тэзісы дакладаў. – Мн., 2014. – С. 21–23.
9. Вайцяховіч, А.В. Пахавальны абрад курганнага могільніка канца X–XII стст. каля вёскі Вітунічы Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці / А.В. Вайцяховіч // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 14. – 2007. – С. 86–108.
10. Войтехович, А.В. Курганные могильники в районе поселенческого комплекса на р. Менка / А.В. Войтехович, С.Д. Дернович // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Вып. 29. – 2014. – С. 300–306.
11. Голубович, Е. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР / Е. Голубович, В. Голубович // Краткие сообщения института истории материальной культуры. – Вып. XI. – 1945. – С. 126–137.
12. Дучиц, Л.В. Отчет о полевых археологических исследованиях в 1988 г. в Глубокском и Миорском районах Витебской области / Л.В. Дучиц, Г.Н. Семенчук / Фонд археологической научной литературы Центрального научного архива НАН Беларуси. – Спр. № 1059. – Мн., 1989.
13. Дучиц, Л.У. Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст.: гісторыка-археалагічны нарыс / Л.У. Дучиц. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 120 с.: іл.
14. Енуков, В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим данным) / В.В. Енуков. – М.: Знак Почета, 1990. – 262 с.: ил.

15. Заяц, Ю.А. Заславль в эпоху феодализма / Ю.А. Заяц. – Мн.: Наука і тэхніка, 1995. – 207 с.: ил.
16. Ляўданскі, А.Н. Археалёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі / А.Н. Ляўданскі // Працы катэдры археалёгіі. Т. I / Запіскі аддзелу гуманітарных навук. – Кн. 5. – 1928. – С. 1–92.
17. Левко, О.Н. Курганные древности X–XI вв. в окрестностях Друцка и друцких волоков / О.Н. Левко // Acta Archaeologica Albaruthenica. – Vol. VII. – 2011. – С. 159–178.
18. Ляўко, В.М. Гарадоцкі курганны могільнік / В.М. Ляўко // Археалогія Беларусі: Энцыклапедыя. – Т. 1. – Мн.: Беларуская Энцыклапедыя, 2009. – С. 231.
19. Плавинский, Н.А. Находки весов и гирек-развесов на территории Полоцкой земли (конец IX в. – XI в.) / Н.А. Плавинский // Банкаўскі веснік. – 2012. – № 7. – С. 9–13.
20. Плавинский, Н.А. Находки монет в курганах на западе Полоцкой земли / Н.А. Плавинский // Восемнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. – Москва – Коломна, 20–25 апреля 2015 г. – Тезисы докладов и сообщений. – М.: ГИМ, 2015. – С. 62–65.
21. Плавінскі, М.А. Курганны могільнік Навасёлкі Мядзельскага раёна (1. Даследаванні 1961, 1962 гг.) / М.А. Плавінскі, А.М. Плавінскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 5. – 2002. – С. 179–191.
22. Плавінскі, М.А. Курганныя могільнікі захаду Браслаўскага Паазер'я (матэрыялы раскопак 1978–2010 гадоў) / М.А. Плавінскі, Л.У. Дучыц, А.М. Плавінскі, В.І. Шадыра. – Мн.: Галіяфы, 2014. – 220 с.: ил.
23. Поболь, Л.Д. Древности Белоруссии в музеях Польши / Л.Д. Поболь. – Мн.: Наука и техника, 1979. – 208 с.: ил.
24. Покровский, Ф.В. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии / Ф.В. Покровский // Труды IX Археологического съезда в Вильне. – Т. I. – М., 1895. – С. 166–220.
25. Пушкина, Т.М. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья / Т.М. Пушкина // Смоленск и Гнёздово. – М.: Издательство МГУ, 1991. – С. 226–243.
26. Равдина, Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог / Т.В. Равдина. – М.: Наука, 1988. – 152 с.: ил.
27. Рябцевич, В.Н. Дирхамы Арабского Халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) / В.Н. Рябцевич // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). – Мн.: Веды, 1998. – С. 66–80.
28. Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X – начала XIV вв. / В.Н. Рябцевич // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Вып. 15. – 2000. – С. 66–72.
29. Рябцевич, В.Н. Находки брактеатов, имитирующих куфические дирхамы, на территории Беларуси / В.Н. Рябцевич // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 3. – 2001. – С. 211–214.
30. Семянчук, Г.М. Новая катэгорыя археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (грунтавыя могільнікі XI–XIII стст.) / Г.М. Семянчук // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Вып. 2. – 1993. – С. 124–139.
31. Сербай, І.А. Археалёгічныя помнікі Вушацкага раёну, Полацкае акругі / І.А. Сербай // Працы археалёгічнай камісіі. Т. II / Запіскі аддзелу гуманітарных навук Беларускай акадэміі навук. – Кніга 11. – 1930. – С. 199–211.
32. Сергеева, З.М. 1972. Раскопки курганов в Толочинском районе (БССР) / З.М. Сергеева // Краткие сообщения института археологии. – Вып. 129. – С. 61–64.
33. Штыхай, Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхай. – Мн.: Наука і тэхніка, 1992. – 191 с.: ил.
34. Штыхай, Г.В. Курганны могільнік Ізбішча-Дзвінаса / Г.В. Штыхай // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 16. – 2008. – 249 с.: ил.
35. Серак-Нолюбавічова, Н. Słowiańsko-warenskie cmentarzysko kurhanowe koło Porzecza w powiecie Dziśnieńskim / Н. Серак-Нолюбавічова // Przegląd archeologiczny. – Т. VI. – № 2–3. – 1938–1939. – С. 178–203.
36. Hołubowiczowe, H. i W. Wykopiska na Wileńszczyźnie w latach 1938 i 1939 / H. i W. Hołubowiczowe. – Wilno, 1940. – 10 s.

О находках на территории Украины монет государств крестоносцев и Латинского Востока

Василий ОРЛИК

Доктор исторических наук профессор, заведующий кафедрой Кировоградского национального технического университета (Украина)

типы монет. Особый интерес представляют находки монет Эдесского графства [1], в частности, монет, которые исследователи относят к эмиссии Жослена I (1118–1131) и Жослена II (1131–1150) [2, с. 38], монет княжества Антиохии – эмиссии Танкреда (1101–1112) (рисунки 1) [3], Боемунда II (1126–1130) (рисунки 2) [4] и Боемунда III (1161–1201), а также денье Кипрского королевства [5], трахеи Латинской империи (рисунки 3–4) [6], трахеи королевства Фессалоники (рисунки 5) времен правления Марии Венгерской (1212–1220), которая была регентом при своем сыне Деметриусе, денье правителей франкской Греции (рисунки 6): Ахейского княжества, деспотий Эпира и других.

Нумизматические находки являются свидетелями прошлого: торговых отношений, повседневных, а также героических и трагических событий. К неоднозначным страницам мировой истории относят крестовые походы и возникновение вследствие движения за Гроб Господень государств. Данные государства были созданы крестоносцами как в Леванте (Иерусалимское и Кипрское королевства, графства Эдесское и Триполи, княжество Антиохийское и др.), так и в Европе (государство Тевтонского ордена в Пруссии и его Ливонское отделение, которое было названо Ливонским орденом). Эпоха крестовых походов имела важные последствия как для Ближнего Востока, так и для Европейского континента.

В период крестовых походов и в последующие столетия через территорию современной Украины проходили важные торговые пути, соединяющие Левант с Центральной и Северной Европой, а также с Волжским регионом на Востоке. Перекрестком этих торговых путей был Крымский полуостров и другие причерноморские земли Украины (Херсонская, Николаевская и Одесская области). Вследствие этого на данных территориях зафиксированы единичные находки монет государств крестоносцев XII–XIV вв. Монеты этих эмитентов были обнаружены также в других районах, через которые проходили торговые пути, – Сумской, Киевской, Тернопольской, Волынской, Ровненской областях. Среди корпуса подобных находок встречаются достаточно редкие

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

Рисунок 5

Рисунок 6

Кроме монет государств крестоносцев, созданных в Леванте, на территории современной Украины встречается значительное количество монет европейского государства, созданного Орденом Святой Марии Иерусалимской (также участника крестовых походов), – государства Тевтонского ордена в Пруссии (далее – Тевтонский орден, Орден) (рисунок 7), а также монет Ливонского ордена. Если монеты Леванта являются единичными находками (исключение составляют монеты Латинской империи), то монеты Тевтонского ордена встречаются как в виде единичных находок, так и в составе денежных и денежно-вещевых кладов [7].

Рисунок 7

После монгольского нашествия на Киевскую Русь и разрушения Киева войсками Батыя в 1240 г. центр политической и экономической жизни русских* земель переместился в Галицко-Волынское княжество. Его правители для борьбы с монголами, а также другими агрессивными соседями поддерживали союзнические отношения с государством Тевтонского ордена в Пруссии. Кроме политического и военного сотрудничества между государствами активно развивались и экономические связи, особое место в которых занимала торговля. Торговые отношения с городами Тевтонского ордена, ставшие для волынских городов традиционными, продолжились и после включения Волыни в состав Литовского государства.

Особое место в торговле волынских и других русских городов Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) с городами Тевтонского ордена занимала сырьевая торговля. Однако во второй половине XIV в. польские короли периодически пытались ограничить торговлю Ордена с Волынью и Галицкой Русью (Галицией). А в начале XV в. на торговых взаимосвязях русских земель ВКЛ и Тевтонского ордена отрицательно сказалась Великая война 1409–1411 гг. и ее последствия. Только во второй половине XV в. после завершения Тринадцатилетней войны (войны городов 1454–1466 гг.) и подписания 19 октября 1466 г. в городе Торунь мирного договора (известного как Второй Торуньский мир) купечество бывших орденских городов западной Пруссии получило право свободной торговли и перемещения по всем польским дорогам. Среди торговых партнеров волынских городов Луцка и Владимира в хлебной торговле снова появились орденские города, в частности, Кролевец (Кенигсберг), в то время столица, а также бывшие орденские города Гданьск и Торунь. Купцы Тевтонского ордена как представители Ганзейского союза закупали на Волыни необходимое сырье и полуфабрикаты для своей промышленности.

Экономическое сотрудничество Тевтонского ордена в Пруссии и южнорусских земель ВКЛ оставило достаточное количество нумизматических источников, ведь монетные находки, по выражению известного украинского ученого Николая Котляра, являются «реликтами внутренней и внешней торговли тех времен» [8, с. 65].

Наибольшее количество известных монетных находок зафиксировано на территории исторического региона Украины – Юго-Восточной Волыни, а также граничащих с ней земель – Волынской, Ровненской, Винницкой, Хмельницкой, Житомирской и Тернопольской областях.

Первый клад, найденный на территории современной Украины, в составе которого были монеты Тевтонского ордена, был описан Кондратием Федоровичем Страшкевичем еще в 1866 г. [9]. В составе этого денежного клада, найденного в 1844 г. в селе Козинце Брацлавского уезда Подольской губернии (теперь Винницкой области), были две монеты Тевтонского ордена в Пруссии – шиллинги наместни-

* Русские (или русские с одним «с») – дефиниция условной географии, указывает на то, что эти земли были частью Киевской Руси, в то время как термин «русские» (с двумя «с») указывает на принадлежность их к российскому государству.

ка Тевтонского ордена Генриха Ройсса фон Плауэна (1467–1469) и магистра Генриха Реффле фон Рихтенберга (1470–1477) [2, с. 16]. На сегодняшний день в историографии описаны 18 денежных и денежно-весовых комплексов, найденных в Украине, в состав которых входили монеты Тевтонского ордена.

Среди корпуса единичных находок тевтонских монет (автору известно более 200 находок) особое место занимает находка полскойца (Halbschoter) (рисунк 8) эмиссии 1368–1380 гг., чеканенного во время правления Великого магистра государства Тевтонского ордена в Пруссии Винриха Книпроде [10, с. 92].

Рисунк 8

По свидетельству владельца монеты, она была найдена в апреле 2012 г. в Полтавской области в лесу в нескольких километрах от поселка городского типа Диканька в направлении р. Ворскла. Учитывая нетипичный характер данной нумизматической находки для земель Поворскля конца XIV в. [11], можно предположить, что полскойца со следами длительного пребывания в денежном обращении мог попасть на эту территорию благодаря представителям тевтонского войска во главе с командором замка Рагнит Марквардом фон Зальцбахом (Marquard von Salzbach), которое входило в объединенные войска Великого князя литовского Витовта и участвовало в битве на реке Ворскле 12 августа 1399 г. Монету могли потерять воины по пути к месту сражения или во время бегства после поражения. Также не исключено, что полскойца могли потерять мародеры, которые обыскивали тела павших воинов или кто-то другой, кто имел контакты с представителями Тевтонского ордена.

Очень интересная находка была сделана в мае 2015 г.: две однотипные биллонные монеты, на одной стороне которых размещена символика Тевтонского ордена – орденский крест в геральдическом щите (рисунк 9). В историографии нет единого мнения относительно эмитента данного типа монет. Проведенный анализ метрологии, иконографии, а также документальных источников позволяет утверждать, что это были «квартинги», чеканенные в банате Северин в период пребывания там группы предста-

Рисунк 9

вителей Тевтонского ордена во главе с Николау фон Редвитцом [12]. По свидетельству владельца, выставившего эти монеты для атрибуции на украинском интернет-форуме «Виолити», они были найдены в Волынской области около р. Луги.

Среди находок на территории современной Украины монет Тевтонского ордена разных номиналов автором опубликовано пять средневековых подделок [13] – три фальсификата шиллингов магистров Михеля Кюхмейстер фон Штернберга (рисунк 10), Пауля фон Русдорфа и два поддельных гроша Иоганна фон Тифена. Упомянутые монеты были найдены в Волынской и Ровненской областях.

Рисунк 10

Анализируя находки на территории Украины монет крестоносцев, нельзя не упомянуть и находки монет Латинского Востока, в частности, подражаний венецианским дукатам, которые чеканились в генуэзских владениях Леванта, возникших в период крестовых походов. Так, например, в ноябре 2012 г. на украинском интернет-форуме «Виолити» [14] на атрибуцию был выставлен редкий золотой дукат (рисунк 11) времен правления Генуей миланского герцога Филиппо Мария Висконти (1421–1436), на что указывает первое слово аверса «MEDIOLANI – DNS» (лат. – Милана правитель). По информации владельца монеты, она была найдена в с. Шепель Луцкого района Волынской области.

Рисунк 11

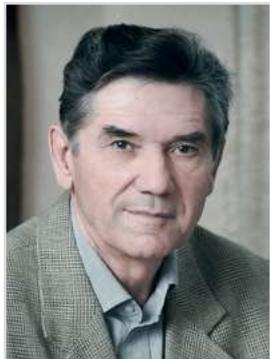
Насыщение монетами культурных слоев поселений дает возможность обнаружения нумизматических источников во время раскопок или других работ. Такие монеты в момент их потери должны были находиться у населения в достаточном количестве. Учитывая массовость подобных находок, можно утверждать о популярности той или иной денежной единицы у населения исследуемого региона. Исследование находок монет Леванта и Тевтонского ордена на территории современной Украины позволяет сделать вывод о том, что с данными странами ее связывали преимущественно экономические отношения (особенно с государством Тевтонского ордена), а также о присутствии орденских монет в денежном обращении на украинских землях в XIV–XV вв.

Источники:

1. Монета // Форум Виолити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=1097870&postdays=0&postorder=asc&start=20>. – Дата доступа: 09.12.2015.
2. Metcalf, D.M. *Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean*. – London, Museum, Oxford, 1995. – P. 366.
3. Монеты Византии и христианского Востока // Форум Виолити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=795601&postdays=0&postorder=asc&start=900>. – Дата доступа: 09.12.2015.
4. Orlyk, V. *Zur Prägung und ikonografie der Kupfermünzen von Fürst Boemund II. von Antiochia* / V. Orlyk // *Münzen & Sammeln*. – 2015. – № 11. – С. 35–37.
5. Монета на оприділення // Форум Виолити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=752769&highlight=>. – Дата доступа: 09.12.2015.
6. Помогите в определении и оценке монет // Форум Виолити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=604259&highlight=>. – Дата доступа: 09.12.2015.
7. Орлик, В. Нумизматические свидетельства торговых связей южнорусских земель Великого княжества Литовского с городами государства Тевтонского ордена в Пруссии / *Numizmatikos rinkiniai: ir su ja susijusiu saliu paveldas*. – Vilnius, 2015. – P. 249–258.
8. Котляр, М.Ф. *Грошовий обіг на території України доби феодалізму*. К.: Наук. думка, 1971. – С. 174.
9. Страшкевич, К. Клады, рассмотренные в милицейском кабинете университета св. Владимира с 1818 по 1866 гг. / К. Страшкевич // *Университетские известия*. – 1866. – № 10. – С. 1–38.
10. Voßberg, Friedrich August. *Geschichte der preußischen Münzen und Siegel von frühester Zeit bis zum Ende der Herrschaft des Deutschen Ordens*. – Berlin, 1843. – S. 16.
11. Orlyk, W. *Udział wojsk Zakonu Krzyżackiego w bitwie nad rzeką Worsklą w sierpniu 1399 r. w świetle źródeł numizmatycznych* / W. Orlyk // *Buletyn Numizmatyczny*. – 2015. – Nr 3. – S. 175–180.
12. Орлик, В.М. Знахідки на Волині монет банату Северин із символікою Тевтонського ордену / В. М. Орлик // *Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки: тези доповідей III-ї міжнародної науково-практичної конференції, 5–6 листопада 2015 р.* – Кіровоград–Київ–Переяслав–Хмельницький, 2015. – С. 46–47.
13. Orlyk, V. *False Coins of the Teutonic Order State in Prussia in the currency of South-Rus Lands of the Lithuanian Grand Duchy* / V. Orlyk // *Pieniadz i systemy monetarne wspolne dziedzictwo Europy. Studia i materialy, Augustow*. – Warszawa, 2012. – S. 112–115.
14. Монета // Форум Виолити [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=920784&postdays=0&postorder=asc&start=0>. – Дата доступа: 09.12.2015.

Подольский полугрошок и денежное обращение в Подольском княжестве

Ростислав САВВОВ

Нумизмат-исследователь
(г. Хмельницкий, Украина)

Подольское княжество возникло во второй половине XIV в. в результате экспансии Великого Княжества Литовского на украинские земли, до того подконтрольные Золотой Орде, клонившейся к упадку. Согласно мнению большинства историков, уже к 60-м гг. XIV в. многочисленный клан литовских князей Кориатовичей, племянников Великого князя Литовского Ольгерда (1345–1377), овладели Западным Подолем, воспользовавшись, как сообщает летопись, «приязнью» местного населения.

После битвы в 1362/3 г. на Синих Водах, где Ольгерд вместе с четырьмя братьями Кориатовичами победили татар, Подольское княжество расширилось на юг и восток – от предгорий Карпат до Среднего Поднепровья. Пришедший к власти на рубеже 70–80-х гг. Константин Кориатович (1378/82–1388/91) стал чеканить здесь серебряную монету по стопе широко распространенного в то время на Подолье галицко-русского грошика соседнего Львова, чеканившегося в свою очередь примерно в половину пражского гроша (рисунки 1). Несмотря на то, что полугрош Константина был опубликован в научной литературе еще в XIX в., он был атрибутирован как монета Подольского княжества только в 2004 г., после находки в Дунаевцах на Подолье экземпляра хорошей сохранности [1]. Очевидно, что именно полугрош Константина фигурирует в источниках начала XV в. под названием «подольский полугрошок».

Научное наблюдение за содержимым обнаруженных кладов существовало на Подолье с XIX в., однако монеты Подольского княжества до недавнего времени зафиксированы не были. Связано это, по мнению автора, со сравнительно небольшим количеством выявленных в прошлом на Подолье кладов второй половины XIV в. и начала XV в. А также тем обстоятельством, что в старых находках, как правило, отмечались лишь основные группы монет, тогда как подольские полугрошки, очевидно, оставались без внимания: как показывают современные находки, они составляют в кладах лишь незначительную долю.

Большинство давних нумизматических находок было обнаружено на западе Подолья и содержало в основном галицко-русские грошики Львова и пражские гроши, что давало основания утверждать, что денежное обращение на Подолье во время существования Подольского княжества основывалось на этих монетах [2, с. 69–71]. В то же время подольские полугрошки были зафиксированы в соседних с Подолем областях – Молдавии и Киевщине (однако эти монеты, как упоминалось выше, долгое время оставались неопределенными). Имеются в виду подольские полугрошки, которые хранятся в настоящее время в национальных музеях Будапешта [3, с. 241] и Бухареста, происходящие, как показали исследования румынских коллег [4, с. 271–279], из находок XIX в. с исторической территории Молдавии, а также подольский полугрошок из археологических раскопок 30-х гг. XX в. в Вышгороде, хранящийся ныне в Национальном музее истории Украины.

Представленный обзор нумизматических находок рубежа XIV–XV вв. на Подолье и в соседних регионах, сделанных в последнее время, во многом стал возможен благодаря помощи местных краеведов и коллекционеров, а также использованию информации со специализированных интернет-ресурсов*. Более двадцати новых находок кладов, в том числе содержащих полугроши Константина, и более точная по сравнению

I тип

II тип

Рисунок 1. Полугрош Константина Кориатовича
(подольский полугрошок)

* Автор считает своим долгом выразить большую благодарность Игорю Яковелису за помощь в подготовке работы.

с прошлым детализация и достоверность их описания позволяют с большей надежностью и точностью очертить регион распространения и время пребывания в обращении монет Подольского княжества.

Нужно сразу подчеркнуть, что в целом состав новых находок подтвердил сделанный ранее вывод о том, что в денежном обращении на Подолье в последней трети XIV в. доминировали галицко-русские грошики и пражские гроши. Это хорошо видно на примере как больших новых кладов (таких как Смотричский (№ 2), Черче I (№ 3), так и небольших кладов-«кошельков» (таких как Сатанов (№ 5), где указанные монеты составляют подавляющее большинство (*рисунок 2*; состав кладов в Дополнении).

В кладах, относящихся к 80-м гг. XIV в., среди галицко-русских грошей присутствуют русские грошики ранних выпусков: Казимира III (1333–1370), Владислава Опольского (1372–1379) и Людовика Венгерского (1342–1382). В кладах 90-х гг. XIV в. их сменяют русские грошики Ягайло (1386–1434), примером чего может послужить клад из Блакитне (№ 18). Примечательно, что пражские гроши в кладах этих периодов, Яна Люксембургского (1310–1346) и Карла I (1346–1378), почти все обрваны (примеры кладов: Смотричский (№ 2), Черче

II (№ 14), Польный Мукаров (№ 17). В кладах рубежа XIV–XV вв. и самого начала XV в. доля галицко-русских грошиков уменьшается. Им на смену приходит польская монета Ягайло: коронный полу-грош, тернарий, денарий. Пражские гроши в кладах этого периода в основном чеканки уже Вацлава III (IV) (1378–1419). Это наблюдение верно для рассматриваемых находок, обнаруженных как на западе Подолья (клады № 15, № 16), так и на центральных его территориях (клады № 22, № 25).

Наиболее ранние кладовые 80-х гг. XIV в. сосредоточены преимущественно на западном Подолье, что вполне согласуется с данными исторических источников о развитии Подольского княжества. Примечательно, что в них фиксируется заметное количество так называемых киевских подражаний дирхемам Джанибека (1342–1357) (клады № 2, 3, 4, 8), распространенных в Поднепровье. Также в некоторых кладах этого периода отмечено присутствие денариев киевского князя Владимира Ольгердовича (1362–1394) (клады № 8, 14), что свидетельствует о торговых связях Подолья в то время с Киевским княжеством. Очевидно, что эти мелкие монеты играли роль разменной монеты в подольском денежном обращении, о чем свидетельствует то обстоятельство,

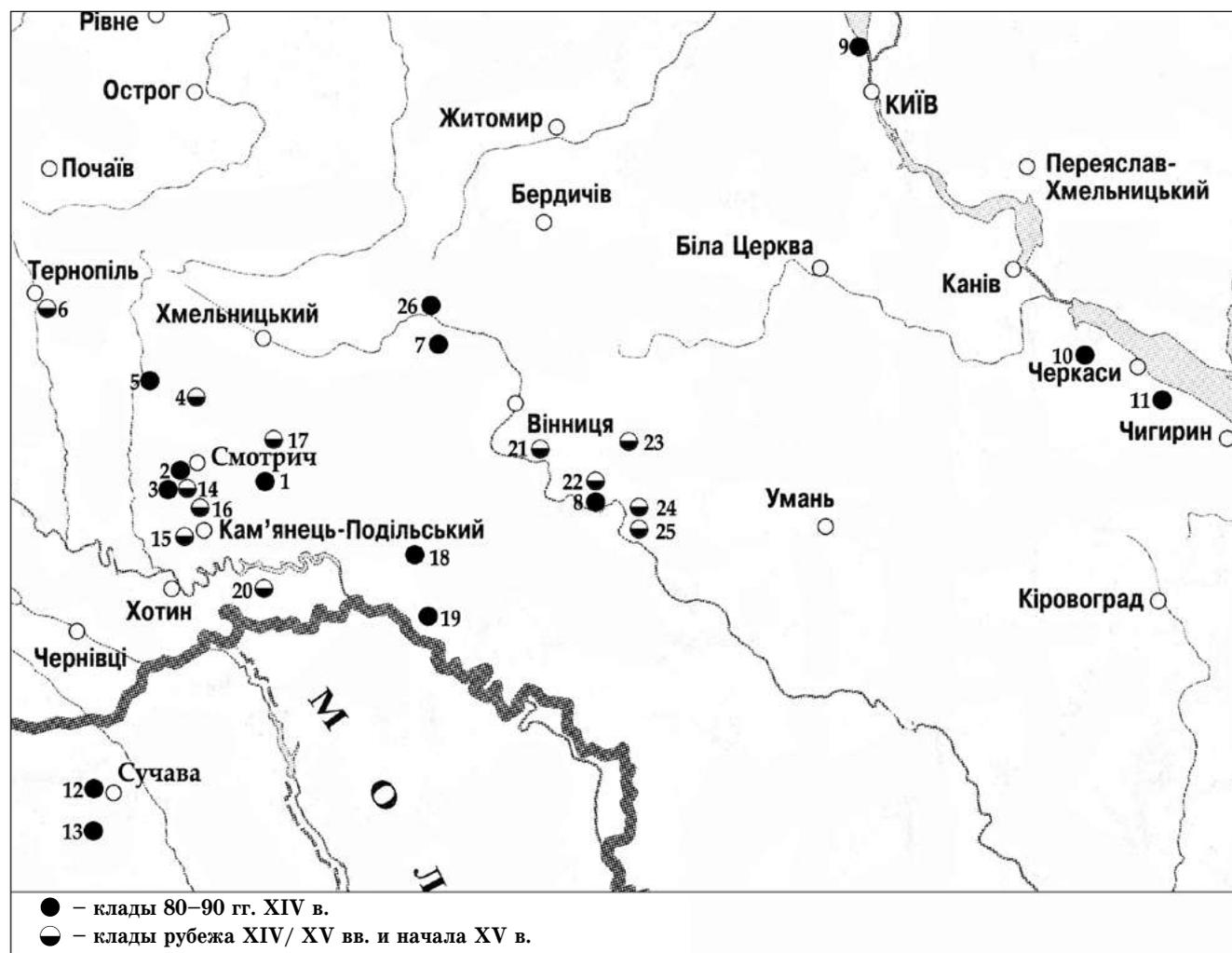

Рисунок 2. Топография находок кладов второй половины XIV в. и начала XV в. на Подолье и в прилегающих областях. Описание кладов в Дополнении

что большинство подражаний Джанибеку из кладов имеют массу всего 0,3–0,1 г.

В кладах юго-западного Подолья отмечается присутствие в небольших количествах монет соседней Молдавии, в кладах 80-х гг. XIV в. – грошей Петру Мушата (1375–1392), а в кладах начала XV в. – монет Александра Доброго (1400–1432) (клады № 2, 3, 4, 14), а также джучидских дирхемов. На южных рубежах Подолья, в Поднестровье, как показывает состав клада рубежа XIV–XV вв. из Грубна (№ 20), содержащий большое количество русских грошиков Ягайло, местное денежное обращение мало чем отличалось от подольского. Заметим, что состав этого клада близок к составу известного Кугурештского клада, место обнаружения которого находится от Грубны примерно на сто километров ниже по течению Днестра. На северных рубежах Подольского княжества, на границе с Киевским княжеством, как видно из состава клада 80-х гг. XIV в. из-под Хмельника (№ 26), в местном обращении появляются в значительных количествах денарии Владимира Ольгердовича. На крайний восток Подолья, на Черкашину, как показано в работах А. Шостопаля и А. Крыжановского, галицко-русские грошики и пражские гроши тоже

доходили, хотя там в местном обращении в основном доминировали джучидские дирхемы [5, с. 51; 6].

Что касается новых находок подольских полугрошков, то теперь к найденным на Подолье (Дунаевцы Хмельницкой области (№ 1) в 2003 г. двум полугрошам Константина, за последнее время добавился целый ряд новых кладов второй половины XIV в. и рубежа XIV–XV вв., содержащих такие монеты: Смотрич (№ 2), Черче I (№ 3), Старая Песочна (№ 4), Сатанов (№ 5) Хмельницкой области, Городище (№ 7), Монастырок I (№ 8) Винницкой области, клад из-под Тернополя (№ 6) (рисунк 3). Также к известным ранее находкам 2007 г. – двум полугрошам Константина на Черкашине (клады № 10, № 11) – теперь прибавилась еще одна монета, выявленная в частной коллекции. Заметим, что все новые находки подольских полугрошков сосредоточены в основном на исторической территории Подольского княжества, среди них есть несколько кладов со значительным их количеством. При этом два наиболее крупных клада Смотрич (№ 2) и Черче I (№ 3), содержащие среди других монет по 50 и 19 полугрошей Константина соответственно, найдены в непосредственной близости от исторических столиц

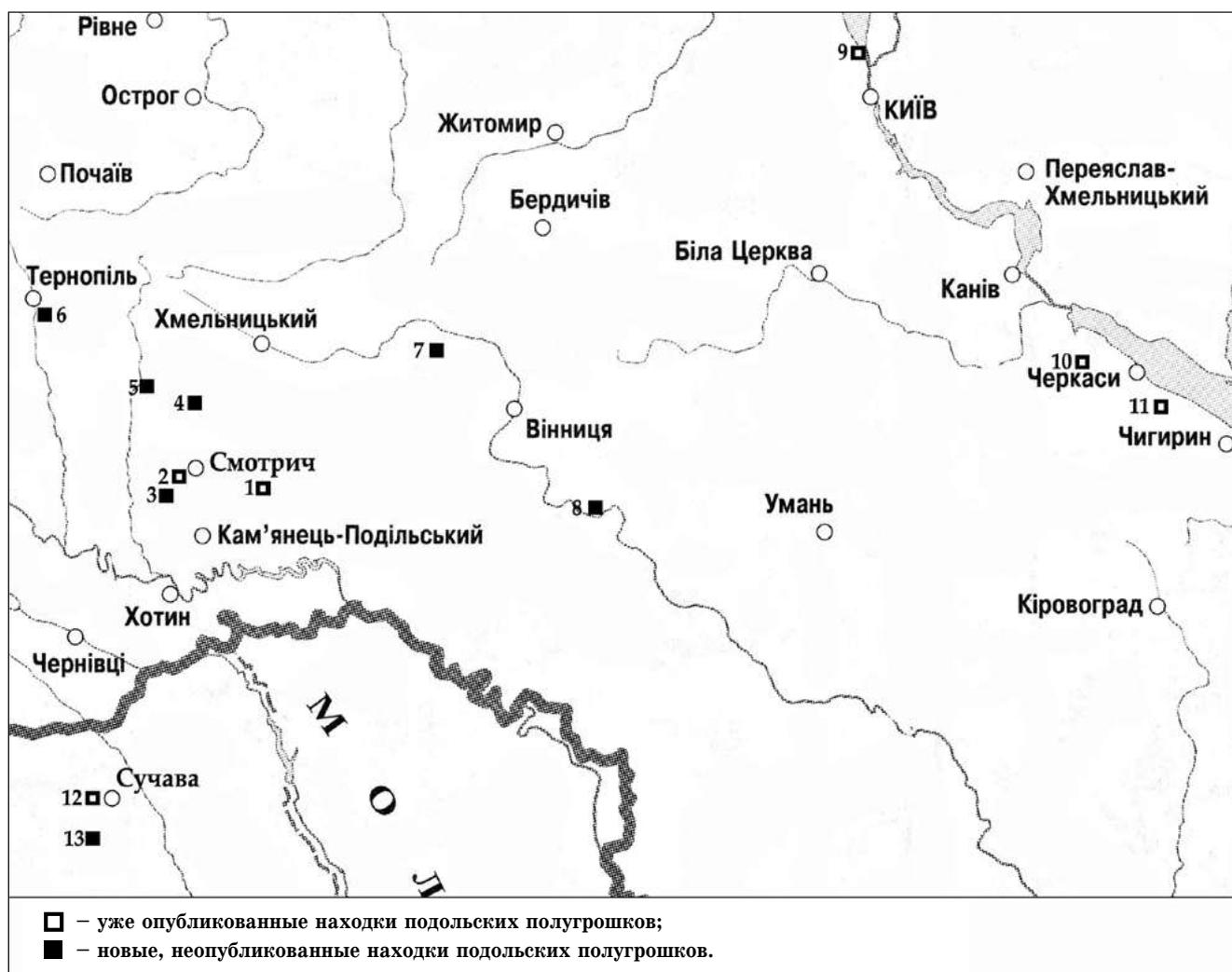

Рисунок 3. Топография находок кладов второй половины XIV в. и начала XV в. с подольскими полугрошками на Подолье и в прилегающих областях

Подольского княжества – Смотрича и Каменец-Подольского. Помимо Подолья, в соседней Молдавии к двум найденным в прошлом подольским полугрошкам, по сообщению молдавской коллеги Л. Дергачевой, теперь прибавилась еще одна монета в составе клада грошей Петру Мушата (№ 13), обнаруженного в Румынии около города Нямц недалеко от исторической столицы Молдавии Сучавы.

Новый кладовой материал позволяет уточнить ареал обращения, а также спорное время начала подольской чеканки. Упомянутый Смотричский клад (№ 2), содержащий кроме полугрошей Константина еще свыше тысячи других монет (к ранее опубликованному составу клада [7] за прошедшее время прибавилось еще несколько сотен дополнительно найденных монет), сравнительно точно датируется. С одной стороны, в нем присутствуют несколько денариев Марии Венгерской, известной разновидности денария без изображения инициала Марии, которые начали чеканить с 1384 г. [8, с. 365], с другой – в кладе среди большого числа галицко-русских грошиков полностью отсутствуют популярные в обращении на Подолье русские грошики Ягайло, начало чеканки которых относят к 1386/8 г. Таким образом можно полагать, что клад из-под Смотрича был сокрыт примерно в середине 80-х гг. XIV в. Приняв во внимание, что среди пятидесяти подольских полугрошков Смотричского клада уже присутствуют все известные его разновидности I и II типа, а также обнаружился ряд новых штемпелей, можно прийти к выводу, что начало чеканки полугрошей Константина следует отнести к первой половине 80-х гг. XIV в. Этот вывод также подтверждается тем фактом, что подавляющее большинство подольских полугрошков, известное количество которых сейчас приближается к ста экземплярам, имеет массу в диапазоне 1,0–1,2 г, что близко к массе русских грошиков чеканки Людовика Венгерского, его последних выпусков начала 80-х гг. XIV в. Вывод о начале чеканки подольских полугрошков в первой половине 80-х гг. XIV в. подтверждается составом и нескольких других кладов –

Черче I (№ 3), Сатанов (№ 5), Монастырок I (№ 8). Добавим, что черкасские находки подольских полугрошков также сопровождаются находками в этой местности русских грошиков Людовика Венгерского.

Примечательно, что в кладах рубежа XIV–XV вв. и начала XV в. среди новых находок, которых насчитывается около десятка, подольские полугрошки уже почти не встречаются. Лишь в составе двух кладов этого времени – из-под Тернополя (№ 6) и Старой Песочной (№ 4) – было выявлено по одной монете. Тернопольский клад датируется шиллингом Тевтонского Ордена магистра Кюхмейстера (1414–1422) – вторым-третьим десятилетием XV в. Примерно к этому же времени можно отнести клад из Старой Песочной, в котором присутствуют молдавские монеты Александра Доброго (1400–1432).

На основании изучения материалов новых кладов из Подолья можно сделать следующие выводы. В 80–90-х гг. XIV в. в местном денежном обращении доминировали галицко-русский грошик Львова и пражский грош. Чеканка подольского полугрошка в Подольском княжестве началась с приходом к власти Константина Кориатовича – в первой половине 80-х гг. XIV в. Доля подольского полугрошка в денежном обращении Подольского княжества была в целом небольшой и достигала максимума ориентировочно в середине 80-х гг. XIV в. Как показывают кладовые находки, подольские полугрошки сохранились в незначительных количествах в денежном обращении на Подолье до второго-третьего десятилетия XV в. Судя по топографии новых находок, подольские полугрошки присутствовали в обращении на всей исторической территории Подольского княжества от Западного Подолья до Черкащины. Основной же ареал их обращения, как и следовало ожидать, располагался в непосредственной близости от столиц княжества – Смотрича и Каменец-Подольского. Находки подольской монеты вне пределов Подолья на исторических территориях Молдавии и Киевского княжества свидетельствуют о торговых связях этих регионов с Подольем.

Монеты и клады, представленные в работе

№ 1. Дунаевцы Хмельницкой области (2003/4 г.):

- полугроши Константина Кориатовича – 2 экз. (I типа, с названием владений в титулатуре «Smotric»). Монеты, возможно, происходят из незарегистрированного клада).
Опубликованы.

№ 2. Смотрич Хмельницкой области (2912/15 г.):

- полугроши Константина Кориатовича – 50 экз. (из них I типа – 44 экз., II типа с названием владений в титулатуре «Podoli» – 6 экз.);
- пражские гроши Яна Люксембургского и Карла I – 179 экз. (из них 173 обрезанных);
- галицко-русские грошики Казимира III – 42 экз. (из них больше 11 обрезанных до весовой нормы грошиков Людовика Венгерского);
- галицко-русские грошики Владислава Опольского – 61 экз. (из них больше 6 обрезанных, больше 6 подражаний, один грошик с изображением орла);
- галицко-русские грошики Людовика Венгерского – 931 экз.;
- венгерские денарии Марии Венгерской – 7 экз. (из них 2 – позднего типа (без инициала Марии), чеканки 1384/5 г., 1 – денарий медный, плакированный серебром – фальшивый?);
- молдавские гроши Петру Мушата – 11 экз. (все раннего типа с 7 лилиями на гербовом щите);
- новгород-северское подражание джучидским дирхемам Корибута (1382–1404) – 1 экз.;
- киевские подражания дирхемам Джанибека – 1 экз.;

Дополнение

- джучидские дирхемы Тохтамыша (1380–1395) – 5 экз. (из них 1 – недатированный, 4 – подражания);
- монетные гривны литовского типа – 2 экз. (массой 205 г и 195 г).

Клад опубликован, однако со времени его публикации в 2013 г. было дополнительно собрано еще примерно треть монет клада, при этом новых видов монет не добавилось. Имеется метрология и изображения большей части монет клада.

№ 3. Черче I Чемеровецкого района Хмельницкой области (2009 г.):

- полугроши Константина Кориатовича – 19 экз. (из них I типа 13 экз., три новых штампеля, II типа – 6 экз., все новые штампели);
- пражские гроши – большое количество – несколько сотен монет;
- галицко-русские грошики Казимира III – 11 экз.;
- галицко-русские грошики Владислава Опольского – 23 экз.;
- галицко-русские грошики Людовика Венгерского – 160 экз.;
- венгерские денарии Людовика Венгерского («сарацины», «престол») – 30 экз.;
- молдавские гроши Петру Мушата – 15 экз. (все раннего типа с 7 лилиями на гербовом щите);
- киевские подражания дирхемам Джанибека – 2 экз.;
- джучидские дирхемы – 150 экз.;
- европейские монеты – 5 экз. (Силезия?).

Часть подольских полугрошков клада опубликованы. Имеется метрология и изображения части монет клада.

№ 4. Старая Песочна Городокского района Хмельницкой области (2003 г.):

- полугрош Константина Кориатовича – 1 экз. (I типа с ретроградной надписью);
- пражские гроши Вацлава III (IV) – 60 экз.;
- галицко-русские грошики Людовика Венгерского – 1 экз.;
- галицко-русские грошики Ягайло – 126 экз.;
- киевские подражания дирхемам Джанибека – 8 экз.;
- литовские денарии Ягайло «Двойной крест/Погоня» – 2 экз.;
- литовские денарии Витовта (1392–1430) «Колюмны/Копье с крестом» – 5 экз.;
- монета «Печать» – 1 экз. (масса 1,0 г);
- молдавские гроши Петру Мушата – 1 экз.;
- львовские полугроши Ягайло – 27 экз.;
- польские полугроши Ягайло – 49 экз.;
- польские тернарии Ягайло – 25 экз.;
- молдавские полугроши Александра Доброго – 4 экз.;
- молдавские гроши Александра Доброго – 3 экз.;
- молдавские двойные гроши Александра Доброго – 1 экз.;
- шиллинги Тевтонского Ордена – 2 экз. (Кюхмейстер?);
- джучидские дирхемы – 10 экз.

Подольский полугрошок из клада опубликован. Клад найден на поселении, возможно смешивание монет разного времени.

№ 5. Сатанов Городокского района Хмельницкой области (2010 г.):

- полугрош Константина Кориатовича – 1 экз. (I типа);
- галицко-русские грошики Владислава Опольского – 2 экз.;
- галицко-русские грошики Людовика Венгерского – 83 экз.

Имеется метрология и изображения некоторых монет клада.

№ 6. Тернополь (2012 г.):

- полугрош Константина Кориатовича – 1 экз. (II типа);
- пражские гроши Вацлава III (IV) – 65 экз.;
- галицко-русские грошики Владислава Опольского – 4 экз. (тип с орлом);
- галицко-русские грошики Людовика Венгерского – 7 экз.;
- галицко-русские грошики Ягайло – 227 экз. (из них 11 подражаний чеканенных в проволочной технике, 1 односторонняя);
- львовские полугроши Ягайло – 1 экз.;
- польские полугроши Ягайло – 8 экз.;
- шиллинг Тевтонского Ордена магистра М. Кюхмейстера (1414–1422) – 1 экз.

Имеется метрология и изображения части монет клада.

№ 7. Городище Литинского района Винницкой области (2013 г.):

- полугрош Константина Кориатовича – 1 экз. (I типа).

Имеется метрология и изображение.

Продолжение дополнения

№ 8. Монастырок I Немировского района Винницкой области (2015 г.):

- полугроши Константина Кориатовича – 6 экз. (II типа);
- пражские гроши – 15 экз. (один обрезанный);
- киевские подражания дирхемам Джанибека – 16 экз.;
- галицко-русские грошики Казимира III – 5 экз.;
- галицко-русские грошики Владислава Опольского – 5 экз. (из них 1 с орлом);
- галицко-русские грошики Людовика Венгерского – 32 экз.;
- медные галицко-русские денарии Владислава Опольского – 1 экз.;
- медные галицко-русские денарии Людовика Венгерского – 1 экз.;
- венгерские денарии Марии Венгерской – 5 экз.;
- киевские денарии Владимира Ольгердовича – 1 экз.;
- молдавские гроши Петру Мушата – 1 экз. (3 лилии);
- гривны монетные литовского типа – 3 экз. (масса 195,8 г; 200,2 г; 197,3 г).

Имеется метрология и изображения большей части монет клада.

№ 9. Вышгород Киевской области (1934 г.):

- полугрош Константина Кориатовича – 1 экз. (I типа, хранится в НМИУ).

Найден при археологических раскопках, опубликован.

№ 10. Трушівці Чигиринского района Черкасской области (2007 г.):

- полугрош Константина Кориатовича – 1 экз. (I типа).

Опубликован.

№ 11. Черкасская область (2007/9? г.):

- полугрош Константина Кориатовича – 1 экз. (I типа);
- полугрош Константина Кориатовича – 1 экз. (II типа).

Выявлены в частных коллекциях, монеты опубликованы.

№ 12. Молдавия (XIX в.):

- полугроши Константина Кориатовича – 2 экз. (I типа).

Одна из монет опубликована.

№ 13. Нямец, румынская Молдавия (2000? г.):

- полугрош Константина Кориатовича – 1 экз. (I типа, в составе клада грошей П. Мушата).

№ 14. Черче II Чемеровецкого района Хмельницкой области (2014 г.)

- пражские гроши Карла I – 7 экз. (все обрезаны);
- галицко-русские грошики Казимира III – 3 экз.;
- галицко-русские грошики Владислава Опольского – 9 экз.;
- галицко-русские грошики Людовика Венгерского – 5 экз.;
- венгерские денарии Марии Венгерской – 3 экз.;
- киевские подражания дирхемам Джанибека – 11 экз.;
- киевские денарии Владимира Ольгердовича – 5 экз.;
- молдавские гроши Петру Мушата – 5 экз. (все раннего типа с 7 лилиями на гербовом щите);
- польский полугрош Казимира III – 1 экз.;
- галицко-русские грошики Ягайло – 5 экз.;
- львовские полугроши Ягайло – 1 экз.;
- польские полугроши Ягайло – 5 экз.;
- польские тернарии Ягайло – 4 экз.;
- польские денарии Ягайло – 15 экз.;
- молдавские полугроши Александра Доброго – 4 экз.;
- молдавские двойные гроши Александра Доброго – 1 экз.

Клад найден на поселении, возможно смешивание в кладе монет разного времени. Клады Черче I и Черче II территориально разделены.

№ 15. Довжок Каменец-Подольского района Хмельницкой области (2015 г.):

- польские полугроши Ягайло – 5 экз.;
- львовские полугроши Ягайло – 3 экз.

Имеется метрология и изображения всех монет клада.

№ 16. Сахкамень Каменец-Подольского района Хмельницкой области (2013 г.):

- пражские гроши Вацлава III (IV) – 15 экз.;
- галицко-русские грошики Ягайло – 7 экз.;

Продолжение дополнения

- польские полугроши Ягайло – 2 экз.;
- джучидские дирхемы – 28 экз.

№ 17. Польный Мукаров Дунаевецкого района Хмельницкой области (2014 г.):

- пражские гроши Яна Люксембургского и Карла I – 5 экз. (из них 1 обрезанный);
- галицко-русские грошики Людовика Венгерского – 1 экз.;
- галицко-русские грошики Ягайло – 3 экз.;
- польские полугроши Ягайло – 13 экз.;
- польские тернарии Ягайло – 7 экз.;
- польские денарии Ягайло – 11 экз.;
- молдавские полугроши Александра Доброго – 3 экз.;
- молдавские гроши Александра Доброго – 1 экз.;
- молдавские двойные гроши Александра Доброго – 1 экз.

№ 18. Блакитне Муровано-Куриловецкого района Винницкой области (2014 г.):

- пражские гроши Яна Люксембургского – 1 экз. (обрезанный);
- галицко-русские грошики Владислава Опольского – 1 экз. (тип орел);
- галицко-русские грошики Людовика Венгерского – 1 экз.;
- галицко-русские грошики Ягайло – 13 экз.

Имеется метрология и изображения всех монет клада.

№ 19. Григоривка Могилев-Подольского района Винницкой области (2011 г.):

- галицко-русские грошики Ягайло – 5 экз.;
- польские полугроши Ягайло – 6 экз.

Имеется метрология и изображения части монет клада.

№ 20. Грубна Сокирянского района Черновицкой области (2010 г.):

- пражские гроши Вацлава III (IV) – 10 экз.;
- галицко-русские грошики Казимира III – 2 экз.;
- галицко-русские грошики Людовика Венгерского – 3 экз.;
- галицко-русские грошики Ягайло – 1326 экз.;
- львовские полугроши Ягайло – 7 экз.;
- джучидские дирхемы Тохтамыша – 2 экз.;
- шиллинги Тевтонского Ордена – 1 экз.

№ 21. Шендерив Тывровского района Винницкой области (2014 г.):

- пражские гроши Вацлава III (IV) – 43 экз.;
- галицко-русские грошики Владислава Опольского – 2 экз. (тип орел);
- галицко-русские грошики Ягайло – 197 экз.;
- львовские полугроши Ягайло – 5 экз.;
- польские полугроши Ягайло – 94 экз.;
- джучидские дирхемы – 64 экз.;
- половина монетной гривны литовского типа – 1 экз.

Имеется метрология и изображения всех монет клада.

№ 22. Монастырок II Немировского района Винницкой области (2015 г.):

- пражские гроши Вацлава III (IV) – 20 экз.;
- галицко-русские грошики Ягайло – 33 экз.;
- львовские полугроши Ягайло – 2 экз.;
- польские полугроши Ягайло – 26 экз.;
- польские тернарии Ягайло – 4 экз.;
- молдавские двойные гроши Александра Доброго – 1 экз.;
- джучидские дирхемы – 25 экз.

Имеется метрология всех и изображения части монет клада.

№ 23. Жорнице Иллинецкого района Винницкой области (2010 г.):

- пражские гроши Вацлава III (IV) – 132 экз.;
- галицко-русские грошики Ягайло – 132 экз.;
- львовские полугроши Ягайло – 11 экз.;
- польские полугроши Ягайло – 1 экз.;
- джучидские дирхемы – 10 экз.

№ 24. Кузьминцы I Гайсинского района Винницкой области (2013 г.):

- галицко-русские грошики Ягайло – 14 экз.;

Продолжение дополнения

- львовские полугроши Ягайло – 14 экз.;
- польские полугроши Ягайло – 18 экз.;
- шиллинги Тевтонского Ордена – 1 экз.

№ 25. Кузьминцы II Гайсинского района Винницкой области (2013 г.):

- пражские гроши Вацлава III (IV) – 11 экз.;
- галицко-русские грошки Ягайло – 11 экз.;
- львовские полугроши Ягайло – 16 экз.;
- польские полугроши Ягайло – 20 экз.

Клады Кузьминцы I и Кузьминцы II территориально разделены.

№ 26. Хмельник Винницкой области (2013 г.):

- галицко-русские грошки Людовика Венгерского – 1 экз.;
- киевские денарии Владимира Ольгердовича – 28 экз. (все типа IS);
- киевские денарии Владимира Ольгердовича – 2 экз. (тип «Пособи»).

Имеется метрология части монет и изображения всех монет клада.

Продолжение дополнения

Источники:

1. Погорілець, О., Саввов, Р. Монета подільського князя Костянтина. // Нумізматика і Фалеристика, № 3, 2004.
2. Котляр, М.Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. – Київ, 1971.
3. Rethy L. A Doboczky-fele olah eremgyujtemeny // Archaeologiai Ertesito, 7, 1887.
4. Ernest Oberländer-Tárnoveanu, Katiușa Pârvan A presumably lost and a fictitious page from the history of moldavian coinage at the end of 14-th century: some thoughts about the so-called issues of “Juga Voda I”, alias George Koriatovič // Cercetări numismatice, XII–XIII, 2006–2007.
5. Шостопап, А.В. Скарби Черкащини. – Черкаси, 2007.
6. Kryzaniwskij, A. Proba rekonstrukcji nie notowanych skarbow monet XIV–XV wieku, znalezionych na Ukrainie Zachodniej // Biuletyn numizmatyczne, Warszawa, Nr 3 (355) 2009.
7. Саввов, Р. Скарб монет XIV ст. з-під Смотрича // Львівські нумізматичні записки № 8–9, 2012.
8. Huszár Lajos. Munzkatalog Ungarn: Von 1000 bis Heute. – Budapest, 1979.

Взаимное влияние иконографии и метрологии монетных систем Центральной и Восточной Европы в XIV в.

Андрей КРЫЖАНИВСКИЙ

Президент Украинского
нумизматического общества,
г. Львов, Украина

Взаимное влияние иконографии и метрологии монетных систем сопредельных государств является зеркальным отображением торгово-экономических связей между ними. Не меньше, чем клады монет, а, возможно, даже и больше.

Обращаясь в торговой среде других государств, купцы, а они были основными потребителями монетной эмиссии, могли оценить преимущества той или иной монетной системы, изучить опыт денежного обращения на рынках других государств, тем самым давая полезную информацию для функционеров монетного двора своих земель при выборе метрологических показателей местной валюты. В иконографическом отношении купцы являлись своеобразными пропагандистами монетной продукции, потому что вывозили монеты своих земель и привозили образцы чужих монет.

Галицкие грошики (рисунк 1), как показывает их метрологический анализ, в течение 40 лет (с 1353 г. до 1394 г.) строго придерживались паритета 2 к 1 в соотношении с пражским грошем, повторяя все колебания курса (содержания серебра) чешской монеты [1]. На выбор именно такого соотношения влияла торговля во Львове. Город Львов жил с восточной торговли. Благодаря складскому праву, на городской рынок Львова поступали товары с Восто-

ка, где их покупали купцы с Центральной Европы, расплачиваясь пражскими грошами. Естественно, что стоимость местных грошиков не могла иметь иного образца, чем пражский грош (рисунк 2), являясь половинной его фракцией.

Иконографически галицкие монеты демонстрируют влияние продукции мейсенского монетного двора. Четырехдуговая обводка на аверсе, использование апострофов при сокращениях слов в легенде, стиль изображения льва на реверсе (все это мы видим и на мейсенских грошах (рисунк 3) и на галицких грошиках) указывают на немецкое, вернее мейсенское, происхождение гравера первых монет Казимира III Великого (1333–1370).

Рисунк 1. Галицкий грошик Казимира III Великого, чеканенный во Львове в 1353–1370 гг.

Рисунк 2. Пражский грош Карла I (1346–1378)

Рисунк 3. Мейсенский грош Фридриха

Вместе с тем галицкие монеты имеют существенное отличие от пражских и мейсенских грошей – инициал на аверсе. Видно, что немец, гравер штемпелей львовского монетного двора, проявил творческий подход. Кроме определенных заимствований с мейсенских грошей и вероятных указаний своего руководства во Львове по изображению льва, установленного герба Галицкой Руси на реверсе, он ввел свою идею художественного видения аверса монеты. Изумительный по красоте дизайн его аверсов – инициал государя в четырехдуговой обводке. Инициал вместо портрета монарха на средневековых монетах встречается нечасто. В преобладающих случаях видим неловкую попытку изображения профиля государя, на самом деле карикатурное лицо или непропорциональный его силуэт, выдержанные в аскетической традиции того времени.

Галицкие монеты в этом плане выгодно отличаются легкостью композиции, лаконичностью исполнения легенды, а также компактностью заполнения монетного кружка. Не удивительно, что такой дизайн монет сохранился и после смерти Казимира III Великого при последующих эмитентах галицких монет – Людовике Венгерском (1370–1382) и его наместнике Владиславе Опольчике (1356–1401).

Сам инициал на монетах львовского монетного двора подан в изысканной манере. Достаточно взглянуть на инициал Людовика Венгерского не в виде простых двух палочек, а в виде изумительных по стилистике колонн. Это действительно шедевры средневекового искусства. Подобно тому, как творения каждого знаменитого художника отличаются своим, присущим только ему, почерком, галицкие монеты сохраняли свой шарм и уникальный стиль в течение 30 лет эмиссии (1353–1382). Не лишним будет напомнить, что сказанное относится и к серебряным галицким грошикам (рисунки 4), и к медным монетам – галицким денариям (рисунки 5).

На последних тоже видим инициал в четырехдуговом обрамлении, а маленькие литеры «г», «р» и «к» являются сокращением слов «Regis Polonie

Kazimiri» – титулатуры Казимира III Великого и фактически повторяют легенду аверса серебрянных грошиков этого же эмитента «Regis : Polonie : K/ Kazimiri/» [2]. На реверсе вместо льва – сложного для резчика штемпелей – изображена корона.

Этого образца иконографии и такого же метрологического паритета придерживались при монетной эмиссии львовского монетного двора с инициалами Людовика Венгерского (в 1379–1382 гг.) и его наместника Владислава Опольчика (в 1370–1378 гг.). После смерти Людовика Венгерского, во время своего второго владения Галицкой землей, Владислав Опольчик в 1386 г. ввел новый тип грошиков (рисунки 6). Они уже не были такими самобытными, как монеты с инициалом в четырехдуговой обводке предыдущих эмиссий, но тоже стали знаковыми. Имеется в виду то, что грошики Владислава Опольчика с 1386 г. являлись двухгербовыми. При неизменности реверса, на котором видим галицкого льва, на аверсе вместо инициала правителя Галицкой Руси появился родовой герб князя – верхнесилезский орел.

Рисунок 6. Галицкий грошик Владислава Опольчика, чеканенный во Львове в 1386 г.

Сохраняя метрологический паритет к пражским грошам, их иконография явилась образцом для последующей эмиссии не только галицких монет, но и монет соседей.

В начале статьи была высказана мысль, что заимствование иконографии, а особенно метрологии монетной эмиссии соседей, отображает торговые связи даже в большей степени, чем клады монет. Приведем пример. Во Львове, и вообще в Галицкой Руси, практически не встречаются клады с монетами Золотой Орды XIV–XV вв. Основываясь только на этом, можно было бы сделать поспешный и неправильный вывод об отсутствии торговых отношений между ними. На самом деле через Золотую Орду и через Львов шел один из маршрутов «шелкового пути». Как следствие, купцы с запада покупали товар во Львове за пражские гроши, поэтому их массово находят на территории Галицкой Руси. Этот же товар львовские купцы перед этим покупали на близлежащих рынках Золотой Орды за пражские гроши и галицкие грошики, где до сих пор встречаются их клады. Как видим, клады монет определенных эмитентов и государств выпадают в местах покупки товаров, а не куда привозили товар. Это и объясняет отсутствие татарских монет в находках во Львове. Поэтому исследование торговых отношений Львова и Золотой Орды только лишь на изучении находок золотоордынских монет на территории Галицкой Руси будет неполным.

Рисунок 4. Галицкий грошик Людовика Венгерского, чеканенный во Львове в 1379–1382 гг.

Рисунок 5. Медный денарий Казимира III Великого, чеканенный во Львове в 1353–1370 гг.

Вспомнив о «шелковом пути», попытаемся спроектировать это обстоятельство на монетную эмиссию соседних земель. Таких маршрутов поступления во Львов восточных товаров было два: с Кафы через Подолье (так называемый «татарский путь») и более безопасный через земли Молдавии.

Покупая на этих землях восточные товары, львовские купцы завозили туда пражские гроши и галицкие грошики (восточным купцам незачем было в массовом порядке лично приезжать во Львов, ведь складское право Львова все равно оставляло им мало шансов пробиться со своими товарами на запад, поэтому они считали выгодным продать их львовянам непосредственно на рынках Подолья и Молдавии). В связи с чем продукция львовского монетного двора послужила образцом для подольских и молдавских монет. Поскольку галицкие грошики удачно дополняли пражские гроши, являясь их половинной фракцией, подольские и молдавские монеты последовали примеру львовского монетного двора и приняли эту же пропорцию к пражскому грошу – основной доминирующей валюте в Центральной и Восточной Европе. Массовый характер эмиссии чешской монеты полностью удовлетворял запросы на полновесную валюту этих земель. Следовательно, выпуск такую же на местных дворах не было необходимости. Выпуск иного номинала давал возможность немножко понижать содержание серебра в половинных фракциях гроша (в данном случае в галицких, подольских и молдавских монетах) монетная стопа которых была ниже половины пражской на 5%. Эти «невинные» хитрости позволяли получать значительную прибыль местных эмитентов. Такие поступки вполне вписывались в нумизматическую практику средневековой Европы.

К монетной эмиссии Подолья и Молдавии мы вернемся немножко позже, поскольку первыми монетами, чеканенными по образцу львовских, стали серебряные монеты мазовецкого князя Земовита III (1354–1381). Через столицу его княжества – Плоцк, который лежал в месте слияния Западного Буга и Вислы, шел путь со Львова и Владимир-Волынского в города Ордена крестоносцев – Торунь, Мальборк и Гданьск.

При отсутствии каких-либо воспоминаний о них в архивных материалах, о своем происхождении могут сказать лишь сами монеты мазовецкого князя (рисунки 7).

На аверсе их нанесен инициал «S» в четырехугольной обводке (как и на галицких грошиках) с легендой «Moneta Semoviti», а на оборотной стороне изображен мазовецкий орел, подобно как на львовских – галицкий лев с легендой «Ducis Masovie». Вес – 1,2 г, что соответствует весу современных ему галицких грошиков Владислава Опольчика. Время их чекан-

ки, по оценке Р. Керсновского, – после 1372 г. [3]. Совпадения иконографии этих монет и их одинаковый вес позволяют сделать предположение о чеканке мазовецких монет под влиянием галицкой эмиссии. Это не удивительно, если вспомнить, что матерью Земовита III была Мария – дочь галицко-волынского короля Юрия I Львовича, его брат Болеслав стал последним государем Галицко-Волынского княжества под именем Юрий II, а дочь Эвфимия – женой Владислава Опольчика.

Это очень редкая монета. Известно было всего два экземпляра (один найден во Львове), к нашим дням оба потеряны. Одну из этих монет, найденную во Львове, приобрел Кароль Байер, но она пропала во Франкфурте-на-Майне, куда он привез эту нумизматическую редкость. Вторая, найденная в кладе из Любосни, попала в коллекцию Замойских, которая была уничтожена во время войны в 1944 г. Находка монеты во Львове тоже свидетельствует о заимствовании от галицких не только иконографии, но и метрологии, что позволяло ей принимать участие в торговых операциях на львовском рынке.

Немного позже, в 80-х гг. XIV в., львовские монеты стали прототипом при эмиссии молдавских и подольских монет. Образцом, как я считаю, стали галицкие грошики Владислава Опольчика с двумя гербами, чеканенные в 1386 г. Выше было высказано предположение, что эти двухгербовые монеты явились знаковыми. Это был очень удобный принцип выпуска местных монет, когда суверен наносил на аверс монеты свой родовой герб, а на реверс – земельный герб. Такого принципа одновременного изображения двух гербов, как увидим позже, придерживались в иконографии не только последующих монет Галицкой Руси, битых от имени Владислава II Ягелло (1386–1434), но и монет подольского, молдавского княжеств, а также Великого Княжества Литовского, которые Ягеллоны чеканили в Вильно. Попытаюсь на примере самих монет подтвердить эту мысль.

На аверсе молдавских монет (рисунки 8), выпуск которых начался в 1387–1388 гг., изображен герб молдавских господарей – голова быка с полумесяцем, звездой и цветком, а на реверсе – герб правящей в Венгрии династии в течение 1308–1385 гг., как свидетельство протектората Венгрии над Молдавскими землями [4].

На аверс подольских монет (рисунки 9), начало чеканки которых в городе Смотрич, как считают их первооткрыватели Олег Погорелец и Ростислав Саввов, относится ко второй половине 80-х гг. XIV в., нанесен герб св. Юрия Змееборца [5].

Этот герб, по их мнению, мог быть родовым символом Кориатовичей, и стал впоследствии гербом их княжества. Одна из грамот Александра Кориатовича, брата эмитента подольских монет, скреплена

Рисунки 7. Монета мазовецкого князя Земовита III

Рисунки 8. Молдавский грош Петра I Мушата

Рисунок 9. Монета подольского князя Константина Кориатовича с гербом Венгрии на реверсе

Рисунок 10. Галицкий грошик Владислава II Ягайло, чеканенный во Львове в 1387–1399 гг.

восковой печатью с изображением св. Юрия, а в тексте грамоты указано «и печать завесили своего княжества». На реверсе – такой же герб Венгрии, как на упомянутых молдавских грошах. Мы знаем, что Кориатовичи были вассалами Венгрии, и после того, как Витовт (1392–1430) ликвидировал самостоятельность Подольского княжества, присоединив его к Великому Княжеству Литовскому, Кориатовичам было предоставлено убежище на тогдашней территории Венгерского королевства – они стали владельцами города Мукачево, где и построили замок, сохранившийся до наших дней.

Р. Саввов считает, что образцом для подольских монет стали галицкие грошики Людовика Венгерского. Но эти грошики имеют на аверсе инициал государя – литеру «L», что как бы заменяло его портрет. Ни на молдавских, ни на подольских монетах нет ни инициала, ни портрета, зато есть два герба, подобно как на двухгербовых галицких грошиках Владислава Опольчика с 1386 г.

Кроме того, средний вес галицких грошиков Людовика Венгерского – 1,08 г, значительно выше, чем в молдавских и подольских монетах – соответственно 0,98 г и 1 г. Средний вес грошиков Владислава Опольчика с 1386 г. составляет, с учетом последних находок, 1,04 г, что ближе к упомянутым параметрам рассматриваемых монет. Это соответствует примерно половине современного им пражского гроша, с отклонением ориентировочно 5%, конечно, в меньшую сторону, что и составляло прибыль монетного сеньора, от имени которого велась эмиссия.

Таковыми же двухгербовыми были и последующие выпуски галицких грошиков (рисунок 10) и львовских полугрошей Владислава II Ягайло. На одной стороне – ягеллонский орел, на другой – галицкий лев, то есть Ягайло применил принятый Владиславом Опольчиком метод отображения на галицкой монете герба монарха и местного герба. В отношении Владислава Опольчика необходимо учесть, что в 1386 г., при узурпации власти в Венгрии и свержении правящей анжуйской династии, он стал считать себя свободным от присяги верности венгерской короне и позиционировал себя как полноправный монарх Галицкой Руси, что и отобразилось на его львовских монетах в виде своего родового герба и земельного герба Галицкой Руси.

Более того, изобретенный во времена правления Владиславом Опольчиком способ чеканки локальной монеты с гербом правящего монарха, а на реверсе – земельного герба, Ягеллоны использовали не только в XIV в. в Руси, Молдавии и Подолии, но и при чеканке литовских монет в течение всего последующего XV в. и первой половине XVI в. Так, иконография литовских денариев и полугрошей Александра Ягеллончика (1492–1506), Сигизмунда I Старого (1506–1548), Сигизмунда II Августа (1545–1572) построена на изображении двух гербов – ягеллонского орла и литовской «Погони».

P.S. Автор высказывает благодарность польским нумизматам Станиславу Суходольскому и Борису Пашкевичу за любезно предоставленную информацию о монетах Земовита.

Источники:

1. Крижанівський, А. Львівський монетний двір у XIV–XV стст. Львів. – 2007 р.
2. Paszkiewicz, B. Groszruski // Грошовий обіг і банківська справа в Україні: минуле та сучасність / В. Paszkiewicz // Львів. – 2005 р. – Стр. 96.
3. Kiersnowski, R. Wstęp do numizmatyki Polskiej wieków średnich // R. Kiersnowski. – Warszawa, 1964 р. – S. 126; Kiersnowski, R. Pradzieje grosza // R. Kiersnowski. – Warszawa, 1975 р. – Str. 289–291.
4. Бырня, П.П. Монеты средневековой Молдавии (Историко-нумизматические очерки) // П.П. Бырня, Н.Д. Руссев. – Stratum plus, 1999 р. – № 6. – С. 176–262.
5. Погорілець, О. Монета подільського князя Костянтина // О. Погорілець, Р. Саввов / Нумізмати́ка і фалеристика, Київ, 2004 р. – № 3. – С. 24.

Находки на территории Беларуси монет Шведского королевства (вторая половина XVI в. – начало XVII в.)

В 1562 г., в результате вступления в брак наследника шведского престола Юхана и Екатерины Ягеллонки, Великое Княжество Литовское и Швеция оказались в династической унии и в течение нескольких лет вместе участвовали в Ливонской войне 1559–1583 гг. В 1561 г. Швеция присоединяет к своей территории эстонские земли и город Ревель, а ВКЛ – Ливонию и Ригу, в результате чего страны начинают граничить. С 1592 г. король Речи Посполитой Сигизмунд III Ваза (1587–1632) становится королем Швеции, и два государства оказываются под властью одного монарха. Политические и социальные контакты активизируют экономические и торговые отношения между странами. Результатом тесных экономических связей становится взаимопроникновение монет одной страны на территорию другой.

Цель настоящей статьи – познакомить читателей с находками на территории Польши и Беларуси шведских монет, выпущенных с 1559 г. по 1611 г. Наибольший интерес представляют находки монет королей Густава I Вазы (1523–1560), Эрика XIV Вазы (1560–1569), Юхана III Вазы (1568–1592), Сигизмунда III Вазы (1592–1599) и Карла IX Вазы (1604–1611), т. к. после 1611 г. с приходом к власти Густава II Адольфа Вазы (1621–1632) начался массовый чекан биллона на территории Прибалтики, и шведские монеты этого периода встречаются.

Самый известный клад с монетами шведской чеканки был найден во время подводных археологических раскопок в заливе Мотлавы в Гданьске на корабле «Солень», затонувшем во время битвы под Оливой 28 ноября 1627 г. Было обнаружено 544 монеты, среди которых находились монета номиналом 8 эре (клипа) 1591 г. выпуска, три монеты номиналом 1 эре 1611 г. выпуска¹.

В гмине Лузино (Гданьское воеводство Республики Польша) 8 сентября 1911 г. был найден клад, вес которого насчитывал более 50 фунтов серебряных монет, среди которых обнаружен полталер Густава II Адольфа Вазы 1559 г. выпуска².

В 1964 г. в гмине Тшчанне (Подляское воеводство Республики Польша) был найден клад из 624 монет, среди которых находилась монета номиналом 1 эре 1595 г. выпуска³.

На территории Республики Беларусь среди известных науке кладов шведских монет официально не зарегистрировано, однако имеется неофициальная информация об интересующих нас монетах.

В Витебской области вблизи города Браслава в 2012 г. был найден комплекс (кошелек) из 16 монет, среди которых были солиды и артиги Ливонского ордена чеканки городов Рига и Ревель. В кошельке обнаружена также шведская недатированная монета ($\frac{1}{2}$ эре) Ревельского монетного двора, отчеканенная при короле Юхане III Вазе. В комплексе присутствовали солид 1533 г. Рижского архиепископства, солид Ливонского ордена 1538 г., Ревельский недатированный солид, артиги. Всего в комплексе было 10 солидов и 6 артигов.

Рисунок. Монеты из кошелька, найденные в Глубокском районе

Важно отметить несколько единичных находок времен короля Юхана III Вазы – $\frac{1}{2}$ эре 1560 г. выпуска и еще один недатированный фырк. Эти монеты найдены в Глубокском районе Витебской области (рисунок). Все найденные на территории Беларуси монеты чеканились на Ревельском монетном дворе.

Проникновение шведских монет на территорию Беларуси затрудняла Ливонская война, в результате которой часть Ливонии, принадлежавшей Швеции, и большая часть Ливонии, принадлежавшей ВКЛ, были оккупированы армией Московского царства. Оккупация и война затрудняли торговлю, делали

¹ Marta Meclewska, Andrzej Mikolajczyk. Skarby monet z lat 1500–1649 na obszarze PRL. – Warszawa, 1983. – S. 138.

² Там же. – S. 69.

³ Там же. – S. 64.

проблематичной экономическую кооперацию между странами.

В XVI в. в Швеции активно чеканили как мелкую, так и крупную монету: двойной пеннигар, 4 пеннигара, фырк (0,92 г), $\frac{1}{2}$ эре (1,27 г), 1 эре (2,5 г), 2 эре (5,1 г). Достаточно было и крупных номиналов: марка (около 8 г), 16 эре (24 г). Чеканились также $\frac{1}{2}$ талера, талер, двойной талер.

Монеты самых мелких номиналов были настолько низкопробными, что слой серебра с них быстро сходил, и они дошли до наших дней без следов его присутствия. Такие монеты ни по массе, ни по пробе не совпадали с каким-либо номиналом в ВКЛ, поэтому не могли пользоваться популярностью среди населения. Также важным является то, что в Речи Посполитой до середины XVII в. было запрещено хождение медной монеты. Высокопробная чеканка Сигизмунда II Августа (1545–1573), Стефана Батория (1576–1586) и первого десятилетия Сигизмунда III Вазы выгодно отличается от низкопробных шведских монет того периода.

Из-за Ливонской войны торговля была не такой активной как, например, с Пруссией или Курляндией, поэтому находок монет шведской чеканки в разы меньше, чем прусских или курляндских. Думаю, что основной причиной малого количества шведских монет этого периода является плохое качество мелких номиналов и непривычный внешний вид как крупных, так и мелких монет в более поздний период. Это подтверждает работа польского нумизмата Андрея Миколайчика о находках польских монет в Европе⁴.

Среди нескольких десятков кладов с монетами Речи Посполитой, найденных в Швеции, в восьми

из них присутствуют монеты интересующего нас периода⁵. В этих кладах попадались как мелкие, так и крупные разменные монеты Польши и ВКЛ, что объясняется существованием активной торговли между странами-соседями.

Находки на севере Беларуси указывают на наличие приграничной торговли даже во время войны и оккупации части территории ВКЛ. В периоды правления Сигизмунда I Старого (1506–1545) и Сигизмунда II Августа чеканка ВКЛ была очень активной, существовало большое количество разменных номиналов, и рынок ВКЛ не нуждался в мелкой иноземной монете. Самой распространенной крупной шведской монетой того периода была 16 эре в виде клипы – квадратной монетовидной пластины размером 24x24 мм, толщиной 4,6 мм и весом 24 г. Похожих монет на территории ВКЛ не было, поэтому она была непонятной для жителей ВКЛ и не могла попасть в широкий оборот.

Большая часть находок, зафиксированных на территории Республики Польша, происходит с Поморского воеводства, что свидетельствует о поступлении монет морским путем. Находки из Беларуси также сконцентрированы на севере страны, в Витебской области, что говорит о распространении этой монеты посредством ее перемещения через сухопутную границу с Ливонией. В дальнейшем по причине несовместимости денежных систем шведские монеты на территории ВКЛ хождения не имели.

Антон КАЛИНОВСКИЙ,
докторант Белостокского университета
член ОО «Белорусское нумизматическое общество»

⁴ Marta Meclewska, Andrzej Mikolajczyk. *Skarby monet z lat 1500–1649 na obszarze PRL.* – Warszawa, 1983.

⁵ Mikolajczyk, A. *Nowe materiały do inwentaryzacji znalezisk monet polskich w Europie.* // *Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. Seria Numizmatyczna i Konserwatorska.* – 1986. – № 6. – S. 139–142.

Новое и традиционное о русских монетах на территории Беларуси в первой половине XVII в.

Валерий КОБРИНЕЦ

Научный сотрудник
ГУ «Музей Белорусского
Полесья» (г. Пинск)

Рисунок 2

В XVII в. белорусские земли входили в состав Великого Княжества Литовского, которое было объединено с Польским королевством в федерацию – Речь Посполитую. В денежном обращении данного государства участвовали монеты разных стран Европы, в том числе и Русского царства. Основным монетным номиналом последнего была высокопробная серебряная «проволочная» копейка. На лицевой стороне она имела изображение всадника с копьём (рисунок 1). На половинной фракции копейки (денге) всадник держал в руке не копьё, а саблю (рисунок 2). С этим связано одно из наименований монеты – «денга-сабляница».

Рисунок 1

Одним из источников массовых включений русских монет в рыночную жизнь Речи Посполитой в начале XVII в. стало передвижение по ее землям в Русское царство и обратно западноевропейских наемников. Эти люди принимали активное участие в событиях русской Смуты, или Смутного времени (1598–1613 гг.). Часть из них находилась на службе у русского царя, некоторые же занимались грабежом населения. В результате и у тех и у других на руках оказывались денежные накопления, с которыми они возвращались к себе на родину. Чаще всего путь наемников пролегал через белорусские земли. После окончания Смуты объем поступления русских монет на белорусские земли значительно сократился. В мирное время русскому правительству удавалось более последовательно проводить политику запрета вывоза монетного серебра за пределы страны [1, с. 234; 2, с. 427].

В работах по нумизматике и экономической истории Беларуси тема применения русских монет на рынках белорусских земель в первой половине XVII в. недостаточно проработана. Во многом сложившаяся ситуация обусловлена предметом исследования: среди находок и упоминаний в документах русские монеты были представлены более чем скромно [3, с. 162 № 21, с. 163 № 26, с. 171 № 64, с. 172 № 67; 4, с. 123; 5, с. 184–185, 198–199].

В отечественной историографии по нумизматике Беларуси до последнего времени бытовало суждение о скромной роли русских эмиссий в денежном обращении как в целом на территории, так и в отдельных регионах. Об этом неоднократно писали В.Н. Рябцевич [2, с. 427; 3, с. 153–154, 158–159; 4, с. 123; 5, с. 222; 6, с. 178], И. Н. Колобова [7, с. 226], Д.В. Рябцевич [8, с. 197; 9, с. 214; 10, с. 197;

11, с. 220], В.А. Кобринец [12, с. 76]. Традиционно считается, что продукция денежных дворов России чаще, чем в рыночных отношениях, использовалась во внеэкономической сфере [5, с. 223; 8, с. 197–198; 9, с. 214]. В работах по экономической истории Беларуси применение денег Русского царства в торговых связях и долговых отношениях рассматривалось незначительно [13, с. 9; 14, с. 138–139].

До настоящего времени в исследовании роли русских монет в истории денежного обращения белорусских земель первой половины XVII в. слабо задействован огромный пласт архивных данных. Тем не менее эти свидетельства имеют значительный информативный потенциал. К примеру, привлечение новых документов позволило не только расширить базу источников, но и провести более детальную реконструкцию использования русских денег на рынках восточной части территории Беларуси в последней четверти XVI в. Было установлено, что на этих землях русские монеты активно применялись в кредитовании и внешней торговле [15, с. 158].

Основным источником данной статьи послужили Актовые книги Могилевского магистрата первой половины XVII в., хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ, ф. 1817, оп. 1, д. 6–11, 13, 14, 16–19). Дополнительно привлекалась информация, выявленная в таких опубликованных сборниках документов, как «Акты Виленской археографической комиссии», «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», «Историко-юридические материалы», «Русско-белорусские связи» [1; 16; 17; 18; 19; 20]. В результате их обработки было установлено, что более чем в 60 документах есть упоминания о русских монетах.

Письменные источники зарегистрировали как традиционное восприятие жителями Речи Посполитой продукции денежных дворов России, так и ряд новых явлений. В первой половине XVII в. для русских денег могилевские горожане использовали несколько собирательных названий – «деньги», «деньги Московские», «копейки», «копейки Московские», «гроши Московские».

В актах различного содержания, происходящих из восточной части белорусских земель, приводятся крупные составляющие элементы московской денежной системы – алтын, гривна, полтина, рубль. Эти русские денежные знаки не были представлены монетами, а несли в себе исключительно счетное понятие. Так, алтын был равен 3 копейкам или 6 деньгам, гривна – 10 копейкам, полтина – 50 копейкам, рубль – 100 копейкам. Кроме того, в сборниках актов упоминается и самый крупный монетный номинал Русского царства – копейка. К примеру, наиболее ранний зафиксированный случай упоминания связан с обращением 24 октября 1620 г. в могилевский суд райцы¹ Яроша Казана. Он обвинил мещанина Ивана Калачника в том, что на городском рынке тот ограбил его поместье для торговли. Среди украденного имущества оказалось копеек на

4 злотых² [5, с. 185; 20, с. 360]. Позднее копейки неоднократно фигурируют в ряде иных документов мещан Могилева и Вильно [5, с. 198; 17, с. 136; 21, л. 37–37 об., 903 об.–907].

На землях Речи Посполитой русские копейки пользовались хорошей репутацией. Как засвидетельствовало одно из постановлений специальной комиссии Варшавского сейма 1616 г., на территории государства был наложен запрет на обращение в стране мелкой чужеземной монеты, за исключением пражских грошей, венгерских денариев и «старых денег (копеек. – В.К.) Московских» [4, с. 116; 5, с. 184; 22, с. 175]. В последних следует видеть скорее более тяжеловесные монеты XVI в. – начала XVII в., а не меньшие по весу копейки и денги царя Михаила Федоровича Романова (1613–1645). Это возможно проследить как по письменным источникам, так и по нумизматическому материалу. Так, в 1628 г. для того чтобы уговорить вяземского купца Никифора Балакина приехать в Могилев, могилевский торговец Михаил Григорьевич обещал рассчитаться «копейками старыми» [23, л. 996–998]. В 1643 г. в составе имущества покойной жены мещанина Максима Парфеновича названо 150 «копеек старых» [24, л. 185 об.]. В депозитах первой половины XVII в., в которых имеется в наличии значительное число русских монет, копейки Михаила Федоровича присутствуют в минимальных количествах, в отличие от денежной продукции более ранних правителей (от Ивана IV Грозного до Василия Шуйского) [25, с. 76–77].

О достаточно широком применении русских монет в денежном обращении белорусских земель косвенно свидетельствуют материалы раскопок Снядинского могильника (Петриковский район, Гомельская область). В части его погребений найдены копейки Михаила Федоровича (1613–1645). По мнению белорусского археолога О.В. Йова, «в погребение, как правило, помещались монеты разменных номиналов, т. е. наиболее распространенных среди широких слоев населения» [26, с. 121].

В последней четверти XVI в. завершился процесс включения русских монет в денежное обращение Великого Княжества Литовского. Местное население называло их «готовыми грошами» (т. е. наличными деньгами), считало на копы³ литовских грошей и обменивало по курсу на собственные деньги. В первой половине XVII в. к старым признакам добавился новый элемент – счет на злотые [5, с. 198–199; 16, с. 371, 415; 17, с. 136; 20, с. 360]. В течение первой половины XVII в. обменный курс копейки не был постоянным. Известны несколько его показателей – не более 0,92 литовского гроша (1602 г.), 1 польский грош или 0,8 литовского гроша (1604–1618 гг.), 1,5 польского гроша (1622 г.), 1,833–1,875 польского гроша (1635 г.), 2 польских гроша (1638 г.), 1,8 польского гроша (1641 г.), 1,44 литовского гроша (1645 г.), 1,778 литовского гроша или 2,22 польского гроша (1649 г.) [27, с. 3–5; 28, л. 31 об.; 29, л. 688 об.–689; 30, л. 158 об.–159, 173–173 об.].

После подписания между Речью Посполитой и Русским царством Деулинского перемирия (январь

¹ Райца – член магистрата.

² Злотый – счетная денежная единица, равная 30 польским грошам.

³ Копя – счетная денежная единица, равная 60 литовским грошам.

1619 г.) основным источником поступления русских монет на рынки Беларуси вновь стали торговые контакты. Еще с конца XVI в. важную роль в них играли могилевские купцы. Кроме того, распространителями денежной продукции русских царей в Беларуси были также жители восточного пограничья Речи Посполитой. Они совершали поездки за рубеж за мелкими покупками: тканью (холстом), солью и др. Возвращаясь, привозили домой монеты страны-соседки [1, с. 195–196].

В письменных свидетельствах русские деньги упоминались по нескольким причинам. К примеру, известны единичные случаи оценки предметов. Так, в 1641 г. стоимость жемчужной «тканьки»⁴ составила 4 фунта серебра, каждый фунт по 7 московских рублей [24, л. 560 об.].

Широко распространенным явлением и важным средством организации торговли белорусских купцов был кредит. Его условия и формы были самыми разнообразными – прием или передача на хранение, беспроцентные ссуды, ростовщичество, залог и др. В части из них отмечено использование русских денежных знаков. Наименьшее известное количество русских монет в 5 алтын (15 копейки) в 1628 г. взял в долг некий Петр Юрьевич у могилевского мещанина Омельяна Тарасовича [23, л. 829 об.]. Самая крупная известная сумма займа фигурирует в документе от 17 июня 1628 г. – 1200 рублей и 37,5 копейки. Их на нужды могилевского бурмистра Федора Филипповича получил мещанин Игнат Герасимович от другого мещанина Стефана Федоровича. В Вязьме Игнат купил товар на еще большую сумму – 1203 рубля и 85 копеек [23, л. 541 об.]. Кредиторами для купцов Могилева выступали не только земляки, но и нередко подданные русского царя из Москвы, Вязьмы, Ярославля и Брянска.

Наряду с русскими монетами в состав ссуды могли входить средства в денежных знаках иных стран. Известно, что будучи в Вязьме в 1643 г. могилевский мещанин Логвин Омельянович передал на хранение другому мещанину Виктору Уласовичу талеры, тройные гроши и «копейки московские» [24, л. 723]. 23 сентября 1628 г. еще один могилевский мещанин Омельян Тарасович обвинил некоего Петра Юрьевича в том, что тот не хочет возвращать одолженные 119 талеров и 5 алтын [23, л. 829 об.].

Каждый вид кредита имел свои особенности при оформлении и заключении. Так, устно заключались сделки такой беспроцентной доверительной ссуды, как передача на хранение – «до поверанных рук до схованя». В документах указывается разное количество одолженных средств. К примеру, 18 марта 1619 г. Наум Цадкович сообщил в суде, что он дал Иву Радковичу 150 рублей «денегъ» [31, л. 454]. Менее значительную сумму копеек на 7,5 копы литовских грошей между 1618 г. и 1628 г. буйницкий державца⁵ Федор Иванович Тарасенка получил от могилевского землянина⁶ Болтромаея Манковского [23, л. 38].

Кроме того, известны аналогичные операции на 14 и 15 рублей [24, л. 723; 29, л. 439 об.].

Также в устной форме оформлялись ссуды на «позыку» – обычный долг, не ограниченный никакими условиями. К примеру, 9 сентября 1602 г. мещанин Корней Лахтионович за себя лично и своих наследников обязался в течение двух лет вернуть смоленцу Миките Пешонкину 9 «рублей московских» частями по 4 и 5 рублей [28, л. 56 об.–57]. В Актовых книгах Могилевского магистрата фиксируются и совсем незначительные суммы долга в русских монетах – 5 алтын (15 копеек) и 20 копеек [23, л. 829 об.; 32, л. 297 об.–298]. В документах указывались также и очень крупные суммы. К примеру, в завещании от 17 мая 1603 г. Захарий Андреевич Соболев признал, что он вместе со своим братом Халеем взял «деньги московские» у русского купца Бориса Коренина. Полученные ими 97 рублей в случае смерти завещателя должен вернуть сын Халея Павел [28, л. 311 об.]. В 1619 г. мещанин Константин Сидорович не желал возвращать родным покойной Тишки Семеновича взятые у их умершего родственника в Москве займы 31,5 рубля. Согласно показаниям ответчика, Тишка дал эти деньги не ему, а москвичу Третьяку Григорьевичу [31, л. 664 об.–665]. Сумма долга в копейках могла выражаться в литовских счетно-денежных единицах. Так, в источниках упоминается, что в октябре 1634 г. могилевский мещанин Иван Лазарович одолжил у другого мещанина Климентия Ермолиничя 16 коп копейками [32, л. 275 об.–277 об.].

Под влиянием русской правовой практики на заимствуемые суммы письменно составлялись «кабалы», или кабальные записи. Аналогичной формой юридического акта на землях Речи Посполитой были «церокграф»⁷, «лист вызнанный»⁸ или просто «лист».

В 1602 г. Максим Иванович и Корней Лахтионович составили в Смоленске кабальную запись на самую небольшую сумму из ныне зафиксированных – в 17 рублей «денег», которые покрывали разницу между наличными средствами и купленными ими соболями и «юхтами»⁹ [28, л. 7–7 об.]. Самая крупная сумма займа в 1000 рублей известна в совместной кабале райцы Козьмы Марковича, мещан Виктора Уласовича Лацкова и Василия Васильевича Ледвеева. Эти деньги в 1649 г. они взяли у русских купцов Микиты Ковшулина, Андрея Олиферова и его приказчика Евсения Федоровича Кислицина для покупки шкурок белок и пупков соболей [33, л. 838 об., 851 об.–852]. Кроме того, известны аналогичные письменные свидетельства на другие суммы русских денег [23, л. 1015–1015 об.; 24, л. 559–560; 29, л. 688 об.–689; 33, л. 141 об., 160–160 об., 181, 336, 460–460 об., 514 об.–515, 583, 662, 674 об., л. 732, л. 804 об.; 34, л. 184 об.–185; 35, л. 832].

Одновременно могли заключаться несколько сделок. Так, в 1645 г. могилевчанин райца Микита Дашкович и мещанин Яков Мартинович свои совмест-

⁴ Тканка – лента декоративной ткани, используемая для окаймления одежды, для подвязывания волос; чепец замужней женщины.

⁵ Державца – временный владделец и эконог государственного имени (державы), одновременно начальник местного государственного управления и суда.

⁶ Землянин – владделец недвижимой собственности, которая давала ему право голоса на сеймах.

⁷ Церокграф – собственноручное письмо.

⁸ Лист вызнанный – письменное подтверждение сделки, расписка.

⁹ Юхта, юфть – сорт кожи, получаемый особой обработкой шкур крупного рогатого скота, лошадей, свиней.

ные долги московским купцам закрепили в двух «церокграфах» на 262 рубля и на 100 рублей [29, л. 711–711 об.].

На рынках Могилева пользовался определенным успехом кредит товаром. Он мог приносить существенную прибыль для тех, кто его применял, что стимулировало торговую деятельность. Насколько выгодно было им пользоваться, видно из операций мещан Даниеля Дубковича и Федора Давыдовича Воскобойникова. В 1649 г. эти купцы получили от бурмистра Захарияша Сидоровича поташ. В Москве они продали его 5 бочек за 150 рублей «денег московских». Там же компаньоны приобрели 200 киевских мер зерна, которые реализовали в Киеве. В результате полученная прибыль составила 202 копы и 40 литовских грошей [30, л. 158 об.–159, 173–174].

На рынках Могилева русские монеты были привлекательны как предмет залога – «заставы». Их небольшие суммы были зафиксированы в инвентарях и завещаниях («тестаменты») некоторых мещан среди других ценных предметов. За некоторое время до 27 января 1642 г. в обеспечение суммы в 170 грошей житель Могилева Адам Дзивлевский передал 150 копеек еврею Афрашу [21, л. 37–37 об.]. В том же году мещанин Ждан Бранка дал одному из своих сыновей в заклад 12 «капеекъ» [21, л. 905 об.–906]. Позднее, в 1648 г., два шнура из 270 свернутых «копеекъ московских» Семен Иванович Тубошинский заложил Михаилу Григорьевичу Белокурцеву за 9 злотых [33, л. 298–298 об.].

Русское серебро было наиболее востребовано при внешнеторговых контактах. Чаще всего за него могилевские купцы покупали в России пушнину – белку, соболя, горноста и другое. К примеру, в 1624 г. мещанин Микита Турута отказывался оплачивать купленные Халимоном Кузминичем в России для него меха и вернуть Халимону полтину «деньгами» (50 копеек. – В.К.) [36, л. 141 об.]. В 1644 г. Овхим Иванович Хомутовский и Роман Ребрович Конинович совместно приобрели на Свинской ярмарке у русского купца Купрея Климшина соболей на 170 «рублей московских» [29, л. 688 об.–689]. Через два года Овхим Хомутовский вместе с бурмистром Иваном Парфеновичем купили там же у другого московского купца Андрея Оцферова соболю шубу и 60 сороков горностаевых шкур на общую сумму 318 рублей [35, л. 832–832 об.]. В 1602 г. известен единственный случай покупки лодки в Смоленске могиливанами Овсеєм Колобаем и Тишком Степановичем за 15 рублей [28, л. 31 об.].

Показательный эпизод с участием русских денег произошел в 1628 г. В могилевский магистрат обратился райца Михаил Григорьевич с жалобой на своих компаньонов Давида Антоновича, Ивана Семеновича Хомутовского и Андрея Карпушина. Когда истец был в Вязьме, у него вызвали интерес принадлежавшие местному купцу Никифору Балакину 34 сорока соболей. Поскольку нужных наличных средств у Михаила не оказалось, он предложил Никифору приехать с товаром в Могилев и продать

его там. От себя лично и имени своих компаньонов райца обещал заплатить 300 рублей «копейками старыми», доплачивая на каждый рубль «наддачи»¹⁰ по два алтына (*т. е. 6 копеек.* – В.К.). Предполагалось, что требуемые деньги будут приобретены на ярмарке в Ярославле. Однако не все сложилось гладко. Первым в Могилев приехал «москвитин» и попытался реализовать свой товар за более высокую цену – 600 рублей. Могилевские же купцы привезли домой лишь полторагрошовики и «орты крыжовые»¹¹, чем и попытались расплатиться с жителем Вязьмы. Тот не пожелал брать этих денег и высказал много обидных слов в адрес райцы и его компаньонов. Могилевчане попытались найти «старые» копейки в городе. В поисках им сопутствовал успех, но и в этом случае возникли трудности. Владелец русских монет Овхим Пантелеевич захотел также извлечь выгоду и предложил доплатить ему на рубль по десять алтын (30 копеек. – В.К.). Точно не установлено, что подтолкнуло жителя Вязьмы согласиться на условия могилевских мещан. Возможно, он нуждался в средствах на обратный путь. Тем не менее, он принял оплату за свой товар теми деньгами, что были в наличии, и уехал домой.

Через некоторое время Михаил Григорьевич вновь отправился в Вязьму. Там он встретил Никифора Балакина. Никифор начал всячески попрекать могилевчанина, что обошлись с ним в Могилеве не по чести и не по слову его купеческому. Несмотря на то, что в сделке участвовало еще несколько лиц, Михаила, как инициатора, привлекли к суду в Вязьме. Участие жителей Речи Посполитой в проведении судебных действий не избавило мещанина от больших денежных трат. Согласно решению суда, он должен был отдать истцу, «тому кушцу Болакину», перед «добрыми» людьми 200 талеров. К тому же вяземский купец взял у него шкатулку, евангелие-апостол печатный и других «немало речей». Дома в могилевском суде свои потери мещанин оценил в 700 польских злотых и просил у судей содействия, чтобы его товарищи по справедливости компенсировали эти траты [23, л. 996–998].

Еще одна категория документов связана с различными случаями похищения русских монет как на территории Русского царства, так и на землях Речи Посполитой. Нередко эти преступления совершались по пути следования торговцев к ярмарочным центрам и во время самих ярмарок. К примеру, в 1625 г. в Острове¹² у полоцкого мещанина Кондратия Яковлева было украдено 27 рублей русских денег [1, с. 87]. В 1638 г. похожий случай произошел по дороге в Псков с дисненскими купцами Алексеем Степановым и Иваном Андреевым. У них было похищено 11 рублей денег [1, с. 154]. В 1643 г. в Курске у жителя Могилева Ходка Ивановича Месоедова было украдено 28 рублей «денгами московских грошей». По горячим следам последний из пострадавших обвинил в краже местного казака и его жену, позднее уже в Константинове¹³ он приписал содеянное могилевскому мещанину Илье Тимофеевичу и его сыновья-

¹⁰ Наддача – прибавка, надбавка.

¹¹ Орт крыжовый – четверть талера Испанских (Южных) Нидерландов или патагона.

¹² Ныне – г. Остров, Псковская область, Российская Федерация.

¹³ Ныне – село Константинов, Недригайловский район, Сумская область, Украина.

ям [24, л. 848 – 848 об.]. В 1649 г. по пути в Вязьму крестьяне русского боярина Никифора Собакина украли у смоленского купца Осташки Кононова-Дубинина деньги, в том числе и 7,5 рубля русских денег [18, с. 43].

В Вязьме произошел случай, обстоятельства которого были записаны как в документах Русского царства, так и в актах Речи Посполитой. В 1643 г. на Литовском гостином дворе у могилевчан Виктора Уласовича и Логвина Омеляновича было похищено 6 мешков с деньгами. В одном из них были 34,5 рубля и 28 талеров, а в другом – 300 талеров, 14 рублей и фунт тройных грошей. Как установило следствие, злоумышленником оказался один из пострадавших – Виктор Уласович. Соблазвившись крупной суммой, он решил присвоить эти средства себе и сообщил о «краже». Многие из якобы похищенных ценностей оказалось у Виктора Уласовича в принадлежавшем Омеляновичу мешке, а некоторая их часть была закопана в навоз на гостином дворе [1, с. 184; 24, л. 723].

В переписке пограничной администрации Русского царства и Речи Посполитой упоминаются случаи преступлений, в которых называются русские деньги. Так, в 1649 г. наместник Невеля Самуил Тряпша писал воеводе Великих Лук князю Даниле Степановичу Великому-Гагину, что 3 января 1649 г. в Невельском уезде в поместье Казимира Корсака дворяне Луцкого уезда Василий и Федор Григорьевичи Хомутовы всячески издевались над крестьянином Сенькой Томиловым и забрали у него русских копеек и талеров на 300 рублей [18, с. 29].

Различные случаи похищения монет на территории Речи Посполитой показывают, что русское монетное серебро представляло несомненный интерес для преступников. Посягавшие на чужое имущество люди не принадлежали к какой-либо конкретной категории населения. Среди них встречались близкие родственники пострадавших, жители того же города и иногородние, подчиненные и наемные работники, купцы и их сыновья, деклассированные элементы и иные лица. Так, в 1635 г. могилевский мещанин Марк Кузминич посадил в тюрьму свою жену Марию Трычубиху и забрал заложенное ею у еврея Еска Телияшовича имущество [32, л. 264 об.]. Чаще всего местом злодеяний становились торговые пути. Чтобы получить желаемое, злоумышленники использовали любую подвернувшуюся возможность. Так, в 1618 г. на выезде из Шклова «люди своволне» ограбили могилевского мещанина Ждана Богдановича, воспользовавшись тем, что его компаньоны Семен Бушак, Давид Григорьевич Белокурцов, Мина Микулинич и Оникей Рамнин оставили его одного [31, л. 44 – 44 об.]. Похищаемые суммы русских копеек были от относительно небольших до очень крупных [24, л. 185 об., 846, 1175; 29, л. 439 об.; 31, л. 44 – 44 об.; 32, л. 264 об., 461].

Важной составляющей криминальных дел является сопутствующая информация. К примеру, в перечнях украденных предметов встречаются упоминания не только о монетах, но и об изделиях, в которые они входили. Так, в 1636 г. у могилевского

мещанина Терешки Шинкаря украли серебряные крестики и копейки [32, л. 461]. В ночь с 16 на 17 декабря 1643 г. из дома могилевского еврея Ахрона Мошковича неизвестные похитили шкатулку, в которой были монисто с копейками и кошелек предположительно с 3 рублями копеек [24, л. 1175].

Преступление могло совершаться и по предварительному сговору. В ночь 22 июля 1645 г. у могилевского мещанина Терешки Ларковича было похищено его челядницей¹⁴ Авдотьей немало вещей, в том числе и «корали» с копейками и крестиками. Подговорил ее на это злодеяние некий Васка Богданович Лыга, который пообещал взять Авдотью с собой в Украину [29, л. 514 об.–515].

Показательный эпизод с участием русских копеек произошел в 1624 г. В суде представители могилевского магистрата бурмистр Богдан Игнатович и райцы Никифор Гапонович и Тимофей Ярошевич сделали заявление, что, будучи в Вязьме, видели у мещанина Парфена Ивановича обрезки от московских копеек «на гривен чотыры». Со слов этого мещанина было записано, что он намеревался продать их в Вязьме, сейчас у него осталось в наличии «фунтов чотыры без дванадцати золотников». Оказалось, что, будучи пьяным, он получил их от другого могилевского мещанина Мартина Купинича. В свою очередь тот подтвердил, что эти обрезки принадлежат ему. Купинич купил их на ярмарке в Витебске у неизвестного ему еврея [36, л. 254–254 об., 384, 418–419 об.].

В первой половине XVII в. русские копейки находили применение во внеэкономической сфере. Белорусские горожане жертвовали их на нужды церкви. Так, в перечне растроченных доходов Пречистенской церкви в Бресте были названы «денги Московские» [16, с. 371, 415]. Из свернутых в трубочку копеек женщины делали себе украшение – монисто («корали»). Реестр приданого дочери брестского мещанина Филиппа Буркевича от 10 ноября 1638 г. среди передаваемых вещей называет шнур с копейками [16, с. 316]. Косвенно о подобном назначении этих русских монет можно судить из двух жалоб брестского священника Михаила Ярошевича, которые он подал в суд в 1640 г. и в 1643 г. В них копейки («денги» *документа*. – В.К.) упоминаются среди растроченного церковным старостой Иваном Белькевичем церковного имущества вместе с украшениями («кораялями») [16, с. 371, 415]. Свернутые в трубочку копейки-«корали» известны как среди единичных находок, так и в составе кладовых комплексов [8, с. 213–215; 12, с. 76–79].

Как сообщают документы, для мониста из копеек жители Могилева использовали специальное название – «каралы копеековые» [33, л. 711]. Но часто ему давалось более описательное определение – «каралы с копейками» [24, л. 166 об.; 29, л. 515; 33, л. 421 об.; 35, л. 407 об.]. Ожерелье с копейками могло быть комбинированным. В состав такого изделия могли входить вместе со свернутыми в трубочку копейками крестики, янтарь и некие выпуклые предметы («пукли») [33, л. 298 об., 422, 711; 35, л. 407 об.]. Как записано в обращении в

¹⁴ Челядница – домовая служанка.

суд 18 декабря 1643 г. Ахрона Мошковича, одно из подобных украшений носили дети, и среди его составляющих частей были хрусталь в серебряной оправе, оправленные в серебро янтарь и когти рыси, а также полкопы копеек [24, л. 1175].

Попытка служанки полоцкого купца Паука Федоры Моргунович переделать серебряные копейки в украшение стала причиной возникновения грандиозного пожара 29 июля 1643 г. в Полоцке. В результате чего «все место Полоцкое – замок вышни и нижни, коллегиум, костелы, церкви, ратуш, вежи паркан и все оздобы (башни и городская стена и все красоты. – В.К.) места Полоцкого в пошел обратились». По судебному приговору от 2 сентября «та девка» была заживо сожжена в поле за городом [5, с. 184–185; 9, с. 213; 12, с. 76; 19, с. 350–353].

Одной из новых функций русских копеек становится эпизодическое употребление их во время погребального обряда как «оболы мертвых» («монеты Харона»), или платы за выкуп места покойнику. Зарегистрировано несколько копеек Михаила Федоровича, найденных в переотложенном состоянии на территории могильника дер. Снядин [26, с. 120–121].

Таким образом, на основании актовых материалов следует говорить, что в первой половине XVII в. на землях Беларуси продукция денежных дворов Русского государства занимала более весомое место,

чем предполагалось ранее. В это время ею продолжалось освоение рынков белорусских земель. Активную роль в данном процессе играли купцы Могилева и жители приграничья. Документы показывают, что из всей совокупности русского монетного серебра XVI в. – первой половины XVII в. население Великого Княжества Литовского отдавало предпочтение чеканке XVI в. – начала XVII в., а не монетам Михаила Федоровича (1613–1645).

Начиная с 20-х гг. XVII в. письменные источники фиксируют самый крупный монетный номинал России – «копейку». Именно с этого времени он прочно вошел в систему денежного счета на территории Великого Княжества Литовского и постепенно стал наиболее распространенным среди других собирательных наименований русских монет.

Деньги Русского государства продолжали активно использоваться во многих сферах рыночной жизни белорусских земель. В документах известны несколько причин их упоминания: 1) оценка предметов; 2) кредит в устной и письменной форме; 3) залоговые операции; 4) купля-продажа; 5) криминальные дела. На территории Беларуси русские монеты находили применение и во внеэкономической сфере: 1) высокопробное сырье для ювелирного производства; 2) полуфабрикат для женских украшений («коралей»); 3) «оболы мертвых», или платы за место погребения; 4) дар в церковь.

Источники:

1. Русско-белорусские связи: сборник документов: (1570–1667 гг.) / отв. ред. Л.С. Абецдарский, М.Я. Волков. – Мн.: Высшая школа, 1963. – 534 с.
2. Рябцевич, В.Н. Монетная медь Алексея Михайловича в кладах Белоруссии и Украины / В.Н. Рябцевич, В.А. Титок // Древности Белоруссии. Доклады к конференции по археологии Белоруссии. – Мн., 1969. – С. 427–435.
3. Рябцевич, В.Н. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика. – Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1963. – Вып. 1. – С. 152–202.
4. Рябцевич, В.Н. О чем рассказывают монеты / В.Н. Рябцевич. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Мн.: Народная асвета, 1978. – 399 с.
5. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Мн.: Полымя, 1995. – 686 с.
6. Рябцевич, В.Н. Денежное обращение и клады на территории чернигово-северской земли и восточной Белоруссии в XVI в. / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика. – Киев: Наукова думка, 1968. – Вып. 3. – С. 168–187.
7. Колобова, И.Н. Монетные клады Гродненской области XVI–XVII вв. / И.Н. Колобова // Культура Гродзенскага рэгіёну: праблемы развіцця ва ўмовах палітэнічнага сумежжа: зб. навук. пр. / Адк. рэд. А.М. Пяткевіч. – Гродна: ГрДУ, 2003. – С. 225–229.
8. Рябцевич, Д.В. «Денги Московские» в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв. (денежная и товарная функции) / Д.В. Рябцевич // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 15–20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2002. – С. 196–198.
9. Рябцевич, Д.В. Полоцкий пожар 1643 года / Д.В. Рябцевич // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. IV Міжнародная канферэнцыя 23–24 кастрычніка 2002 г. – Полацк, 2002. – С. 213–215.
10. Рябцевич, Д.В. Российская монета на рынках Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв.: Общий анализ свода и топографии кладов / Д.В. Рябцевич // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2001. – С. 196–197.
11. Рябцевич, Д.В. Российские монеты XVI–XVII вв. на рынках западных регионов Великого княжества Литовского (Брестщина, Гродненщина, Литва) / Д.В. Рябцевич // Культура Гродзенскага рэгіёну: праблемы развіцця ва ўмовах палітэнічнага сумежжа: зб. навук. пр. / Адк. рэд. А.М. Пяткевіч. – Гродна, 2003. – С. 220–225.
12. Кобринец, В.А. Копеечные «корали» XVII века (полоцкая находка 1990-х гг.) / В.А. Кобринец // Банкаўскі веснік. – 2008. – № 7 (408), март (спецывыпуск). – С. 76–79.
13. Абецдарский, Л.С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII вв. / Л.С. Абецдарский. – Мн.: Вышэйшая школа, 1978. – 256 с.
14. Мелешко, В.И. Могилев в XVI – середине XVII в. / В.И. Мелешко. – Мн.: Наука и техника, 1988. – 264 с.
15. Кобринец, В.А. Документы Могилевского магистрата последней четверти XVI в. о «деньгах Московских» / В.А. Кобринец // Архіварыус: зб. навук. наведан. і арт. – Мн.: НГАБ, 2014. – Вып. 12 / рэд. Ю.М. Бохан [і інш.]. – С. 148–160.
16. Акты, издаваемые Виленскою Археологическою комиссиею: в 39 т. (далее – АВАК) / сост. Я.Ф. Головацкий [и др.]. – Вильно: Типография губернского правления, 1872. – Т. 6: Акты Брестского гродского суда (поточные). Акты Брестского подкоморного суда. Акты Брестской магдебургии. Акты Кобринской магдебургии. Акты Каменецкой магдебургии. – 593 с.
17. АВАК: в 39 т. / сост. Ю.Ф. Крачковский [и др.]. – Вильно: Типография «Русский почин», 1901. – Т. 28: Акты о евреях. – 439 с.

18. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 15 т. / Под ред. Н.И. Костомарова. – СПб.: Типография П.А. Кулиша, 1861. – Т. 3: Дополнения к Третьему тому актов для истории Южной и Западной России. – 134 с.
19. Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа: в 14 т. / сост. Н.А. Гильдебрант [и др.]. – Вильно: Типография губернского правления, 1867. – Т. 1. – 409 с.
20. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске: в 32 т. / Под ред. А.М. Созонова. – Витебск: Тип. Витебского Губ. Правления, 1877. – Вып. 8. – 530 с.
21. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 13.
22. Szelągowski, A. Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII wieku w Polsce / A. Szelągowski. – Lwów: Nakładem towarzystwa wydawniczego, 1902. – 317 s.
23. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 10.
24. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 14.
25. Малевич, В.А. Русская монета в кладах первой половины XVII в. на территории Гродненской области / В.А. Малевич // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 7 (480), март (спецавыпуск). – С. 72–79.
26. Иов, О.В. «Оболы мертвых» Снядинского могильника середины XVI–XVII вв. / О.В. Иов // XII Всероссийская нумизматическая конференция (далее – ВНК). – М., 2004. – С. 120–121.
27. Кобринец, В.А. Об обменном курсе русской серебряной копейки на рынках Великого княжества Литовского в XVI – первой половины XVII вв. / В.А. Кобринец // Нумизматический альманах. – 2009. – № 4 (38). – С. 2–9.
28. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 6.
29. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 16.
30. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 19.
31. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 8.
32. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 11.
33. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 18.
34. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 7.
35. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 17.
36. НИАБ. – Ф. 1817. Оп. 1. Д. 9.

Русская армия и ассигнации в 1813–1815 гг.: малоизвестная страница антинаполеоновских войн

Александр БУГРОВ

Кандидат исторических наук

Еще Петр I говорил, что «...деньги суть артерия войны»¹, и таковыми они оставались на протяжении всей последующей истории. Наряду с формированием военного бюджета это включало и вопросы его освоения, в том числе снабжение армии во время зарубежных походов. В период военных действий в Померании (1710-е гг.) армия снабжалась европейской монетой, получаемой через торговлю. В 1759–1762 гг. для Пруссии, оккупированной русскими войсками, на монетных дворах Кенигсберга и Москвы по талерной стопе выпускалась особая монета, с профилем русской императрицы Елизаветы Петровны². Десять лет спустя, в 1771–1774 г. из трофейных турецких пушек по распоряжению генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева и под руководством барона Петера Николауса фон Гартенберга в Содогуре

(Буковина) был налажен выпуск медных монет с двойным турецко-русским номиналом, которыми оплачивали местные расходы³. Французский император Наполеон снабжал армию поддельными бумажными деньгами Австрии и России. Когда же русская армия перешла р. Неман (28 декабря 1812 г.), оказавшись уже на территории Пруссии и Герцогства Варшавского, перед правительством была поставлена задача снабдить 90-тысячное войско деньгами, которые могли бы приниматься местным населением.

Эта задача осложнялась тем, что русская монета там напрямую не принималась в платежи. Что же касалось ассигнаций (которые к тому времени в самой России не вполне считались деньгами – скорее, векселями на монету), то отношение к ним даже на западе самой Российской империи было очень осторожным⁴. В этой связи правительство могло воспользоваться уже опробованным методом – покупкой иностранной валюты, или трассировкой заграничных векселей. Но в условиях бюджетного напряжения того времени (в 1812 г. государственные расходы превышали доходы на 10 млн. руб.⁵) и дефицита звонкой монеты в казне⁶ министр финансов Дмитрий Александрович Гурьев (1751–1825) принял решение о снабжении русской армии за границей ассигнациями.

В отличие от наполеоновских войск, где практиковалась расплата фальшивками, русскую армию решено было снабдить российскими бумажными деньгами, которые до этого времени имели хождение сугубо внутри Российской империи. Это был «единственный случай, когда был разрешен вывоз русских ассигнаций за рубеж»⁷. Притом это осуществлялось в период инфляционного бумажно-денежного обращения (которое не могло создать дополнительных трудностей), а также наводнивших денежное обращение многочисленных подделок⁸.

¹ Цитата приведена по изданию: Ключевский, В.О. Сочинения в 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Часть 4. М., 1989. С. 116.

² Узденников, В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах: 1700–1917 гг. М., 1995. С. 12, 22, 138–139.

³ Szechowskyj, I., Rywogałow, S. Содогурский монетный двор возле Черныякова во время русско-турецкой войны (1771–1774) // Pieniądz I wojna. Materiały z VI Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa 2004. S. 179–184.

⁴ Шишанов, В.А. К вопросу об обращении русских ассигнаций в губерниях, «от Польши присоединенных», на рубеже XVIII–XIX вв. // Numizматический сборник ГИМ. Т. XVI. М., 2003. С. 281–288.

⁵ Министерство финансов: 1802–1902 гг. Часть первая. СПб., 1902. С. 617, 621.

⁶ Известно, что на конец января 1813 г. в Государственном и С.-Петербургском казначействах хранилось золотой и серебряной монеты лишь на 3,1 млн. руб., включая золотые голландские червонцы (Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 27). Одновременно сумма всех ассигнаций в обращении превышала 645 млн. руб.

⁷ Маршак, М.Б. Государственные финансы в первой половине XIX в. // История денежного обращения в России. Т. 1. М., 2011. С. 173.

⁸ Маршак, М.Б. Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 26. Numизматика. № 6. Ленинград, 1986. С. 50–64; Квицикявичус, Л. Обращение и распространение наполеоновских и других подделок русских ассигнаций в Виленской губернии в 1–2 дес. XIX в. // Pieniądz – Kapital – Praca – Wspólne dziedzictwo Europy. Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa, 2006. S. 188–192; Грималаускайте, Д. Локализация места производства фальшивых ассигнаций И. Цейлика (1779–1860) и некоторые аспекты их распространения // Pieniądz – Kapital – Praca – Wspólne dziedzictwo Europy. Materiały z VIII Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa, 2006. S. 198–207.

К сожалению, имеющиеся в исследованиях немногочисленные упоминания о хождении российских ассигнаций в период заграничной кампании русской армии 1813–1814 гг. носят характер краткой констатации факта или изложения отдельного, во многом случайно найденного документа⁹. Между тем, опыт обращения русских бумажных денег в Европе интересен своей уникальностью. Была создана сеть так называемых «променных контор» Ассигнационного банка, благодаря которой наладили конвертацию бумажных билетов в серебряные талеры.

К тому времени ассигнации оставались не просто бумажными денежными знаками. В условиях, когда кредитные рынки Европы были закрыты для России, выпуск банкнот стал чуть ли не основным средством финансирования войны. С конца 1812 г. по конец 1815 г. их количество в обращении увеличилось почти на треть (28%, с 645,9 млн. руб. до 825,8 млн. руб.), а биржевой курс упал с 25,2 до 20 копеек серебром за условный бумажный рубль (самым низким номиналом ассигнаций в то время был пятирублевый денежный билет)¹⁰. Манифестом от 9 апреля 1812 г. все платежи внутри России должны были производиться ассигнациями¹¹.

Именно ассигнациям как основной массе обращавшихся российских денежных знаков в правительстве придавали большое значение в деле снабжения заграничной армии, несмотря на исторически устойчивое предпочтение монете. Для их размена было первоначально решено организовать две променные конторы Ассигнационного банка: при штабе главнокомандующего русской армией генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова и при армии адмирала П.В. Чичагова. Указ об их создании был дан 13 января 1813 г. лично императором Александром I. Преамбула документа в духе ушедшего XVIII в. составлена как личное обращение царя к вельможе: «Князь Михайло Ларионович! По вступлении армий наших в соседственные владения необходимо нужно, чтобы все монеты наши, не исключая и государственных ассигнаций, имели в оных свободное обращение»¹² (рисунки 1).

Променные конторы первоначально учреждались для обмена ассигнаций «в том краю, где войска находятся», «для доставления способов чинам армии обменять ассигнации высшего достоинства на мелкие»¹³. Автоматически это означало внедрение ассигнаций в местные платежи.

Альтернативой этому в то время могли стать только реквизиции необходимых товаров на нужды армии. Одновременно с изданием указа М.И. Кутузов обсуждал с бывшим прусским министром Генрихом Штейном (1757–1831) способы снабжения рус-

ской армии. Штейн писал, что «бесплатные реквизиции, истощая средства жителей, лишают их возможности вносить в казну подати, и потому должно прибегать к этому способу с большой умеренностью. Гораздо удобнее установить поставку запасов войскам за наличные деньги по определенным ценам»¹⁴.

Царский указ закрепил эту точку зрения. В приложенном к нему объявлении (которое следовало перевести и опубликовать на трех языках: русском, немецком и польском) говорилось о приеме «на законном основании» всех российских денежных знаков, включая монету. На них планировалось закупать продовольствие для армии, для чего предполагалось закрепить цены на важнейшие продукты (как было сказано в документе, «обнародовать таксы всем жизненным припасам, как-то хлебу, мясу, пиву и проч.») и установить твердый курс местных валют к рублю. Этот список с фиксированными ценами называли «кутузовским тарифом»¹⁵.

По соглашению с прусским правительством за продовольствие, фураж и иные услуги, оказываемые русским войскам местными жителями, положено было уплачивать 20% суммы наличными деньгами, а остальную – квитанциями конторы. В Пруссии были учреждены специальные магазины: как между р. Неманом и р. Вислой, так и на самой Висле (в Ландсберге, Бреслау, Лигнице и Бунцлау¹⁶). Провиант в них поступал как из Пруссии, так и с территории Герцогства Варшавского¹⁷. Кроме того, временные магазины были в Кенигсберге (Калининград, Россия), Инстербурге (Черняховск, Россия), Ангербурге (Венгожево, Польша), Эльбинге (Эльблонг, Польша), Мариенбурге (Мальборк, Польша), Мариенвердере (Квидзын, Польша), Браунсберге (Бранево, Польша), Морунгене (Моронг, Польша)¹⁸.

За основу соотношения между ассигнациями и серебряным рублем был взят паритет 4:1, отражавший средний курс бумажного рубля на С.-Петербургской бирже за 1812 год. Прусский талер (рейхсталер), исходя из серебряного содержания (16,7 г), был приравнен к 93 серебряным копейкам. Исходя из этого, рубль серебром оценивался в один рейхсталер

Рисунок 1

⁹ Михайловский-Данилевский, А.И. Описание войны 1813 г. Часть 1-я. СПб., 1840. С. 55–56; Орлов А.П. Бумажные денежные знаки в Беларуси. Минск, 2008. С. 9; Марней, Л.П., Д.А. Гурьев и финансовая политика в России в начале XIX в. М., 2009. С. 197–199; Маршак, М.Б. Государственные финансы в первой половине XIX в. // История денежного обращения в России. Т. 1. М., 2011. С. 173.

¹⁰ Кашкаров, М.П. Денежное обращение в России. Т. 1. СПб., 1898. С. 25.

¹¹ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собрание первое. Т. 32. № 25080. С. 280–282.

¹² Там же. № 25315. С. 505–506.

¹³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8; ПСЗ. Собрание первое. Т. 32. № 25315. С. 505.

¹⁴ Богданович, М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 148.

¹⁵ Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 142.

¹⁶ Ландсберг (или Ландсберг-на-Варте, ныне Гожув Велькопольский, Польша), Бреслау (Вроцлав, Польша), Лигниц (Легница, Польша), Бунцлау (Болеславец, Польша).

¹⁷ Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 36–37.

¹⁸ Богданович, М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 149.

6 грошенов и $16 \frac{7}{8}$ дихтена¹⁹. Соответственно, пятирублевая ассигнация оценивалась в один рейхсталер 31 грошен и $3 \frac{3}{32}$ дихтена²⁰ (рисунок 2).

Рисунок 2

Предполагалось выпустить в обращение ассигнации только трех достоинств: пятирублевые, десятирублевые и двадцатипятирублевые – «потому что они по разности цветов представляют лучшее между собой различие: 25-рублевые ассигнации суть белые, 10-рублевые – красные, а 5-рублевые – синие»²¹.

В правительстве понимали, что одной из главных опасностей нового мероприятия могут стать многочисленные подделки русских ассигнаций. Поэтому в «Объявлении» предупреждалось о смертной казни за подделку денежных билетов – «по законам той земли, где войска российские находиться будут»²².

Действительно, фальшивые ассигнации не заставили себя долго ждать. В начале 1813 г. они обнаружались на Волыни. В Бродах, за австрийской границей, в руки купца Пирхи попала 25-рублевая фальшивка²³, а затем похожие стали находить на российской стороне. Как удалось установить, «французы выпустили в Варшаве через посредство дюка де Бассано²⁴ и какого-то банкира Френкеля до 20 млн. рублей ассигнациями, разослав их в разные места». По поручению волынского губернатора Михаила Ивановича Комбурия (1761–1821), Пирха доставил образцы фальшивых ассигнаций – это были подделки денежных билетов в 5, 25, 50 и 100 руб. – и за услуги осведомителя по ходатайству министра финансов был награжден золотой медалью на голубой ленте²⁵.

Гурьев распорядился усилить контроль на австрийской границе и предложил обратиться в Вену за помощью в этом вопросе, полагая, что К. фон Меттерних сделает все возможное. Но реальность брала верх, и, по мнению министра финансов, «самый бдительный надзор таможен останется иногда безуспешным

по удобности скрывать их (то есть ассигнации. – А.Б.) в одежде и экипажах, особливо когда по причине пребывания войск за границами переезды людей и транспортов происходят, так сказать, непрерывно»²⁶.

Министр финансов признавал, что еще не нашел действительного средства против подделок и в качестве возможной меры предлагал «переменить форматы ассигнаций». «Но таковая операция требует времени, – писал Д.А. Гурьев графу А.А. Аракчееву, – с какой бы деятельностью ее не произвести. Нельзя полагать прежде года привести ее в действие – тогда, когда вред в полной мере будет исполнен»²⁷.

Между тем перед государем следовало быстро отчитаться за устройство контор. Поэтому спешно, уже 29 января 1813 г., была составлена инструкция по их деятельности и определен первоначальный капитал. Эту сумму в 2 млн. руб. должен был выделить Ассигнационный банк²⁸. Спустя два дня, первого февраля, были назначены директора контор²⁹, что можно было считать началом их деятельности.

Ассигнации были главной заботой новых учреждений. В конторах должны были разменивать все пять номиналов обращавшихся ассигнаций; при этом крупные купюры в 50 и 100 руб. подлежали размену, в то время как билеты в 5, 10 и 25 руб. обменивали на новые только в случае их ветхости³⁰. Поступившие ассигнации не должны были вновь попадать в обращение. Ветхие, как это делалось по правилам Ассигнационного банка, – перечеркивались (исключение было сделано для крупных денежных билетов в 50 и 100 руб.), одновременно составлялся их реестр. Эти денежные знаки отвозились в Ассигнационный банк и поступали на обработку в Экспедицию для приема и ревизии ассигнаций (рисунок 3).

Во избежание недоразумений конторам сразу запретили давать деньги займы – за исключением случаев, если на то было представлено письменное разрешение главнокомандующего армиями. Именно перед ним, а не перед банком, контора отчитывалась в своей деятельности. Заподозрив что-то неладное, он мог в любое время назначить ревизию сумм³¹.

Министра финансов беспокоил, по его мнению, достаточно произвольно назначенный курс ассигнаций. В условиях продолжавшегося падения бумажного рубля это фактически означало курсовые потери. Тем более, что до Д.А. Гурьева дошли слухи, что один банкир в Бреслау (Вроцлав) работал с российской валютой не по установленному паритету, а

¹⁹ Прусский талер (рейхсталер) приравнялся к 24 грошеном. Дихтен – монета, курс которой к рейхсталеру сначала составлял 30/1, а к 1813 г. – 52,5/1.

²⁰ ПСЗ. Собрание первое. Т. 32. № 25315. С. 506.

²¹ Там же. С. 505.

²² Там же. С. 505.

²³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 4.

²⁴ Юг-Маре, герцог де Бассано (Hugues-Bernard Maret; 1763–1839), французский дипломат, политик и государственный деятель, министр иностранных дел Франции в 1811–1813 гг.

²⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 4.

²⁶ Там же. Л. 18.

²⁷ Там же. Л. 13 об.

²⁸ Штат конторы предполагался из шести человек (включая директора), а ее устройство копировало променные конторы, существовавшие внутри империи (на 1813 г. в Российской империи существовало пять променных контор Ассигнационного банка: в Архангельске, Вышнем Волочке, Одессе, Рыбинске и Таганроге). Денежная наличность хранилась в печатанных закрытых сундуках, а само здание охранялось воинским караулом.

²⁹ Директором променной конторы в Калише был назначен надворный советник Александр Иванович Бороздин (1780–1859), а при армии П.В. Чичагова – барон Карл-Фабиан (Карл Иванович) Унгерн-Штернберг (1762 – ?).

³⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8.

³¹ Там же. Л. 11.

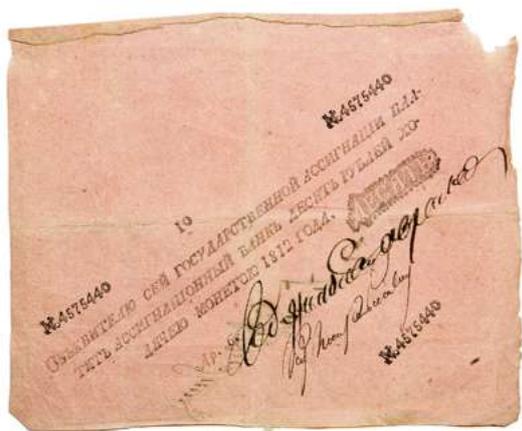

Рисунок 3

по «рыночному» курсу³². Гурьев хотел и вовсе запретить вывоз ассигнаций, но в правительстве признавали, что «вывоза на военные нужды невозможно избежать, пока банковые ассигнации не заменены будут другой монетой, и особенно звонкой»³³. Министр даже предлагал выпустить что-то вроде оккупационных денег («по сему предмету ведутся теперь переговоры с Англией») и учредить бумажные деньги на прусскую монету³⁴. Их можно было выкупить, заключив специальный заем, или обменять на звонкую монету, «отдавая сию операцию до окончания войны», с выгодой для казны³⁵. Причем, как считал Гурьев, к этому выкупу должны были быть привлечены все союзные державы.

Однако Александр I не поддержал эту идею, и Гурьеву ничего не оставалось, как произвести эксперимент с ассигнациями на землях Польши и Пруссии. Барон Штейн предупреждал Гурьева, что заграничная война уронит курс рубля и лучше, чтобы армия рассчитывалась местными деньгами³⁶. Не отрицая этих очевидных истин, Гурьев раздраженно писал А.А. Аракчееву: «Я должен откровенно признаться Вашему сиятельству, что все теоретические прения и споры столь много меня утомили, что я их всегда желаю избегать – особливо, когда опыт и практическое отправление дел научают довольно и очевидно»³⁷. Министр предвидел сложность уже на первом этапе, начиная от русскоязычных надписей

на российских банковских билетах и дробного соотношения сумм при обмене. Министр полагал, что пруссаки и поляки попросту будут питать «отвращение» к ассигнациям и при первом же случае будут предьявлять их к размену. А это, в свою очередь, еще больше понизит их биржевой курс³⁸.

Наконец, все больше стали попадаться подделки, причем, в самой Российской империи. Гурьев полагал, что большинство их происходит из сопредельных стран. Так, в присланном в Ригу денежном пакете, отправленном из Кенигсберга компанией Гигера, из 50 тыс. руб. 10 тыс. оказались фальшивыми³⁹. Фальшивки встречались даже при выдаче жалования российским офицерам и военным чиновникам.

Министр финансов справедливо опасался роста убытков по этой операции, о чем писал графу А.А. Аракчееву в С.-Петербург (4 февраля 1813 г.): «В нынешнем положении нашем при введении в действие сей операции встречается... умножение ассигнаций наших великим числом фальшивых, которое неприятель разлил не только в государстве нашем, но и в сопредельных землях. Средства же к защите от сего зла весьма трудны во всех случаях... Признаюсь Вам, что сие до крайности меня озабочивает и что я еще не открыл ничего к тому удовлетворительного»⁴⁰.

В итоге Гурьев остановился на мысли создать целую сеть променных контор в Европе, которые могли бы стать фильтрами бумажной денежной наличности. Именно из-за участившихся случаев обнаружения фальшивок министр финансов просил А.А. Аракчеева походить за императором о скорейшем открытии таких учреждений, чтобы ассигнации из Пруссии и Польши напрямую не попадали в Россию⁴¹.

8 марта 1813 г., находясь в Калише (где тогда размещался штаб М.И. Кутузова)⁴², император Александр I подписал порядок деятельности променных контор, основанный на идеях Гурьева. Они в скором времени были учреждены в трех городах – Берлине, Кенигсберге и Варшаве, причем в Кенигсберг была переведена бывшая контора при армии П.В. Чичагова⁴³. Вместе с уже существовавшей конторой в Калише (при штабе главнокомандующего) они обеспечивали циркуляцию в Пруссии и Польше русских бумажных денег. Две недели спустя, 26 марта

³² Там же. Л. 15.

³³ Там же. Л. 15 об.

³⁴ Для этой цели Д.А. Гурьев предлагал ввести денежные билеты в 100, 200, 500 и 1000 талеров, приносящие их держателям по 5% в год, и каждые полгода выкупать 1/12 часть их общей суммы звонкой монетой. Для выкупа всех оставшихся в Европе ассигнаций (их сумма оценивалась в 50 млн. руб.) в 1814 г. Д.А. Гурьев предполагал потратить 13 млн. прусских талеров – что, по его мнению, сэкономило для русской казны 20 млн. руб. Для проведения этой операции наряду с уже существовавшими (к тому времени) променными конторами предполагалось учредить конторы Ассигнационного банка в Лейпциге и Франкфурте-на-Майне (Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 142; Внешняя политика России XIX в. и начала XX в. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1-я. Т. 7. М., 1970. С. 579–581.).

³⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 23.

³⁶ Там же. Ч. 2. Л. 6 об., 9 об.

³⁷ Там же. Л. 8.

³⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 19–22.

³⁹ Там же. Л. 36 об.–37.

⁴⁰ Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I / сост. Н.Ф. Дубровин. М., 2006. С. 78.

⁴¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 36–38 об.

⁴² В Калише штаб М.И. Кутузова и главная квартира императора Александра I размещались с 12 (24) февраля до 27 марта (8 апреля) 1813 г. (Богданович, М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 68.).

⁴³ Директорами променных контор были чиновники Ассигнационного банка: варшавской – коллежский советник Лев Петрович фон Клейст, берлинской – барон Павел Иванович фон Дольст (1787–1831). Штаб Варшавской конторы состоял из четырех человек: директора, кассира, письмоводителя и писца. Известно также, что в берлинской променной конторе работал Иван Иванович Ламанский (1794–1879), в будущем сенатор и директор Особенной канцелярии по кредитной части, отец известного экономиста и банкира Е.И. Ламанского (Ламанский, Е.И. Избранные сочинения / Сост. А.В. Бугров. М., 2005. С. 8.).

(7 апреля по новому стилю) 1813 г., между Пруссией и Россией была заключена конвенция, согласно которой 25% от суммы поставок оплачивалось банковскими ассигнациями по курсу петербургской биржи, 37,5% – зерновым хлебом и столько же – квитанциями променных контор, «по коим платеж должен был последовать по заключении мира»⁴⁴. По королевскому эдикту, ассигнации должны были приниматься в правительственных кассах и населением наравне с прусскими деньгами⁴⁵.

В отличие от Пруссии в Герцогстве Варшавском практиковались реквизиции, так как Польша управлялась как завоеванная страна, прежний союзник Франции⁴⁶. В прочих сопредельных государствах русским полковым командирам было приказано выдавать за получаемые товары квитанции (по фиксированным ценам «кутузовского тарифа»), однако на практике это не всегда выполнялось⁴⁷. М.Б. Барклай-де-Толли говорил о своих командирах: «Никто не хочет ожидать, пока дойдет до него очередь; многие стараются получить запасы силой»⁴⁸.

Тем не менее, объемы закупок оставались значительными. Для обмундирования армии в Пруссии было закуплено 740 тысяч аршин сукна различных цветов по ценам от 3 руб. 50 коп. до 3 руб. 75 коп. за аршин⁴⁹. А после взятия Лейпцига (19 октября (по новому стилю) 1813 г.) там было приобретено для армии 100 тысяч пар сапожного товара⁵⁰.

О том, как работали конторы, наглядно показывают сохранившиеся архивные материалы по деятельности одной из них – в Варшаве⁵¹. На внесенную для перевода сумму, которая обязательно отражалась в книге конторы, на гербовой бумаге выписывалась квитанция (ей присваивался индивидуальный номер). О ней уведомляли одну из казенных палат, где по требованию вносителя деньги получал оговоренный бенефициар или его представитель. Эти платежи могли производиться в С.-Петербурге, Гродно, Вильно или Риге, причем вноситель мог выбрать только один из этих городов. Непосредственный же ввоз в Россию ассигнаций был запрещен во избежание подделок (за их нелегальный провоз виновные привлекались к военному суду)⁵².

Судя по сохранившимся материалам Варшавской променной конторы, ее клиентами были как местные коммерсанты, так и российские офицеры, причем первые – в большей степени. При этом практически все они требовали перевода на петербургскую казен-

ную палату. Так польский купец Карл Ган 11 июля 1813 г. представил к переводу 10 тыс. руб. ассигнациями и получил квитанцию (под номером 104139) о выдаче этой суммы в северной столице; деньги по ней получил артельщик купцов Мейера и Бриксенера, из сумм Ассигнационного банка⁵³.

Особенно часто переводил деньги в Петербург варшавский банкир Самуил Френкель, связанный партнерскими отношениями с предпринимателем Людвигом Ивановичем Штиглицем (1778–1843), впоследствии придворным банкиром. За раз Френкель мог переводить по несколько десятков тысяч, и даже суммы более ста тысяч рублей⁵⁴. Гораздо скромнее были переводы других коммерсантов: «векселаров» (банкиров) Вольфа-Михеля Кона, Исаака-Симона Розена, варшавских купцов Мартина Якоби, Морица Самельсона, Габриэля Берксона, Герша Якоба и др. Видимо, большинство этих лиц были связаны со снабжением русской армии.

Если в контору приносилась фальшивка, то о ней составлялся доклад главнокомандующему. Квитанция за нее не полагалась, а сам денежный знак изымался у предъявителя⁵⁵. Платеж по ней мог быть произведен только с разрешения главнокомандующего, «когда усмотрено будет, что фальшивая ассигнация принята незаведомо и не с намерением и что лишение оной было бы отяготительно по состоянию предъявителя» (в отличие от такого порядка, в самой Российской империи поддельные ассигнации оплачивались банком)⁵⁶.

О том, насколько большие суммы отпускались на армию, могут говорить расходы по Военному департаменту, которые в первом квартале 1813 г. составили 12,3 млн. руб.⁵⁷. Всего, как признавал Д.А. Гурьев, за 1813 г. за границу на нужды армии было выпущено до 70 млн. руб., из которых 20 млн. руб. было переведено конторами обратно в Россию⁵⁸. «Сии деньги, – по признанию министра, – в каждый почтовый день появлялись на биржах наших, иногда по 500 тыс. и 700 тыс., для покупки векселей⁵⁹, которых, таким образом, никогда не доставало для обыкновенных коммерческих оборотов»⁶⁰. Из-за нехватки ассигнаций командующему армией М.Б. Барклаю-де-Толли он выслал даже казначейские облигации (на 6 млн. руб.), однако «почти все сии облигации остались без употребления» и были возвращены назад, в Министерство финансов⁶¹. В конце концов, Гурьев нашел возможность снабдить

⁴⁴ Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. Приложения. С. 5.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 2. Л. 53.

⁴⁶ Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 572.

⁴⁷ Там же. С. 142.

⁴⁸ Там же. С. 142–143.

⁴⁹ Богданович, М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 140–141.

⁵⁰ Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 142.

⁵¹ См.: РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 623. С. 31–190 и др.

⁵² РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 10–11.

⁵³ Там же. Ф. 557. Оп. 1. Д. 623. Л. 31–35.

⁵⁴ Там же. Л. 74, 75, 89, 124, 132, 142, 149, 158, 171, 191, 238, 240, 245.

⁵⁵ Фальшивки перечеркивали крестообразно и отправляли в Правление Ассигнационного банка.

⁵⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 11–11 об.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 88–89.

⁵⁸ Там же. Часть 3. Л. 58 об.; Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 141; Сивков, К.В. Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество. Т. 7. М., 1912. С. 132.

⁵⁹ Имеются в виду переводные векселя – тратты, служившие для покупки иностранной валюты.

⁶⁰ Внешняя политика России XIX в. и начала XX в. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1-я. Т. 7. М., 1970. С. 578–579.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 52.

армию, продвигавшуюся по Саксонии и в другие германские земли, хотя бы частично местной монетой – с помощью «кредитива» (тратты) на 200 тыс. руб.⁶²

После битвы при Лейпциге (16–19 октября 1813 г.) и отступления Наполеона I за Рейн снабжением русской армии ведала особая комиссия под председательством К. фон Меттерниха. На променные конторы были возложены «прием и хранение сумм на содержание действующей армии потребные, равно и отпуск оных»⁶³. Квитанции на получение денег (жалованье и т. п.) могли теперь обналичивать сами конторы (без их пересылки в Российскую империю), если на то имелось распоряжение царя или главнокомандующего⁶⁴. Земли созданного Наполеоном Рейнского союза были обложены контрибуцией в 17 млн. гульденов (около 10 млн. рублей серебром); под залог этой суммы были выпущены 6%-е облигации (из которых Россия, Австрия и Пруссия получили по $\frac{5}{16}$ всей номинальной суммы облигациями, а Швеция – $\frac{1}{16}$)⁶⁵. Этими бумагами оплачивались поставки для армии. Продовольствие закупалось, исходя из потребностей, закрепленных в ежедневном рационе. Так, нижние чины русской армии ежедневно получали два фунта⁶⁶ ржаного или белого хлеба, $\frac{1}{4}$ фунта крупы (или фунт картофеля и других сырых овощей), полфунта говядины, порцию водки (или пива) и на месяц один фунт соли; офицеры – два фунта белого хлеба, четверть фунта крупы, два фунта говядины и порцию водки, пива или вина⁶⁷.

Впрочем, военные не всегда расплачивались даже такими суррогатами. Известно, что граф Михаил Семенович Воронцов (в будущем кавказский наместник, более известный по едкой эпиграмме А.С. Пушкина) заплатил более 1,5 млн. руб. ассигнациями за офицеров оккупационного корпуса, которым он командовал в Мобеже⁶⁸. По признанию современника, это несколько расстроило его большое состояние, которое он вскоре приумножил благодаря выгодной женитьбе⁶⁹.

Вообще, иностранцы крайне неохотно соглашались получать платежи бумагой. По воспоминанию участника заграничной компании Александра Ивановича Михайловского-Данилевского (1789–1848), «одни говорили о совершенной невозможности продовольствовать русских, а другие утверждали, что собственные их войска будут скоро претерпевать голод... Прибыл в Вену нарочный генерал из Штутгарта объявить решительно об отказе своего правительства продовольствовать русских. Баварцы дела-

ли всех более затруднений; один из министров их писал: «В последние войны жертвования Баварии были так для нее обременительны, что, не установив точных условий на счет возврата денег за поставку продовольствия, нет возможности требовать от нее какого-либо пособия при проходе русских войск»⁷⁰.

Когда русская армия возвращалась из-за границы, контролировать провоз ассигнаций военными было очень сложно. Поэтому Гурьев предложил комитету министров (26 июня 1814 г.) снять этот бессмысленный, по его мнению, запрет. Лишь ассигнации крупных номиналов, среди которых, как считали, немало поделок, следовало сдать корпусным командирам в течение трех дней после специального распоряжения (если такие билеты оказывались подлинными, они возвращались владельцу, в то время как «сомнительные» оставались в Ассигнационном банке)⁷¹.

Помимо бумажных рублей полки, квартировавшие во Франции, привозили иностранную «звонкую» монету (наполеондоры, экю, прусские талеры, луидоры, гинеи и др.), которые в 1820 г. разменяли по курсу на ассигнации. Это золото и серебро передали на Петербургский монетный двор, где оно стало сырьем для чеканки российской монеты⁷².

Что касается квитанций контор, то очевидно, что их в большом количестве могли предъявить прусские подданные. Учитывая, что прусского короля Фридриха-Вильгельма с императором Александром I связывала личная дружба, можно предположить, что расчеты за поставки были урегулированы без особых осложнений, тем более что по условиям договора от 1 ноября 1815 г. побежденная Франция пять лет обязалась выплачивать большую контрибуцию своим бывшим противникам⁷³. Известно, уже в начале 1815 г. променные конторы при штабе армии и в Кенигсберге прекратили свою деятельность⁷⁴. Варшавская контора работала дольше – до мая 1815 г., когда на основании специального положения комитета министров (от 11 мая 1815 г.) переводы ассигнаций через нее были прекращены. Вместо этого был разрешен свободный провоз и пересылка российских бумажных денег из Герцогства Варшавского (получившего в том же году наименование Царства Польского, главой которого стал Александр I) в пределах империи⁷⁵. Одновременно, в результате больших военных расходов биржевой курс бумажного рубля достиг минимума за всю историю ассигнаций: за «синенькую» (так называли пятирублевый билет) давали лишь один «целковый» (серебряный рубль)⁷⁶.

⁶² Там же. Часть 2. Л. 8–8 об.

⁶³ Там же. Часть 3. Л. 19 об.

⁶⁴ Так было, например, в случае с Берлинской променной конторой, квитанции на которую были выписаны в Калише по распоряжению главнокомандующего М.Б. Барклая-де-Толли (См.: РГИА. Ф. 557. Оп. 1. Д. 638. Л. 1–3.).

⁶⁵ Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 323.

⁶⁶ Русский фунт – 409,5 г.

⁶⁷ Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1869. С. 323.

⁶⁸ Соллогуб, В.А. Воспоминания. М., 1998. С. 184.

⁶⁹ Его женой стала Елизавета Ксавьерьевна Браницкая (1792–1880), племянница князя Г.А. Потемкина.

⁷⁰ Михайловский-Данилевский, А.И. Записки 1814 года. СПб., 1831. С. 153–154.

⁷¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 15–17 об.

⁷² Там же. Ф. 557. Оп. 1. Д. 792. Л. 1–16.

⁷³ В 1818 г. этот французский долг иностранным державам простирался до 1390 млн. франков (Богданович, М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 280.).

⁷⁴ Об этом свидетельствуют послужные записи по директорам контор, в частности, по К.И. Унгерн-Штернбергу (РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 2. Л. 7–7 об.).

⁷⁵ ПСЗ. Собрание первое. Т. 33. СПб., 1830. № 25844. С. 121.

⁷⁶ Кашкаров, М.П. Денежное обращение в России Т. 1. СПб., 1898. С. 25.

Денежные знаки концлагерей и гетто

Александр ОРЛОВ

Почетный член
ОО «Белорусское
нумизматическое общество»,
председатель клуба
коллекционеров «Поиск»

В немецких концентрационных лагерях Третьего Рейха управлением СС были учреждены лагерные деньги (лагерьгельды). Они служили двум целям:

1. Осложнить побег узников из концлагеря. Имея на руках после побега только лагерные деньги вместо настоящей валюты, узник не сможет ими воспользоваться.

2. Поощрять узников за хорошую работу и стимулировать их к дальнейшим трудовым достижениям. (После непрерывных военных мобилизаций жителей Германии промышленности Рейха не хватало рабочих рук, и поэтому была необходимость использовать труд узников концлагерей).

На полученные лагерные деньги «ударники концлагерного труда» могли питаться в столовой, приобретать продукты и табак в лагерной лавке и даже пользоваться лагерными борделями, созданными по личной инициативе рейхсфюрера СС Генриха Гимлера в 10-ти немецких концентрационных лагерях. Помимо лагерных купюр, похожих на полноценные деньги, были выпуски и премиальных чеков (премиеншайн), на которых обозначался номинал в рейхсмарках и имелось свободное место для написания лагерного номера того узника, которому выдавался бонусный знак (рисунки 1, 2).

Специализированные лагерьгельды-талоны, выпуск которых был утвержден Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил Рейха, имели хождение в специализированных лагерях для воен-

Рисунок 1. Премиальный чек-премиеншайн номиналом 50 пфеннигов, Освенцим. Внизу купюры указаны серия и номер купюры (KL/100), а также дата выпуска и тираж – 8.44/500.000 (август 1944 г., 500 000 штук)

Рисунок 2. Премиальный чек-премиеншайн номиналом 1 рейхсмарка, Освенцим

нопленных. На лицевой стороне банкноты имеются надписи «Деньги лагерей военнопленных», «Нарушения, подделки и подлоги будут наказываться». Внизу – подпись Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил Рейха. Обратная сторона талонов оставалась чистой, для отметок лагерной администрации. Эти деньги-талоны были действительны в качестве оплаты только в лагерях для военнопленных (рисунок 3).

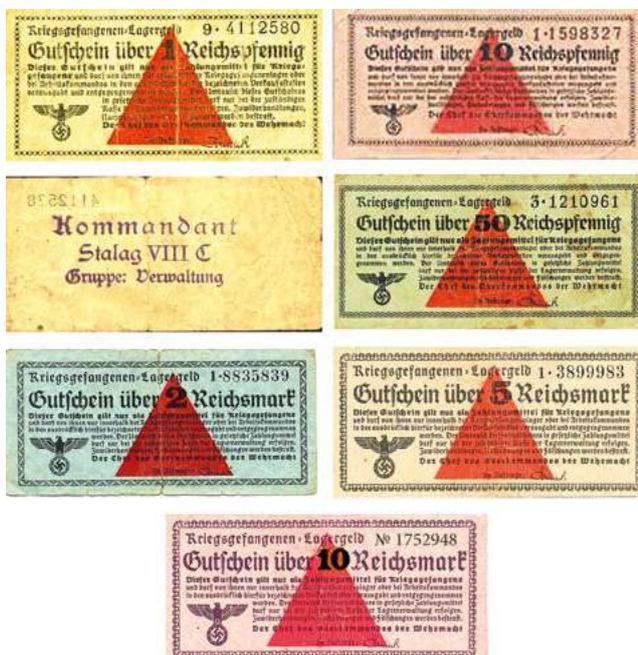

Рисунок 3. Лагерьгельды-талоны номиналами 10 и 50 пфеннигов, 1, 2, 5 и 10 марок, имевшие хождение в лагерях для военнопленных на всех оккупированных территориях Рейха

Еврейское гетто в Лодзи (Litzmannstadt) было открыто 8 февраля 1940 г. В Лодзинское гетто были депортированы евреи из разных стран Европы: Германии, Австрии, Чехословакии, Люксембурга и др. Общее число узников Лодзинского гетто было доведено приблизительно до 200 000 человек. В гетто были созданы предприятия, на которых евреи работали за кусок хлеба и небольшую тарелку супа. Специально для денежного обращения внутри гетто 15 мая 1940 г. были выпущены банкноты, а в 1942–1943 гг. – монеты. Эти банкноты и монеты имели хождение исключительно внутри гетто и не имели никакой ценности вне его (рисунок 4).

В ноябре 1941 г. на базе тюрьмы гестапо в городе Терезин в Чехии на берегу реки Огрже был создан нацистский концентрационный лагерь, преобразованный в гетто. За годы войны в этот лагерь попало около 140 тысяч человек, среди которых было 15 тысяч детей.

В апреле 1943 г. в гетто был создан Банк еврейского самоуправления, а 12 мая 1943 г. введена специальная валюта – крона. Эскизы гетто-кроны разработали заключенные лагеря художники Кин и Фритте. На семи купюрах номиналами 1, 2, 5,

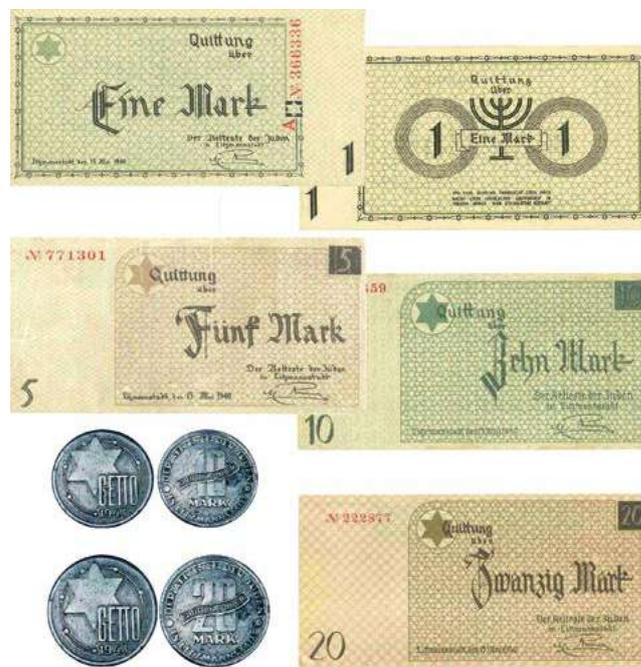

Рисунок 4. Деньги Лодзинского гетто: банкноты номиналами 1, 5, 10 и 20 марок (полная серия выпуска: 1/2, 1, 2, 5, 10, 20, 50 марок), монеты – 10 и 20 марок, Ag (полная серия выпуска: 1/20, 1/10, 5, 10, 20, 50 марок)

10, 20, 50 и 100 крон было изображение Моисея со скрижалями Завета. Эскизы утверждались в самом Берлине. Гетто-кроны датированы первым январем 1943 г. Всего в Терезинштадте было выпущено денег на 14 миллионов крон, что равнялось в то время 1 400 000 маркам (рисунки 5, 6).

Рисунок 5. Денежные купюры гетто в Терезине номиналами 1, 2, 5 и 10 крон, 1943 г.

Рисунок 6. Денежные купюры гетто в Терезине номиналами 20, 50 и 100 крон, 1943 г.

Взрослые узники получали за свою работу 100 крон в месяц (10 марок), а подростки и старики – по 50 крон. Любой из держателей крон мог открывать свой счет в банке, покупать в магазинах гетто продукты и вещи, питаться в кафе и ресторанах. Большинство заключенных предпочитало просто складывать эти деньги в банке. За время существования лагеря в нем было открыто 79 тысяч счетов.

Концентрационный лагерь СС Флоссенбург был создан в мае 1938 г. около города Флоссен в Баварии рядом с границей Чехословакии на небольшом горном плато на высоте 800 метров. 15 октября 1941 г. в концлагерь Флоссенбург была отправлена партия советских военнопленных численностью около 2000 человек (рисунок 7). Предполагается, что их использовали для внутрилагерных работ в близлежащих каменоломнях. В 1943 г. Флоссенбург становится местом производства вооружений. На территории каменоломни узники производят части самолетов вермахта и монтируют самолет-истребитель «Me-109».

Концентрационный лагерь Третьего Рейха Равенсбрюк, располагавшийся в 90 км от Берлина, существовал с мая 1939 г. до конца апреля 1945 г. Это был крупнейший женский концлагерь нацистов. Свое существование концлагерь закончил 30 апреля 1945 г., после освобождения узников лагеря войсками Красной Армии (рисунок 8).

Рисунок 7. Премиальный чек-премиеншайн номиналом 1 марка, концентрационный лагерь Флоссенбург. Внизу купюры указаны серия и номер – KL/101, дата и тираж выпуска – 11.44/1.000.000 (ноябрь 1944 г., 1 000 000 штук)

Рисунок 8. Премиальный чек-премиеншайн номиналом 1 рейхсмарка концентрационного лагеря Равенсбрюк

Нацистский концентрационный лагерь Дора-Миттельбау образован 28 августа 1943 г. как подразделение уже существовавшего лагеря Бухенвальд. Основным предназначением лагеря была организация подземного производства вооружений на заводе Миттельверк, в том числе ракет «Фау-2». Подземный завод по производству оружия Миттельверк и концентрационный лагерь Дора-Миттельбау, в котором погибло множество фашистских пленников в погоне за усовершенствованием баллистических ракет «Фау-2», стали, пожалуй, одними из самых известных. Заключенные работали в специально прорубленных в горе туннелях – это был один из наиболее тяжелых по режиму лагерей Германии. Для поощрения «индустриальных узников» трудового лагеря (подразделения концлагеря Дора-Миттельбау), где изготавливались ракеты «Фау-2», администрацией лагеря были заказаны и использованы с 1943 г. по 1945 г. денежные купюры следующих номиналов – 1, 5, 10, 25 пфеннигов и 1, 2, 5 и 10 рейхсмарок (рисунок 9).

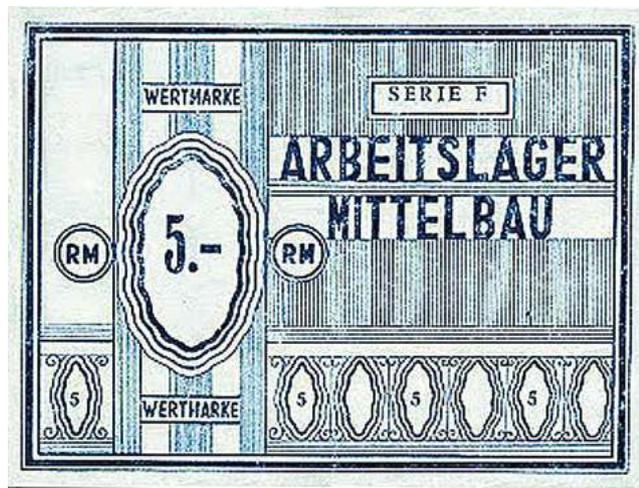
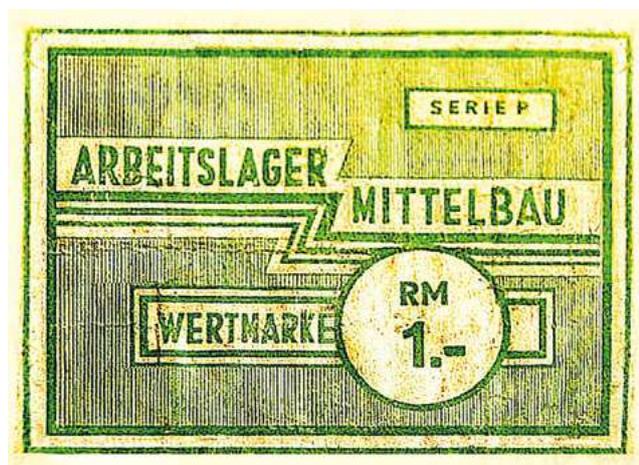
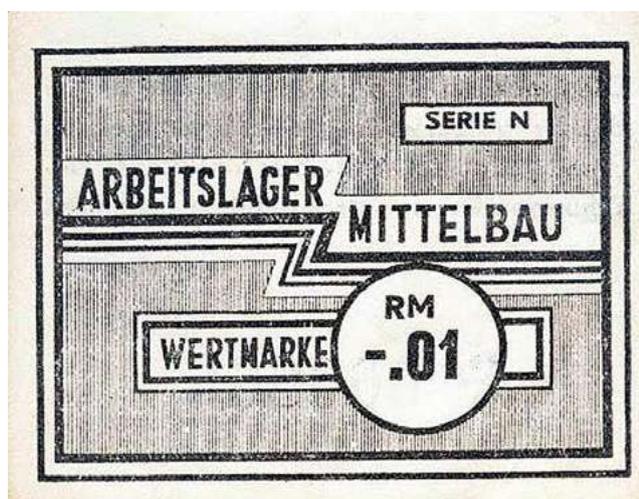

Рисунок 9. Денежные купюры-вертмарки: 1 пфенниг, 1 и 5 марок концлагеря Дора-Миттельбау

Нацистский концентрационный лагерь Заксенхаузен был создан летом 1936 г. в районе Ораниенбурга. В начале Второй мировой войны, в 1939 г., в лагерь стали прибывать эшелоны с гражданами из оккупированных стран Европы, позже – из Польши и СССР. За период с 1936 г. по 1945 г. через Заксен-

хаузен прошло более 250 тысяч узников из 27 стран, которые в тяжелейших условиях работали на военную промышленность Германии, за что отличившимся работникам полагалось денежное вознаграждение (рисунок 10).

В Заксенхаузен заключали врагов нацистского режима со всей Европы. Об интернациональной солидарности и совместной борьбе узников за выживание написал в своей книге «Побег из ада» бывший узник лагеря – прославленный летчик Михаил Девятаев. В апреле 1945 г. концлагерь Заксенхаузен был освобожден Красной Армией.

Рисунок 10. Премияльные чеки-премиеншайны – 0,5 и 1 рейхсмарка концлагеря Заксенхаузен. На чеке 1 рейхсмарка проставлен от руки порядковый номер узника концлагеря

Нацистский концентрационный лагерь Гросс-Розен был построен в августе 1940 г. Через некоторое время этот концлагерь, находившийся в гранитном карьере в Нижней Силезии, разросся до лагеря внушительного размера. Узников пригоняли сюда из более чем 20 стран Европы. Здесь были представлены все группы, ставшие объектами нацистских преследований, – евреи разной государственной принадлежности, советские военнопленные, украинцы, негодные поляки и немцы... За период существования (1940–1945 гг.) через лагерь Гросс-Розен прошло 125 тысяч заключенных, силами которых было построено предприятие по обработ-

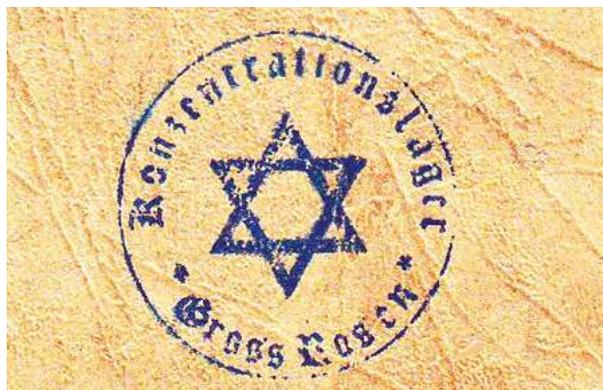

Рисунок 11. Премияльный чек-премиеншайн номиналом 4 рейхс-марки концлагеря Гросс-Розен

ке камня (рисунок 11). Концлагерь Гросс-Розен был освобожден Красной Армией 14 февраля 1945 г.

Лагерь военнопленных № 1 в Кеюлио (Финляндия) существовал с 1941 г. по 1944 г. В нем содержался, главным образом, офицерский состав Красной Армии. Это единственный концентрационный лагерь в Финляндии, в котором выпускались специальные денежные знаки. Они были впервые выпущены в июне 1943 г. и предназначались для военнопленных, содержащихся в Кеюлио. Специальные денежные знаки были оформлены достаточно примитивно – черная краска и белая бумага. На лицевой стороне был помещен текст на русском языке: «КУПОН». «Годен только в кантин ВПО» (военнопленных офицеров). Всего было отпечатано 52 000 знаков. В январе 1944 г. была выпущена вторая серия денежных знаков номиналами 10, 20, 50 и 100 марок. Номинал также был написан на русском языке (рисунки 12, 13).

Рисунок 12. Денежные знаки-купоны номиналами 1, 5 и 10 марок, действовавшие в кantine (кафе) для военнопленных офицеров концентрационного лагеря № 1 в Кеюлио

Рисунок 13. Цветные денежные знаки-купоны номиналами 10 и 100 марок, действовавшие только в кantine (кафе) для военнопленных офицеров концентрационного лагеря № 1 в Кеюлио

После подписания Договора о перемирии между Советским Союзом и Финляндией в 1944 г. начался процесс обмена военнопленными. Заключенные лагеря № 1 в Кеюлио были переданы советским властям в приграничном поселке Вайникала.

В оккупированной Австрии действовал концентрационный лагерь Маутхаузен с апреля 1938 г. Место его размещения определялось близостью к гранитной каменоломне Винерграбен, ранее принадлежавшей муниципалитету Вены. Изначально лагерь Маутхаузен использовался как место заключения уголовных преступников, считавшихся несправедливыми, но 8 мая 1939 г. он был преобразован в трудовой лагерь для политических заключенных.

В августе 1944 г. для концлагеря Маутхаузен были изготовлены из картона денежные знаки но-

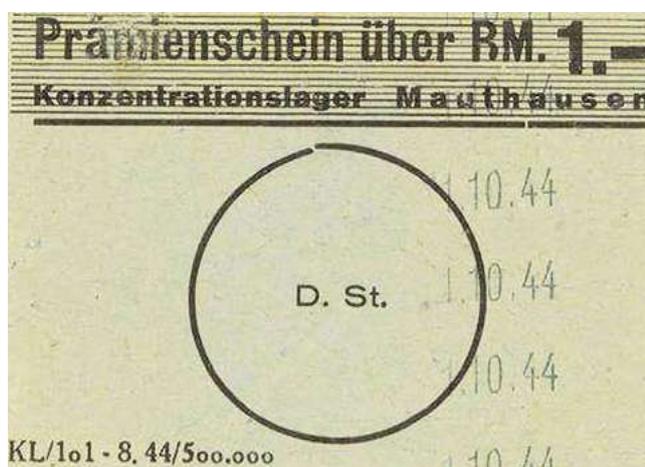

Рисунок 14. Премиальные чеки-премиеншайны номиналами 50 пфеннигов и 1 рейхсмарка концентрационного лагеря Маутхаузен

миналами 50 пфеннигов, 1 и 2 рейхсмарки. Это были премиальные чеки-премиеншайн для поощрения администрацией лагеря отличившихся узников, которые могли дополнить свой пищевой рацион в кафе (рисунок 14).

Недалеко от Мюнхена в марте 1933 г. был основан один из первых концентрационных лагерей на территории Германии – Дахау. До начала Второй

мировой войны в концлагере Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам (согласно расовой теории) «загрязняющими» арийскую расу. Многие узники Дахау принудительно трудились в качестве бесплатной рабочей силы на окрестных промышленных предприятиях, в том числе на производствах крупнейшего химического концерна «ИГ Фарбениндустри». Концлагерь Дахау действовал около 12 лет. За это время заключенными лагеря стали порядка 250 000 человек, выходцев из различных стран Европы. Число погибших в нем превышает 70 000 человек, в числе которых оказались и 12 тысяч замученных советских военнопленных (рисунок 15).

Рисунок 15. Премиальный чек-премиеншайн номиналом 50 пфеннигов концлагеря Дахау выпуска 1944 г. В этом концлагере находились в обращении также чеки номиналами 1, 2, 3 и 4 рейхсмарки. На них от руки ставились номера узников, которым дарили эти чеки

За день до прихода американских войск, 28 апреля 1945 г. заключенные подняли восстание, которое помогло сохранить тысячи жизней заключенных.

Бухенвальд – один из крупнейших нацистских концлагерей на территории Германии. В нем с июля 1937 г. по апрель 1945 г. было заключено около 250 000 человек. Количество жертв лагеря оценивается примерно в 56 000 узников. Именно в застенках этого лагеря провел свои последние дни вождь немецкого пролетариата Эрнст Тельман, который был расстрелян в 1944 г. по приказу Гитлера.

11 апреля 1945 г., когда к Бухенвальду приближались американские войска, там вспыхнуло восстание, в результате которого заключенные сумели перехватить контроль над лагерем у отступающих соединений СС. В память об этом событии был учрежден Международный день освобождения узников фашистских концлагерей (рисунок 16).

Денежные знаки фашистских лагерей и гетто, представленные в статье, составляют лишь некоторую часть их выпусков. Тем не менее эти купюры являются неотъемлемой частью международной летописи героической борьбы свободолюбивых народов с коричневой чумой фашизма. Среди многочисленных денежных знаков всего мира, представляемых в выпусках каталогов, для коллекционеров данные знаки являются достаточно редкими и даже раритетными.

Рисунок 16. Денежные знаки концентрационного лагеря Бухенвальд – 50 пфеннигов, 2 и 3 рейхсмарки (была еще и 1 рейхсмарка). За эти деньги можно было перекусить в кафе. Ими пользовались не только узники лагеря, но также обслуживающий персонал и эсэсовская охрана

Источники:

1. Рябченко, П.Ф. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–1994). – Киев, 1995.
2. Сенилов, Б.В. Военные деньги Второй мировой войны. – М.: Финансы и статистика, 1991.
3. Гефтер, Михаил. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. – М., 1995.
4. Рубенчик, А. Правда о Минском гетто. – Тель-Авив, 1995.
5. Экхаут, Людо Ван. Молчать нельзя! – М., 1966. – С. 334.
6. Пик, Альберт, Симсен, Карл. Деньги нужды Второй мировой войны. – Мюнхен, 1979.

Клады в музейных собраниях Витебска 1868–1941 гг.

Валерий ШИШАНОВ

Заместитель директора по науке Витебского областного краеведческого музея

В марте 2015 г. в Витебском областном краеведческом музее состоялось открытие выставки «Клады земли Витебской», на которой были представлены клады из собрания музея. Сейчас в музее хранится 38 кладов, найденных в Витебске и на территории Витебской области. Среди них 3 вещевых клада, 3 денежно-вещевых и 5 кладов бумажных денег. 32 клада были сданы в музей в период с 1948 г. по 2014 г. Работа над выставкой заставила обратить более пристальное внимание на историю поступления кладов в музейные собрания Витебска более раннего периода (рисунк 1).

Рисунок 1

Первой попыткой создания в Витебске музея при государственном учреждении стало формирование музейного собрания при Витебском губернском статистическом комитете. Сам комитет прошел три этапа в своем становлении:

- 4 мая 1835 г. – создание «первого комитета» по указу Николая I от 28 января 1835 г. об организации губернских статистических комитетов;
- 15 апреля 1853 г. – вторичное открытие комитета после долгого забвения;
- 22 сентября 1863–1918 гг. – реорганизация и деятельность комитета по новому Положению о губернских и областных статистических комитетах (1860 г.).

По законодательному акту 1860 г. председателем комитета являлся губернатор, который для непосредственного исполнения работ и ведения дел назначал секретаря.

29 октября 1868 г. на общем собрании членов статистического комитета губернатор Владимир Николаевич Токарев (в должности с 05.07.1868 по 02.11.1869) высказал мысль «о пользе и необходимости собрания при статистических комитетах вещественных памятников местной старины» и тогда же «состоялось постановление о немедленном осуществлении ее» [1, с. 39].

Примечательно, что, как сообщалось в отчете о деятельности комитета за 1868 г., «первым основанием» музея послужил найденный в 1867 г. в Лепельском уезде клад «древних польских и других европейских монет, числом 225 штук».

Затем секретарь комитета Александр Максимович Сементовский (Сементовский – Курилло) (рисунк 2) пожертвовал учреждаемому музею 25 монет «разновременных собранных им в здешнем крае», среди которых было десять куваческих дирхемов, происходивших из клада, найденного в 1868 г. в имении Г.П. Матюнина Суходрово Оршанского уезда. К сожалению, информация о находке клада, который включал в себя около 60 монет, две шейных гривны и два перстня, слишком поздно дошла до Сементовского, и ему удалось приобрести только десять монет и гривны.

А.М. Сементовский (1821–1893) занимал должность секретаря Витебского губернского статистического комитета с августа 1863 г. по декабрь 1880 г. и проявил себя как активный деятель в сфере всестороннего изучения Витебской губернии, но, как можно заключить из его публикаций, познания его в нумизматике не отличались глубиной. В издании «Белорусские древности» (1890 г.) Сементовский приводит сведения о 21 кладе, донесения о которых были получены статкомитетом с 1873 г. по 1886 г., но описания находок весьма поверхностны и зачастую позволяют говорить лишь о металле монет и их количестве: «В 1877 году кре-

стьянские дети деревни Папортной, Козаковской волости, Велижского уезда, роясь в песке, нашли глиняный горшочек с 5 большими и 753 малыми серебряными монетами»; «На болотистом месте, в кочке, в свертке еловой коры, было вырыто свиньями 120 мелких серебряных монет» (1877 г., с. Запалы Пылденской волости Люцинского уезда) [2, с. 75–77].

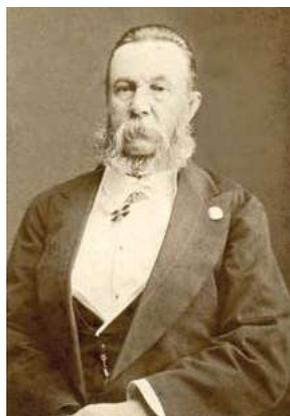

Рисунок 2

С приходом к власти Александра II в Российской империи были приняты меры, направленные на охрану и изучение памятников старины. Так, 2 февраля 1859 г. было утверждено Положение об императорской Археологической комиссии, целями которой называются «розыскание», сбор сведений и оценка найденных древностей [3, с. 70].

Конечно, без содействия на местах Археологическая комиссия со штатом 8 человек не могла продуктивно функционировать. Поэтому председатель комиссии граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882) обратился в Министерство внутренних дел, которое в результате рассмотрения данной ситуации 27 апреля 1863 г. издало циркуляр «О доставлении сведений о памятниках древностей российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся». По циркуляру губернские и уездные статистические комитеты должны были предоставлять сведения о памятниках древности, сообщать сведения о памятниках, подлежащих уничтожению в результате строительных работ, и обо всех случайных находках, доставляя их на рассмотрение Археологической комиссии [4, с. 124–125].

Это превратило статистические комитеты в промежуточное звено между людьми, которые находили клад, и Археологической комиссией. К сожалению, в то время не придавалось значениякладам как комплексам и зачастую отбирались только наиболее ценные монеты, которые передавались в музеи, а остальные переплавлялись или, в лучшем случае, возвращались в статистические комитеты или находчикам.

Однако судьба предметов витебского Музея местных древностей при губернском статкомитете за период, последовавший после председательствования А.М. Сементовского, представляется загадкой. Как следует из отчета о занятиях статкомитета за 1889 г., по сохранившимся документам с 1870 г. по 1881 г. через комитет «прошло много сотен различных старинных монет из найденных повсеместно в губернии «кладов», а также предметов древности, о которых осталось лишь «воспоминание по бумагам, изданиям и рисункам» [5, с. 11–13].

Парируя обвинения, Сементовский 3 сентября 1890 г. направил губернатору письмо, в котором сообщал, что передал всю коллекцию своему преемнику по должности секретарю Александру Михайловичу Созонову (1818–1886) и вопрос о ее судьбе «целесообразнее обратиться к лицам, в течение

последнего 10-летия заведовавшим имуществом комитета». Александр Максимович пояснил также, что «коллекция всегда хранилась в денежном сундуке комитета в запечатанной картонной коробке» и не раз осматривалась бывшим губернатором Павлом Яковлевичем Ростовцевым (1826–1882) и секретарем Созоновым, но дальнейшая судьба собрания ему неизвестна. Отметил Сементовский и то, что «в силу закона и неоднократных предписаний Министерства внутренних дел» вещи и монеты передавались в Археологическую комиссию [6, с. 11–12].

«Благодаря просвещенному отношению некоторых членов статкомитета и посторонних лиц» к стремлению возобновить музей, нумизматическая коллекция комитета уже по отчету 1890 г. насчитывала 150 монет, в том числе 19 куфических [7, с. 15], возвращенных Археологической комиссией из 24 штук, найденных в августе 1888 г. в деревне Ахремцы Дриссенского уезда [8, с. 136].

В дальнейшем сведения о количественном составе нумизматической коллекции содержатся только в отчетах комитета за 1892 г. и 1893 г.: 1892 г. – 3165 монет [9, с. 7]; 1893 г. – 3262 [6, с. 23]. Впрочем, в бумагах за 1894 г. сообщается еще об одном «незначительном пожертвовании» – серебряном рубле Петра I. В последнем отчете констатировалось, что только «благодаря любезности двух-трех членов <...> и совершенно частным приношениям «музей» до некоторой степени оправдывает свое название» [11, с. 13].

По отчетам Археологической комиссии с 1889 г. по 1913 г. из Витебской губернии поступило 52 монетных клада. Монеты как минимум девяти из них полностью или частично были возвращены в статистический комитет. Таким образом, нумизматическая коллекция статкомитета могла пополниться в общей сложности на 1291 предмет. Крупнейшим из возвращенных был клад, найденный в 1897 г. у д. Тетюлино (Витебский уезд), состоявший из 1106 «медных польских и литовских солидов, ¼ брабантского талера XVII в. и серебряного шестигрошовика Иоанна Казимира 1683 г.» [11, с. 166–167].

С созданием в мае 1909 г. Витебской архивной ученой комиссии (ВУАК) у не получившего развития музея статкомитета появилась альтернатива – ВУАК также взялась за формирование музея.

По «Каталогу монет и медалей музея Витебской архивной ученой комиссии», составленному хранителем музея Константином Антоновичем Змигродским (1876–1936) (рисунок 3) в октябре 1911 г., количество монет вместе с дублетами составляло 1694 предмета. В каталоге приводятся сведения о 4 кладах [12, с. 29]. Однако близость местонахождения и сходный состав трех кладов: «шведские и арабские монеты», найденные в д. Зельтини («близ имения Эверсмуйжа» – 102 монеты и второе поступление – 11) и в д. Эверсмуйжа (10 монет и 14 «осколков»), позволяют предположить, что это был один клад, монеты которого разошлись среди жителей и были собраны позже.

Рисунок 3

Так, в Национальном историческом архиве Беларуси в фонде ВУАК сохранилось донесение комиссии помещика, коллекционера, действительного члена ВУАК Людвига Иосифовича Фохта о том, что на поле близ д. Зельтини Эверсмуйжской волости Люцинского уезда крестьянами «найден небольшой клад, состоящий из тонких серебряных, по-видимому, арабских монет. Монеты на месте распродаются крестьянами, причем несколько наиболее сохранившихся куплено владелицею имения Эверсмуйжа баронессою Крюденер-Струве» [13, с. 36]. Фохт сообщил, что 29 июля 1910 г. ему удалось купить у крестьян несколько сохранившихся монет, которые он приложил к донесению.

С высокой степенью вероятности можно предположить, что во всех случаях речь шла о крупнейшем найденном на территории современной Латвии кладе куваческих и западноевропейских монет Лудзас-Эверсмуйжа, скрытом около 1025 г. К сожалению, из предполагаемого общего количества монет в кладе – свыше 1100 – в Музее истории города Риги и мореходства сохранилось только 53 западноевропейские монеты и 28 дирхемов [14, с. 32–33].

Возникают вопросы и по четвертому кладу, который, как указывается в каталоге, был найден в городском саду г. Городок Витебской губернии: 1 рубль Екатерины II, 1 польский орт короля Сигизмунда III для Данцига, 48 польских и шведских солидов времени Сигизмунда III – всего 50 монет.

Рубль Екатерины II выглядит инородным вкраплением в составе клада. И сомнения приобретают документальную основу после знакомства с рапортом Городокского уездного исправника от 1 мая 1910 г. о находке «древних монет» при производстве работ по устройству городского сада. Как указывается в рапорте, судебным следователем, членом совета ВУАК Николаем-Юлием Юрьевичем Кенигсфестом было собрано 49 монет: одна с портретом курфюрста Бранденбургского Георга-Вильгельма (немного больше «50-копеечной монеты»); одна с изображением Сигизмунда III (на обороте герб и цифра «23» [так в источнике. – Прим. автора]); 5 монет – «величиной в 15 коп., из них три с портретом и две без портрета»; 41 монета – «величиной в 10 коп., монеты эти древнего литовского ордена с виду кажутся медными»; и одна «с виду серебряная, величиной в 15 коп., но какой нации эта монета принадлежит, пока не установлено» [15, л. 554 и об.]. Надо полагать, на пути в музей ВУАК состав клада претерпел некоторые изменения.

Принято считать, что коллекция музея статкомитета вошла в собрание музея ВУАК [16, с. 234], однако сопоставление изданных каталогов обоих музеев не дает оснований для такого утверждения. Возможно, слияние коллекций произошло позже.

В ноябре 1924 г. Совнаркомом БССР было принято решение о создании в Витебске отделения Белорусского государственного музея. В ходе его реализации в одном музее объединились несколько собраний Витебска: губернский музей, музей местных древностей (В.П. Федоровича), музей ВУАК, церковно-археологическое древлехранилище. Безусловно, как перед слиянием, так и впоследствии, происходили утраты и депаспортизация предметов коллекций.

В новом музее значительную часть нумизматической коллекции составляли монеты – около 6000 – из собрания Антона Рафаиловича Бродовского (1859–1928), литовского коллекционера, создателя и директора Витебского губернского музея [17] (рисунки 4).

В оставленных А.Р. Бродовским каталогах не указываются источники поступления монет, за исключением двух случаев. Это «коллекция из клада близ Вильно» – 46 мелких серебряных монет (преимущественно – гроши) императоров Германской (Священной Римской) империи первых двух десятилетий XVII в., а также Риги и Ливонского ордена. И «клад близ Вильно» – 68 шестигрошовиков 1752–1757 гг. прусского короля Фридриха Великого [18, л. 115, 268]. Сейчас в собрании музея выявлено 24 монеты из этого клада. Также из публикации в «Kurjer Litewski» известно, что в собрание А. Бродовского поступил клад из 379 солидов («боратинок») 1660–1666 гг., найденный в Виленской кальварии в июне 1906 г. [19]. Однако сейчас выявить в собрании эти монеты не представляется возможным.

В сохранившейся музейной документации содержится весьма скудные сведения о кладах, поступивших в Витебский областной краеведческий музей в 1920–1930-е гг.

После объединения нескольких витебских музеев и размещения созданного Витебского отделения Белорусского государственного музея в здании бывшей ратуши (1925 г.) началось ведение новых инвентарных книг (сохранилось две близких по содержанию книги 1925–1928 гг.), которые в 1930-е гг. были вновь переписаны, зачастую без указания источников поступления предметов.

В книгах 1920-х гг. упоминается о следующих кладах.

В июне 1925 г. И.Д. Матвиевский передал в музей 2 «монеты серебряных» чеканки Ивана Грозного и Бориса Годунова, происходившие, по информации сдатчика, из весившего несколько фунтов клада, найденного в Бирюченском уезде Воронежской губернии [20, л. 4 об. – 5]. Предположительно, это мог быть клад, найденный в октябре 1892 г. в селе Верхососенск Бирючевского уезда [21, с. 96, 156–157]. По сообщению члена Археологической комиссии С.Е. Зверева, депозит весил 5 фунтов 93 золотника и содержал 8812 русских серебряных монет XVI–XVII вв. [22, с. 165].

24 ноября 1925 г. от Витебского окружного краеведческого товарищества в музей поступил клад медных монет России, найденный в Добромыслянской волости (деньги 1730–1747 гг. – 34 ед., полушки 1731 г., 1735 г., 1736 г. – 9 ед.) [23, л. 16 об. – 21]. В настоящее время клад депаспортизирован.

28 сентября 1926 г. от коммунального отдела был передан обнаруженный в Витебске клад пражских грошей – 792 монеты XIV–XV вв. [23, л. 33 об. – 34; 24, с. 297; 25, с. 315–316]. Получивший большую известность клад экспонировался, как отмечено в

Рисунок 4

книге поступлений, «сярод скарбаў», но был утерян в последующее время.

26 июня 1927 г. от техника Собежинского поступил клад медных монет России, найденный в бывшем имении Шидловщина на окраине Витебска (9 монет: 5 копеек 1780 г. и 1837 г., 3 копейки 1857 г., 2 копейки 1814 г., 1 копейка 1835 г., копейка и деньги середины XVIII в.) [23, л. 103 об. – 104]. В настоящее время клад депаспортизирован.

Послевоенная музейная документация содержит записи о 6 кладах, о которых указывается только то, что они из «довоенного собрания». Депозиты, вероятно, поступили в 1930-е гг. и сохранились в следующем составе.

Денежный клад XVII в. (КП 4681). В депозите 269 монет: солиды Шведской Прибалтики правления Густава II Адольфа Вазы (1621–1632), Кристины Августы Вазы (1632–1654); двойные денарии литовские, солиды (литовские, рижские), гроши литовские, полторагрошовики литовские и польские Речи Посполитой правления Сигизмунда III Вазы (1587–1632); солиды Пруссии (3 ед.) Георга Вильгельма (1619–1640).

Денежный клад первой половины XVII в. (КП 6114). В депозите 150 монет: солиды и драйпелькер Шведской Прибалтики правления Густава II Адольфа Вазы (1621–1632) и Кристины Августы Вазы (1632–1654); двойные денарии литовские, солиды литовские и солид рижский Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы (1587–1632); торнер Шотландии правления Карла I (1625–1649).

Денежный клад последней трети XVI в. (КП 6406). В депозите 60 монет: трехгрошовики польские, литовские, рижские Сигизмунда III Вазы (1587–1632); двойной денарий (1 экз.); грошены Шаумбурга-Пиннеберга (2 экз.); трехгрошовик Курляндии (1 экз.).

Денежный клад середины XVII в. (КП 6420). В депозите 676 монет: драйпелькеры (Рига (43 экз.),

Эльблонг (19 экз.), Эймбек (1 экз.), епископство Каммин (1 экз.), Бранденбург (60 экз.), Померания (2 экз.), Пруссия (47 экз.); полторагрошовики (515 экз.), грош (1 экз.) Речи Посполитой (рисунки 5).

Денежный клад первой половины XVII в. (КП 6421). В депозите 203 монеты: полтора солида рижского 1623 г., солиды Эльблонга (12 экз.), Риги (62 экз.) правления Густава II Адольфа Вазы; солиды Эльблонга (3 экз.), Риги (82 экз.), Ливонии (1 экз.) правления Кристины Августы Вазы; тернарий (1 экз.), полтора (1 экз.), солиды рижские (8 экз.), польские (3 экз.), литовские (18 экз.) правления Сигизмунда III Вазы, солиды Пруссии (11 экз.) правления Георга Вильгельма.

Клад КП 6419, исходя из датировки и внешнего вида монет, вероятно, состоит из двух различных поступлений (рисунки 6).

Рисунок 6

Комплекс I. Денежный клад XVI в. В депозите 108 монет: шиллинги Ливонского ордена (чеканка Риги: 26 экз. – Герман фон Брюггеней (гроссмейстер, 1535–1549 гг.); 11 экз. – Вольтер фон Плеттенберг (магистр, 1494–1535 гг.); чеканка Ревеля: 28 экз. – Герман фон Брюггеней (гроссмейстер, 1535–1549 гг.); 6 экз. – Вольтер фон Плеттенберг (магистр 1494–1535 гг.); Рижского архиепископства: 27 экз. – Вильгельм маркграф фон Бранденбург (архиепископ, 1539–1563 гг.), 6 экз. – Томас Шеннинг (архиепископ, 1528–1539 гг.); Дерптского епископства: 4 экз. – Иоганн VI Бей (епископ, 1528–1543 гг.).

Комплекс II. Денежный клад XVII в. В состав депозита входят 3376 монет: солиды Шведской Прибалтики (1369 экз.); солиды (65 экз.) Пруссии (ленника Речи Посполитой и герцогства); двуденары литовские (45 экз.); тернарии (2 экз.); солиды литовские (274 экз., 1616–1627 гг.), польские (8 экз., 1625–1626 гг.), рижские (246 экз., 1620–1621 гг.); солиды-«боратинки» литовские, польские (1302 экз.); полтораки (6 экз., 1621–1635 гг.) Речи Посполитой.

Рисунок 5

Источники:

1. Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1868 год. – Витебск. – 1869. – [2], 47, V с.
2. Сементовский, А.М. Белорусские древности / А.М. Сементовский. – СПб.: Типо-литография Н. Стефанова, 1890. – XII, 136 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – 1861. – Т. 34. – № 34109.
4. Циркуляр Министерства внутренних дел по Центральному статистическому комитету «О доставлении сведений о памятниках

- древностей российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся» от 27 апреля 1863 г. // *Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв.: Хрестоматия.* – М., 2000. – Т. 1. – С. 124–125.
5. *Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1889 год.* – Витебск. – 1890. – 21 с.
6. *Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1893 год.* – Витебск. – 1894. – 23 с.
7. *Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1890 год.* – Витебск. – 1891. – 17 с.
8. Марков, А.К. *Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)* / А.К. Марков. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. – [4], IV, 149 с.
9. *Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1892 год.* – Витебск. – 1893. – 8 с.
10. *Отчет о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1894 год.* – Витебск. – 1895. – 14 с.
11. *Отчет Археологической комиссии за 1892 г.* – СПб., 1894. – [1], 174 с.
12. *Каталог монет и медалей музея Витебской ученой архивной комиссии* / составил К.А. Змигродзкий. – Витебск: Типография насл. М. Б. Неймана, 1911. – 38 с.
13. Андрейчик, Е.В. *Материалы Витебской ученой архивной комиссии как источник по изучению краеведческого движения на территории Витебской губернии* / Е.В. Андрейчик // *Kluczowe aspekty naukowej działalności – 2014: Materiały X Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji, Przemysł, 07 – 15 stycznia 2014 r. – Przemysł: Nauka i studia, 2014. – Vol. 7. Historia.* – S. 36–40.
14. Берга, Т.М. *Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв.* / Т.М. Берга; АН ЛатвССР, Ин-т истории. – Рига: Зинатне, 1988. – 99, [2] с.
15. *Национальный исторический архив Беларуси.* – Ф. 2771. – Оп. 1. – Д. 168.
16. Breżgo, B. *Muzea Witebskie* / B. Breżgo // *Ziemia.* – 1926. – Nr. 15–16. – S. 232–240.
17. Шишанов, В.А. *Музей и нумизматическая коллекция А.Р. Бродовского* / В.А. Шишанов // *90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею: матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30–31 кастр. 2008 г.* / рэдкал.: Г.У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск: Медысонт, 2009. – С. 184–199.
18. ВОКМ, н/а, ед. хр. 1029/3 – «*Краткое описание иностранных монет, имеющихся в нумизматической коллекции музея Антона Рафаиловича Бродовского*».
19. Brodowski, A. *Monety Kazłmierowskie* / A. Brodowski // *Kuryer Litewski.* – 1906. – 11 (24) sierpnia. – Nr. 180. – S. 6.
20. ВОКМ, н/а, *Книга поступлений Витебского отделения Белорусского государственного музея.* – Ф. 17. – Д. 2.
21. *Отчет Археологической комиссии за 1897 г.* – СПб., 1900. – [1], 192 с.
22. Зверев, С.Е. *Археологические находки в Воронежской губернии в 1892–1893 гг.* / С.Е. Зверев // *Древности.* – М., 1900. – Т. 17. – С. 165.
23. ВОКМ, н/а, *Книга поступлений Витебского отделения Белорусского государственного музея.* – Ф. 17. – Д. 1.
24. Харламповіч, П. *Праскія грашы ў беларускіх монэтных скарбах* / П. Харламповіч // *Гістарычна-археалагічны зборнік.* – 1927. – Вып. 1. – С. 295–302.
25. Харламповіч, П. *Монэтныя скарбы, знойдзеныя ў Беларусі, у зборах Беларускага Дзяржаўнага Музею* / П. Харламповіч // *Гістарычна-археалагічны зборнік.* – 1927. – Вып. 1. – С. 305–343.

«Паўсталая з попелу?» (Лёс даваеннай нумізматычнай калекцыі музея БДУ)

Традыцыйна адлік існавання нумізматычнай калекцыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта прынята весці ад сакавіка 1964 г., калі ў Галоўным корпусе ўніверсітэта (пр-т Леніна, 4) адбылося ўрачыстае адкрыццё Нумізматычнага кабінета, створанага на аснове калекцыі, падараванай выбітным беларускім нумізматам В.Н. Рабцэвічам (*малюнак 1*). Але насамрэч першыя манеты ў музейным зборы БДУ з'явіліся значна раней, яшчэ ў міжваенны час.

Гісторыя музеяў БДУ пачынаецца яшчэ ў пачатку 1920-х гг., практычна адразу пасля адкрыцця ў 1921 г. Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У 1923 г. ужо дзейнічае Заалагічны музей, а ў сакавіку 1924 г. па ініцыятыве прафесара М.В. Доўнар-Запольскага і пры ўдзеле прафесара С.З. Кацэнбогена быў адкрыты музей першабытнай культуры і рэлігіі. Заплаціўшы 20 капеек (члены прафсаюза плацілі па 10 капеек), наведвальнік мог пабачыць статуі старажытных грэчаскіх і рымскіх багоў і герояў, маскі, вазы, барэльефы. Гэта былі дакладныя копіі экспанатаў Петраградскага Эрмітажа, набытыя Праўленнем БДУ (*малюнак 2*). У снежні 1926 г. музей быў перай-

менаваны ў музей гісторыі рэлігіі і атэізму. У канцы 1920-х – пачатку 1930-х гг. музейныя калекцыі актыўна папаўняліся матэрыяламі археалагічных, этнаграфічных і краязнаўчых экспедыцый. Сярод новых паступленняў маглі быць і манеты, але сведчаньняў гэтаму не захавалася.

Масавыя рэпрэсіі другой паловы 1930-х гг., на жаль, не абмінулі і ўніверсітэт, у тым ліку і гісторыкаў. Верагодна, гэта стала адной з прычын заняпаду музея. Прынамсі, ніякіх звестак аб яго дзейнасці ў гэты перыяд не захавалася.

Новы этап у развіцці музея звязаны з дзейнасцю дацэнта У.І. Шаўчэнкі, які летам 1939 г. у якасці выконваючага абавязкі загадчыка гісторыка-археалагічнага музея быў накіраваны ў музей поўдня СССР з мэтай папаўнення фондавых калекцый. У лютым 1940 г., згодна з загадам рэктара БДУ П.П. Савіцкага, адбылося ўрачыстае адкрыццё экспазіцыі гісторыка-археалагічнага музея. Гэтая падзея была асветлена нават у цэнтральнай прэсе БССР. Менавіта ў газеце «Советская Белоруссия» ўпершыню з'яўляюцца звесткі пра нумізматычны складнік музейнага збору: паведамляецца, што з Дзяржаўнага Эрмітажа разам з копіямі прадметаў антычнага мастацтва была атрымана калекцыя старажытнагрэчаскіх, старажытнарымскіх і візантыйскіх манет¹. Незадоўга да пачатку Вялікай Айчыннай вайны аналагічная інфармацыя з'яўляецца ва ўніверсітэцкай газеце «За ленинскія кадры»². На жаль, вельмі спілае паведамленне не дазваляе зразумець, калі адбылося новае папаўненне фондаў музея: напрыканцы 1930-х гг. або яшчэ ў першай палове 1920-х гг., падчас стварэння музея першабытнай культуры і рэлігіі. Так ці інакш, перад

Малюнак 1. В.Н. Рабцэвіч са студэнтамі ў Нумізматычным кабінэце

Малюнак 2. Праўленне Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1927(?) г. У цэнтры сядзіць рэктар У.І. Пічэта

¹ «Советская Белоруссия». – 1940. – 8, 16 февр.

² «За ленинскія кадры». – 1941. – 12 чэрв.

пачаткам вайны ў гісторыка-археалагічным музеі існавала нумізматычная калекцыя, якая, хутчэй за ўсё, экспанавалася.

Вогнішча вайны паглынула і музей, і сам універсітэт. Ужо ў першыя дні баявых дзеянняў моцна пацярпелі многія ўніверсітэцкія будынкi, верагодна, і той, у якім знаходзіўся музей (малюнак 3). Загінулі і калекцыі музея (магчыма, што часткова яны маглі быць і разрабаваныя). Лічылася, што знікла і нумізматычная калекцыя.

Але некаторая частка музейных прадметаў ацалела. У 1948 г. падчас капітальнага рамонту ў будынку біялагічнага факультэта (цяпер геаграфічны факультэт) былі знойдзены «экспанаты па гісторыі старажытнага свету». На жаль, мы не маем дакладных звестак пра кантэкст і змест знаходкі. На падставе вусных паведамленняў ветэранаў універсітэта (якія і самі ў свой час атрымалі інфармацыю ад старэйшых калег) можна зразумець, што гэта былі схаваныя ў розныя куткі скруткі ці пакункі з невялікімі прадметамі. Застаецца толькі меркаваць, што непасрэдна перад акупацыяй Мінска супрацоўнікі музея спрабавалі выратаваць хаця б частку калекцыі.

Вылучыць даваенныя матэрыялы ў сённяшняй калекцыі музея гістарычнага факультэта таксама вельмі складана. Аналізуючы музейны збор, можна больш-менш упэўнена адносіць да даваенных паступленняў старажытнаегіпецкія прадметы, некаторыя археалагічныя знаходкі з антычных помнікаў. Але ніякай дакументацыі, якая б паслужыла пацвярджэннем гэтаму, не захавалася. Даваенная дакументацыя ўвогуле не захавалася, а ў пасляваенных Кнігах паступленняў крыніца і дата паступлення многіх экспанатаў не былі пазначаны. Прычым гэта датычыцца не толькі асобных прадметаў, але і комплексаў, у тым ліку скарбаў.

Адным з такіх комплексаў з'яўляецца «Ананімны скарб манет пераважна антычнага Прычарнамор'я»³, які захоўваецца пад такою назваю ў Нумізматычным кабiнеце, верагодна, ад пачатку яго існавання. Прынамсі, запіс аб яго наяўнасці ёсць у Інвентарнай кнізе пачатку 1970-х гг., у якой упершыню інвентарызуецца нумізматычны (скарбавы) збор універсітэцкага музея. Здатчыкам «скарбу» пазначаны М. Здзесеў, але, па прызнанні самога В.Н. Рабцэвіча, ён не памятаў, адкуль у музеі ўзяліся гэтыя манеты. Хутчэй за ўсё, запіс аб перадачы выдуманы. Зноў жа, згодна з паведамленнямі ветэранаў універсітэта, сярод знойдзеных у 1948 г. экспанатаў быў і скрутак з манетамі. Цалкам верагодна, што згаданы «Ананімны скарб» з'яўляецца часткай нумізматычнай калекцыі даваеннага гісторыка-археалагічнага музея. На карысць гэтай думкі сведчыць і тое, што комплекс насамрэч з'яўляецца не скарбам (пра што гаворка будзе ніжэй), а калекцыяй манет, якія абарачаліся ў Прычарнамор'і ў розныя эпохі: ад эліністычнага перыяду да сярэднявечча.

На жаль, адназначна адносіць гэтыя манеты да калекцыі, што была перададзена з Дзяржаўнага Эрмітажа, мы пакуль не можам. У архіўнай дакументацыі Эрмітажа не захавалася сведчанняў аб

Малюнак 3. Мінск у пачатку акупацыі. Галоўны корпус БДУ пасля пажару

перадачы манет у музеі саюзных рэспублік (зафіксаваныя толькі перадачы ў музеі РСФСР, а таксама ў Варшаву), хаця І.Г. Спасскі ўзгадваў пра перадачу манет ва ўкраінскія музеі⁴. Адпаведна, няма магчымасці параўнаць склад даваеннай калекцыі і так званага «ананімнага скарбу».

«Ананімны скарб» налічвае 138 адзінак. Практычна ўсе манеты з'яўляюцца меднымі або бронзавымі (за выключэннем аднаго статэра Баспурскага царства, які візуальна вызначаецца як білонны з вельмі нізкім утрыманнем срэбра). Большасць манет мае кепскую захаванасць, што значна ўскладняе іх атрыбуцыю. На жаль, запісы ў Інвентарнай кнізе пачатку 1970-х гг. былі вельмі сціплымі: пазначаны толькі матэрыял, а таксама фрагментарнасць некаторых экзэмпляраў і наяўнасць кантрамарак на шэрагу манет; атрыбуцыя, нават кароткая, адсутнічае. Усё гэта абумовіла тое, што 33 манеты засталіся неатрыбутаванымі, хаця 15 з іх пра шэрагу прыкмет былі аднесены да старажытнагрэчаскай чаканкі.

Атрыбуцыя астатніх 105 экзэмпляраў пацвярджае, што калекцыя сапраўды складаецца з «манет пераважна антычнага Прычарнамор'я». Можна нават удакладніць, што большасць манет адчаканена ў Паўночным Прычарнамор'і: 9 альвійскіх, 1 херсанэская, 67 баспурскіх манет, а таксама, прынамсі, 5 манет вытворчасці візантыйскага Херсона. У невялікай колькасці прысутнічаюць грэчаскія манеты Малой Азіі, эмісіі Рымскай Імперыі і яе ўсходніх правінцый.

Эмісіі Ольвіі прадстаўлены 9 экзэмплярамі і ахопліваюць вельмі працяглы перыяд: ад другой паловы IV ст. да н. э. і аж да першай паловы II ст. н. э. (табліца 1).

Амаль палову калекцыі – 67 экзэмпляраў – складаюць эмісіі Баспурскага царства. Сярод іх, згодна з храналогіяй, а таксама, у пэўнай ступені, са спецыфікай наміналаў, можна вылучыць тры групы. Першая, самая нешматлікая (10 манет), група ахоплівае час ад пачатку III ст. да н. э. да сярэдзіны II ст. да н. э., што прыпадае на эпоху панавання дынастыі Спартокідаў, і прадстаўлена пера-

³ Запіс у Інвентарнай кнізе экспанатаў № 3 гістарычнага музея БДУ імя У.І. Леніна, № 2093–2225.

⁴ Шчыра дзякую за дапамогу і прадстаўленую інфармацыю старшаму навуковаму супрацоўніку аддзела нумізматыкі Дзяржаўнага Эрмітажа В.В. Гурулёвай.

Табліца 1

Манеты Ольвіі

Намінал	Дата чаканкі	Парадкавы нумар у калекцыі
Дзіхалк?	350–300 гг. да н. э.	20
«Барысфен»	275–250 гг. да н. э.	17
«Барысфен»	275–250 гг. да н. э.	111
Халк?	200–150 гг. да н. э.	126
Тэтрахалк?	170–130 гг. да н. э.	78
Дупондзій з надчаканкамі А, Δ і керыкей (малюнак 4)	час Флавіяў, 1-я пал. II ст. н. э.	50
Дупондзій з надчаканкамі А і Δ	час Флавіяў, 1-я пал. II ст.	51
Дупондзій з надчаканкамі Δ і керыкей	час Флавіяў, 1-я пал. II ст.	80
Намінал?	?	36

важна аболамі (табліца 2). Усе манеты адчаканены ў сталіцы царства – Панцікапеі. Частка аболаў мае надчаканкі «гарыт» і «зорка», існаванне якіх звязваецца з часам праўлення Перысада II (284–245 гг. да н. э.) і пачаткам грашовага крызісу Баспорскай дзяржавы⁵.

Наступная, большая за папярэднюю па колькасці (22 экзэмпляры), група складаецца з эмісій пачатку I ст. н. э. – 230-я гг. н. э., што адпавядае раньняму і сярэдняму этапам панавання дынастыі Аспургідаў (табліца 3). Сярод наміналаў перава-

жаюць сестэрцы. Большасць з іх мае на рэверсе вельмі распаўсюджаны сюжэт – вянок, унутры якога знаходзіцца літары «МН» (абазначэнне наміналу). Рымскія наміналы – дупондзіі і сестэрцы – былі ўведзены ў баспорскае абарачэнне, згодна з загадам імператара Нерона, каля 63 г. басілеўсам Коцісам I, адданым і паслухмяным саюзнікам Рымскай Імперыі⁶. Варта адзначыць, што па сваіх метрычных даных баспорскія дупондзіі і сестэрцы, таксама як і дэнарыі (што з’явіліся значна пазней, у 180-я гг. н. э.), вельмі моцна саступалі сваім

Табліца 2

Манеты Баспорскага царства. Дынастыя Спартокідаў

Басілеўс і гады яго праўлення (гг. да н. э.)	Намінал	Дата чаканкі (гг. да н. э.)	Нумар паводле Анохіна*	Парадкавы нумар у калекцыі
Спарток III (303–283)	абол	294–283	Ан. 124	40
Перысад II (284–245)	абол? надчаканка «зорка»	284–245	Ан. ?	130
Перысад II (284–245)	абол	275–245	Ан. 133	62
Перысад II (284–245)	абол?	275–245?	Ан. 133?	63
Перысад II (284–245)	абол надчаканкі «гарыт» і «зорка»	275–245	Ан. 133	71
Перысад II (284–245)	абол надчаканка «зорка»	275–245	Ан. 133	69
Перысад II (284–245)	абол надчаканка «гарыт»	275–245	Ан. 133?	89
Спарток IV (245–225)	абол	245–230	Ан. 138	19
Ляўкон II (225–215)	тэтрахалк	225–215	Ан. 135	123
Перысад IV (155–125)	абол	150–140	Ан. 169	32

* У гэтай табліцы, а таксама ў табліцах 3 і 4 вызначэнне баспорскіх манет даецца паводле: Анохін, В.А. Монетное дело Боспора / В.А. Анохін. – Киев, Наукова думка, 1986.

⁵ Анохін, В.А. Монетное дело Боспора / В.А. Анохін. – Киев, Наукова думка, 1986. – С. 55, 56.

⁶ Там жа. – С. 99.

Малюнак 4. Ольвія.
Дупондзій з надчаканкамі

рымскім «дэзкам». На працягу існавання ў баспорскай грашовай сістэме «рымскіх» наміналаў няўхільна змяшалася іх вага і, адпаведна, іх рэальная вартасць. Пазнейшыя ў другой групе манеты – дэнарыі і дваінны дэнарыі, што фактычна змянілі папярэднія медныя наміналы, адлюстроўваюць

пачатак фатальнага крызісу, які неўзабаве ахапіў грашовую сістэму Баспорскага царства.

Найбольш яскрава крызісныя з’явы праявіліся ў вытворчасці такога традыцыйнага для грэкаў наміналу, як статэр, які паступова дэградаваў з залатой (электравай) манеты ў білонную, а пазней пераўтварыўся ў мядзак. Менавіта дэградаваныя статэры складаюць трэцюю, найбольш буйную, групу манет Баспорскага царства. Усяго іх 35 экзэмпляраў, і

толькі адна манета – статэр Тэйрана 575 г. баспорскай эры (278/9 гг. н. э.) – візуальна мае сляды прысутнасці ў сплаве нязначнай колькасці срэбра⁷ (мае шараватае адценне). Усе астатнія статэры візуальна вызначаюцца як медныя (або бронзавыя).

Познія баспорскія манеты характарызуюцца дэградацыяй не толькі матэрыялу, але і свайго выканання. Надта спрошчаныя, нават прымітыўныя выявы (пры вельмі дрэннай захаванасці легенд) часта не дазваляюць правесці дакладную атрыбуцыю гэтых манет. Разам з тым, нават у часы крызісу захоўваецца традыцыя пазначэння на статэрах года чаканкі (звычайна пад бюстам імператара), што палягчае атрыбутаванне. Менавіта прысутнасць даты дазволіла аднесці частку манет да чаканкі Рэскупарыда V (табліца 4). У сваю чаргу, статэры Фафорса вызначаюцца па наяўнасці тамгі на рэверсе.

Іншыя грэчаскія цэнтры чаканкі манет прадстаўлены пераважна адзінкавымі экзэмплярамі (усяго 5 штук). Гэта, напрыклад, манета нявызначанага

Табліца 3

Манеты Баспорскага царства. I ст. – 230-я гг. н. э.

Басілеўс і гады яго праўлення (гг. н. э.)	Намінал	Дата чаканкі (гг. н. э.)	Нумар паводле Анохіна	Парадкавы нумар у калекцыі
Аспург, 2-е праўленне (14/5–37/8)	асарый	14–37	Ан. 319	44
Мітрыдат (39/40–41/42)	асарый	39/40–41/42	Ан. 330	12
Коціс I (45/6–62/3)	асарый	54/55–55/56	Ан. 350	3
Рэскупарыд I (68/9–91/2)	дупондзій	68–79	Ан. 371	5
Рэскупарыд I (68/9–91/2)	дупондзій	68–79	Ан. 371	6
Саўрамат I (93/4–123/4)	сестэрцый	93–96	Ан. 415	8
Саўрамат I (93/4–123/4)	сестэрцый	93–96	Ан. 414(ав.) /420(рв.)	60
Саўрамат I (93/4–123/4)	сестэрцый	93/4–123/4	Ан.?	11
Эмітэнт?	сестэрцый	паміж 98 і 153	Ан.?	61
Саўрамат II (174/5–210/1)	сестэрцый	174/5–180	Ан. 597	33
Эмітэнт?	сестэрцый	паміж 86–192	Ан.?	48
Эмітэнт?	сестэрцый	кан. I – пач. III ст.	Ан.?	46
Эмітэнт?	сестэрцый	кан. I – пач. III ст.	Ан.?	49
Эмітэнт?	сестэрцый	кан. I – пач. III ст.	Ан.?	53
Эмітэнт?	сестэрцый	кан. I – пач. III ст.	Ан.?	55
Эмітэнт?	сестэрцый	кан. I – пач. III ст.	Ан.?	56
Эмітэнт?	сестэрцый	кан. I – пач. III ст.	Ан.?	59
Эмітэнт?	?	кан. I – пач. III ст.	Ан.?	82
Рэскупарыд II (211/2–228/9)	дэнарыі	211–229	Ан. 648–650	4
Ініфімэй (234/5–238/9)	дваінны дэнарыі	234–238	Ан. 679	68
Ініфімэй (234/5–238/9)	дэнарыі	234–238	Ан. 686?	98
Ініфімэй (234/5–238/9)?	дэнарыі?	234–238?	Ан.?	73

⁷ Вызначэнне хімічнага складу манет не праводзілася.

Табліца 4

Манеты Баспорскага царства. Статэры апошняй чвэрці III ст. — 330-х гг. н. э.

Басілеўс і гады яго праўлення (гг. н. э.)	Дата чаканкі: у гадах баспорскай эры (у дужках н. э.)	Нумар паводле Анохіна	Парадкавы нумар у калекцыі
Тэйран (275/6–278/9)	575 г. б. э. (278/9)	Ан. 729	34
Фафорс (285/6–309/10)	588 г. б. э. (291/2)	Ан. 737	14
Фафорс (285/6–309/10)	590 г. б. э. (293/4)	Ан. 738	86
Фафорс (285/6–309/10)	594 г. б. э. (297/8)	Ан. 742	76
Фафорс (285/6–309/10)	590-я гг. б. э. (294–303)	Ан.?	74
Фафорс (285/6–309/10)	590-я гг. б. э. (294–303)	Ан.?	97
Фафорс (285/6–309/10)	590-я гг. б.э. (294–303)	Ан.?	103
Фафорс (285/6–309/10)	дата не чытаецца (285/6–309/10)	Ан.?	96
Фафорс (285/6–309/10)	дата не чытаецца (285/6–309/10)	Ан.?	100
Рэскупарыд V (318/9–341/2)	624(?) г. б. э. (327/8)	Ан. 773?	2
Рэскупарыд V (318/9–341/2)	638 г. б. э. (341/2)	Ан. –	102
Рэскупарыд V (318/9–341/2)	дата не чытаецца (322–334)	Ан.?	1
Рэскупарыд V (318/9–341/2)	дата не чытаецца (322–334)	Ан.?	83
Рэскупарыд V (318/9–341/2)	дата не чытаецца (322–334)	Ан.?	87
Рэскупарыд V (318/9–341/2)	620-я гг. б. э. (323–333)	Ан.?	58
Рэскупарыд V (318/9–341/2)	дата не чытаецца (318–342)	Ан.?	70
Рэскупарыд V (318/9–341/2)	дата не чытаецца (318–342)	Ан.?	95
Рэскупарыд V (318/9–341/2)	дата не чытаецца (318–342)	Ан.?	101
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	18
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан. ?	39
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан. ?	79
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	81
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	88
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	90
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	93
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	104
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	105
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	106
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	107
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	109
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	112
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.	Ан.?	113
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.?	Ан.?	92
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.?	Ан.?	115
Эмітэнт?	апошняя чвэрць III ст. – 330-я гг. н. э.?	Ан.?	94

наміналу, адчаканеная ў Херсанэсе ў 1-й палове I ст. н. э.⁸, а таксама эмісіі Малой Азіі: манета мізійскага горада Лампсак 400–200 гг. да н. э. і тры розныя манеты Панційскага царства, адчаканеныя ў горадзе Аміс у перыяд са 120 г. да 50 г. да н. э.

Асобную групу грэчаскіх манет утвараюць так званыя квазіаўтаномныя эмісіі ўсходніх правінцый Рымскай Імперыі – манеты, што чаканіліся ў грэчаскіх гарадах пад кантролем рымскай адміністрацыі ў I–III стст. н. э. Да гэтай групы аднесены 7 экзэмпляраў. На жаль, дакладная іх атрыбуцыя амаль немагчымая з-за вельмі дрэннай захаванасці. Толькі для адной манеты ўдалося вызначыць месца чаканкі – горад Самас у Іоніі (правінцыя Азія). Чаканка адбылася, верагодна, у пачатку I ст. н. э. падчас праўлення Актавіяна Аўгуста. Наконт іншых правінцыйна-рымскіх манет можна пакуль толькі меркаваць, што яны належаць да фракійскіх або малаазійскіх эмісій II–III стст. н. э.

На жаль, значная колькасць старажытнагрэчаскіх манет засталася неатрыбутаванай. Галоўнай прычынай гэтага сталася іх дрэнная захаванасць – уздзеянне карозіі і зацёртасць. Толькі асобныя кавалкі легенд або нават адзінкавыя літары, фрагменты выяў і некаторыя іншыя прыкметы дазволілі аднесці да грэчаскай чаканкі яшчэ 15 манет. Частка з іх яшчэ чакае сваёй атрыбуцыі, якая магчыма пры ўдзеле высокакваліфікаваных спецыялістаў у галіне антычнай нумізматыкі.

Эмісіі Рымскай Імперыі ў складзе калекцыі прадстаўлены невялікай, але вельмі характэрнай групай. Па-першае, усе 9 экзэмпляраў належаць да эмісій позняй Рымскай Імперыі (табліца 5). Самыя раннія з іх – наміналы з легендай FEL TEMP REPARATIO (*Вяртанне ішчаслівых часоў*) адчаканены ў перыяд паміж 340-мі і 370-мі гг. Часцей за ўсё падобныя манеты належаць да эмісій сыноў Канстанціна – Канстанта (337–350) і Канстанцыя II (337–361), але дакладнае вызначэнне эмітэнтаў манет з калекцыі немагчымае з-за нечытабельнасці легенды аверса. Падобная сітуацыя назіраецца і з некалькімі іншымі экзэмплярамі. У прыватнасці, з манетамі нявызначанага наміналу з легендай VIRTUS EXERCITI (*Мужнасць войска*), якія выпускаліся шэрагам імператараў у апошній трэці IV ст. – пачатку V ст. Больш дакладна атрыбутуюцца манеты Аркадзія (383–408) і Зянона (476–491), эмісіі якіх частка даследчыкаў адносіць не да познерымскай, а ўжо да ранневізантыйскай чаканкі. Так ці інакш, іх манеты чаканіліся ва Усходнерымскай Імперыі. Месцы выпуску з’яўляюцца другой характэрнай асаблівасцю рымскіх манет з калекцыі. Хутчэй за ўсё, усе яны адчаканены на манетных дварах усходняй часткі Імперыі.

Пазнейшымі ў калекцыі з’яўляюцца 8 манет Візантыйскай Імперыі (табліца 6). Варта адзначыць, што ўсе больш-менш дакладна атрыбутаваныя экзэмпляры належаць да прадукцыі манетнага

Табліца 5

Манеты Рымскай Імперыі

Імператар і гады яго праўлення (гг. н. э.)	Намінал	Дата і месца чаканкі	Парадкавы нумар у калекцыі
Эмітэнт?	дробны намінал з легендай FEL TEMP REPARATIO?	сярэдзіна IV ст. манетны двор?	35
Эмітэнт?	дробны намінал з легендай FEL TEMP REPARATIO?	сярэдзіна IV ст. манетны двор?	31
Эмітэнт?	дробны намінал з выявай лагернай брамы і з легендай PROVIDENTIAE AVGG або VIRTUS AVGG	IV ст. н. э. манетны двор?	131
Аркадзій (383–408)	нявызначаны намінал з легендай GLORIA ROMANORVM	383–388 гг. манетны двор?	13
Аркадзій (383–408)	нявызначаны намінал з легендай GLORIA ROMANORVM	383–388 гг.? манетны двор Нікамедзія?	124
Эмітэнт?	нявызначаны намінал з легендай VIRTUS EXERCITI	апошняя трэць IV ст. – пач. V ст. манетны двор Нікамедзія?	22
Эмітэнт?	нявызначаны намінал з легендай VIRTUS EXERCITI	апошняя трэць IV ст. – пач. V ст. манетны двор Нікамедзія?	66
Эмітэнт?	нявызначаны намінал з легендай VIRTUS EXERCITI	апошняя трэць IV ст. – пач. V ст. манетны двор?	128
Зянон (476–491)	нявызначаны намінал, AE3, RIC 948?*	476–491 гг. манетны двор Канстанцінопаль	16

* RIC – Roman Imperial Coinage. Volume 10: The Divided Empire, 395–491, by J. P. C. Kent, London, 1994.

⁸ Зограф, А.Н. Античные монеты / А.Н. Зограф // Материалы и исследования по археологии СССР. – Вып. 16. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. – 1951. – Табл. XXXVII, 7.

Табліца 6

Манеты Візантыйскай Імперыі

Імператар і гады яго праўлення (гг. н. э.)	Намінал	Дата і месца чаканкі	Парадкавы нумар у калекцыі
Васіль I (867–886)	дробны намінал з выявай Крыжа на Галгофе	867–886 гг. Херсон	116
Васіль I (867–886)	дробны намінал з выявай Крыжа на Галгофе	867–886 гг. Херсон	132
Канстанцін VII (913–959)	нявызначаны намінал	913–959 гг. Херсон	26
Македонская дынастыя	дробны намінал	паміж 913 г. і 1025 г. Херсон	37
Македонская дынастыя	дробны намінал з выявай Крыжа на Галгофе	канец IX – сяр. XI ст. Херсон	133
Эмітэнт?	дробны намінал, манаграмы?	?	23
Эмітэнт?	дробны намінал	?	27
Эмітэнт?	Нуммія? (дробны намінал з літарай «А»)	V–VI стст.?	136

двара на паўночным ускрайку Імперыі – Херсона (Херсанэса).

На жаль, даволі значная частка манет мае вельмі дрэнную захаванасць. На некаторых з іх выявы і легенды практычна цалкам знішчаны карозіяй. Пераважна з-за гэтай прычыны па-за атрыбуцыяй пакінуты 18 экзэмпляраў з калекцыі. Большасць з іх, адназначна, належыць да антычнай чаканкі, але прыналежнасць некаторых манет да гэтай катэгорыі выклікае сумненне. Так, 2 манеты маюць рэшткі выяў, падобных на ўсходнюю «вязь» (пісьмо), таму іх варта было б аднесці да арыентальных манет. Але канчатковы адказ па іх атрыбуцыі мусіць быць за спецыялістамі ў галіне ўсходняй нумізматыкі.

Такім чынам, падсумоўваючы прыведзеныя вышэй звесткі па атрыбуцыі манет, варта адзначыць наступнае:

– калекцыя не з’яўляецца «ананімным скарбам», як гэта было пазначана В.Н. Рабцэвічам у музейных Кнігах паступлення. Гэтаму супярэчыць надта шырокі храналагічны разрыў паміж старэйшай і малодшай манетамі – больш за 1200 гадоў – ад 300 г. да н. э. і мінімум да 913 г. н. э.;

– у той жа час варта адзначыць, што манеты калекцыі маюць пэўнае тэрытарыяльнае адзінства. Усе яны характэрныя для грашовага абарачэння Паўночнага Прычарнамор’я. У першую чаргу гэта датычыць-

ца эмісій Ольвіі, Баспора і візантыйскага Херсона. Але і іншыя манеты, такія як грэчаскія малаазійскія або эмісіі ўсходнерымскіх манетных двароў, былі звыклай з’явай для рынкаў паўночна-ўсходняй перыферыі антычнай цывілізацыі;

– калекцыя з’яўляецца зборам, які фарміраваўся, верагодна, на тэрыторыі Расійскай Імперыі або СССР, у складзе якіх знаходзілася Паўночнае Прычарнамор’е;

– з пэўнай доляй асцярожнасці можна меркаваць, што «скарб» мае менавіта эрмітажнае паходжанне, улічваючы вядомую практыку перадачы з гэтага найбуйнейшага нумізматычнага збору ў іншыя музеі дублетных і трыплетных экзэмпляраў, а таксама манет дрэннай захаванасці.

Напрыканцы хочацца выказаць спадзяванне, што навуковая апрацоўка гэтай невялікай манетнай калекцыі, якая фактычна можа лічыцца «першай цаглінкай» у будаўніцтве нумізматычнага збору музея гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, мае перспектывы на працяг, а гэты артыкул будзе толькі папярэднім яе даследаваннем.

Віталь СІДАРОВІЧ,
загадчык вучэбнай лабараторыі музейнай справы
гістарычнага факультэта БДУ

Военная тематика в лотерейной деятельности России

Виктор СУВОРОВ

Член Белорусского республиканского объединения коллекционеров

История социальной политики дореволюционной России неразрывно связана с благотворительностью. Одной из важнейших составляющих этого благородного движения являлась деятельность благотворительных ведомств и комитетов под покровительством Дома Романовых. Однако на помощь нищим, открытие приютов, создание общества благородных девиц, поддержку инвалидов и семей, пострадавших от военных действий, уходило много государственных средств. И для того, чтобы не обременять казну, Екатерина II решила создавать всевозможные благотворительные дома, содержать которые можно «на едином самоизвольном подаянии от публики». Понятно, что многочисленные носители царской фамилии и приближенные к ней не могли своим трудом внести достойный вклад в пополнение казны, поэтому Екатерина Великая определилась с источником дохода так: деньги надо взять у народа. Таким образом, основными способами привлечения денежных средств в годы

правления императрицы и последующие периоды стали личные пожертвования граждан и, конечно, проведение благотворительных лотерей.

Стоит отметить, что военные события вызывали особый всплеск благотворительной деятельности, что вполне объяснимо. В период Первой мировой войны деньги необходимы были не только на военные нужды (винтовки, сапоги и прочее), но и на оказание конкретной помощи пострадавшим – раненым, сиротам, больным и обездоленным. В конце 1914 г. на основании Высочайшего разрешения императора в Российской империи стартуют продажи государственной лотереи Министерства финансов, доходы от которой направлялись в «пользу раненых и больных воинов, семей лиц, призванных на войну, и лиц, пострадавших от военных бедствий». Общие сборы от проведения двух выпусков данной лотереи составили более 10 млн. рублей (рисунк 1). Однако ввиду высокой стоимости они не имели популярности среди широких слоев населения.

Февральская революция 1917 г. привела к свержению российского самодержавия и созданию Временного правительства, сосредоточившего в своих руках всю законодательную и исполнительную власть в России. В этот переломный период истории централизованная лотерейная деятельность временно приостанавливается, лотереи проводятся только в отдельных регионах страны.

Первый раз новая власть вспоминает о лотереях в том же 1917 г. Временным правительством принимается решение о проведении «Большой денежной лотереи» (лотереи Скобелевского комитета, просуществовавшего до апреля 1918 г.) на сумму 5 млн. рублей «для оказания помощи потерьявшим на войне способность к труду воинам» (рисунк 2). В июле 1917 г. создается Всероссийский союз увечных воинов, который объединяет все существующие ранее

Рисунок 1

Рисунок 2

организации помощи воинам-инвалидам и их семьям. Союз получает в свое распоряжение 100 млн. рублей, а также вышеупомянутую крупную лотерею Скобелевского комитета. Более того, 23 января 1918 г. новое правительство в лице Совета народных комиссаров разрешает ЦК Всероссийского союза вечных воинов проведение еще одной лотереи – 1-й Всероссийской лотереи вечных воинов на сумму 14,5 млн. рублей, организатором которой становится Наркомфин (рисунок 3). Уже 26 февраля лотерейные билеты поступают в продажу и через месяц, 28 марта, в торжественной обстановке проводится первый тираж. В это же время проходит и «Большая денежная лотерея».

Рисунок 3

Проведение данных лотерей оставило особый, «грязный» след в истории лотерейной деятельности, которая с точки зрения экономики является серьезным финансовым инструментом, а с точки зрения недобросовестных граждан – прекрасным средством наживы. Если вспомнить, что это было время почти полной бесконтрольности, всевозможных хищений и жульничества, то удерживались от соблазна немногие. Поэтому несложно было предвидеть последствия: столь большой аферы лотерейный рынок страны еще не знал никогда.

Уже 14 мая 1918 г. на заседании Совета народных комиссаров за подписью А. Винокурова было принято решение ликвидировать вышеуказанные лотереи. С этой целью проводится ревизия Всероссийского союза вечных воинов с преданием виновных революционному суду. Наложено арест на все средства ЦК Союза [1, с. 21–22].

Возникает всего один вопрос: что делать с лотерейными билетами, предъявленными к погашению?

Средств на выплату денег владельцам лотерей у организаторов нет, у государства – тоже. В результате выносится самое «справедливое» революционное решение – Наркомфину и Госконтролю дается поручение внести в СНК постановление об аннулировании 1-й Всероссийской лотереи вечных воинов и «Большой денежной лотереи» Скобелевского комитета.

В апреле 1917 г. был образован Союз георгиевских кавалеров, преобразованный из одноименного Всероссийского объединения, и уже через год, в апреле 1918 г., его руководство направляет в Совет народных комиссаров ходатайство об организации лотереи. Прошение было написано в лучших традициях советской патетики, с расстановкой нужных акцентов и высокопарных слов (глубокий патриотизм, тяжелое положение в стране, забота о вдовах, сиротах, инвалидах войны, готовность защитить Советскую республику от хищных замыслов европейского империализма и так далее). Несмотря на звучный текст обращения, комиссия при СНК отклоняет это ходатайство, как и уже вышеупомянутую лотерею Всероссийского союза вечных воинов. Это и неудивительно: инициатор обращения – Союз георгиевских кавалеров – находился в то время на особом отдельном счету в Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (далее – ЧК). Петроградская ЧК на письме Союза георгиевских кавалеров ставит резолюцию: «Срочно запросить у товарища Урицкого информацию о характере созданной организации, и можно ли ей предоставить право продажи лотерейных билетов для сбора денег, которые пойдут на формирование добровольческих отрядов». Ответ Председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого категоричен и лаконичен: «Нельзя!» Да и некому уже было давать разрешение на проведение лотереи, даже при желании. Головной офис указанного Союза на тот момент уже был разгромлен, а руководство по инициативе Я.М. Свердлова (организатора знаменитого красного террора, запомнившегося 900 расстрелами в Питере, 512 – в Кронштадте и другими расправами) арестовано.

Тем не менее, мощная ветеранская организация – Союз георгиевских кавалеров – продолжает существовать и, несмотря на отказ на проведение лотереи, не теряет желания искать ресурсы для своей деятельности. Через год Союз все-таки получает добро на организацию лотереи, правда, уже под другим названием и вдали от Петрограда (рисунок 4). Организатором лотереи стало отделение Союза в Екатеринбурге, а разрешение выдал уже другой орган – Министерство финансов.

Следует помнить, что после революции советская власть господствовала не везде. Например, на юге России были созданы свои временные правительства, которые делали все возможное для привлечения денежных средств граждан, в том числе посредством проведения лотерей. Примером может быть благотворительная лотерея Всевеликого войска Донского непризнанного государства Казакия, атаманом которого был Петр Николаевич Краснов (рисунок 5). В 1919 г. проводилась также лотерея, выпущенная областным Терско-Дагестанским комитетом содействия вооруженным силам Юга России, лидером которого являлся Антон Иванович Деникин – предводитель белогвардейского движения.

Рисунок 4

Рисунок 6

денежная лотерея Петроградского губернского комитета помощи больным и раненым красноармейцам, военморам и инвалидам войны, в 1922 г. – розыгрыш выигрышных билетов Окружного военного Комитета помощи голодающим Приуральского военного округа в пользу детей семейств красноармейцев и инвалидов гражданской войны (рисунок 7), в 1923 г. в Ростове-на-Дону – «Жертвам гражданской войны», в Крыму – числовая лотерея в помощь заключенным и освобожденным из мест заключения, а также инвалидам, больным, раненым, демобилизованным красноармейцам.

Рисунок 5

Надо признать, что не все проведенные в этот период лотереи имели должный успех. Продажи билетов, несмотря на громко заявленные цели, шли очень слабо: свободных денег у населения было немного, а если они и находились, то тратить их на лотерейные игры с временными правительствами, срок господства которых порой заканчивался задолго до проведения тиражей, было делом очень рискованным.

Организаторы войсковой лотереи Оренбургского казачьего войска (рисунок 6) так писали о целях сбора средств: «На восстановление разрушенных большевиками станиц нужны огромные средства. Лучший подарок к Св. Пасхе с нашей стороны казачеству, самоотверженно проливающему за спасение Родины свою кровь, – это подписаться на лотерею. Покупайте войсковую лотерею» [2].

Но большинство граждан играть в сомнительные игры не хотели, системы принудительного распространения лотерей не было, поэтому основная часть билетов оставалась нереализованной и в дальнейшем просто уничтожалась. Тем не менее, на конкретных территориях (в губерниях, районах, городах) художественно денежные лотереи проводились: в 1922 г. –

Рисунок 7

В 1924 г. начинают проводиться первые лотереи Общества друзей воздушного флота (ОДВФ). Первопроходцем становится лотерея Малинского окружного отдела Общества авиации и воздухоплавания Украины и Крыма (рисунок 8), девиз которой был таким: «Трудовой народ, строй воздушный флот!» Главным призом розыгрыша стало находящееся в единственном экземпляре мужское осеннее пальто из заграничного сукна, остальные выигрыши были скромнее: золотые часы, пара хромовых сапог, кожаный портфель, 1 дюжина венских стульев «из дворца», 20 фунтов сахара и другие ценные вещи (всего 200 выигрышей). Лотереи ОДВФ в этот период прошли и в Белоруссии (рисунок 9).

В конце 1920 г., еще во время гражданской войны, в РСФСР была создана добровольная оборонная организация – Военно-научное общество (ВНО), которое в июле 1926 г. было переименовано в Общество содействия обороне (ОСО). Летом 1925 г. путем

Рисунок 8

Рисунок 9

слияния Общества друзей воздушного флота и Общества друзей химической обороны и химической промышленности (Доброхим) была создана массовая общественная организация «Авиахим».

23 января 1927 г. путем слияния «Авиахима» и ОСО было создано общество «Осоавиахим», и уже 10 февраля 1927 г. состоялась 1-я конференция Московской городской организации этого общества. Создав оборонное общество «Осоавиахим», советское государство старалось создать все необходимые условия для его полноценной жизни и деятельности: обеспечивало производственными, хозяйственными и служебными помещениями, жильем, научными лабораториями и учебными классами, наглядными пособиями и тренажерами, военной техникой, оружием, боеприпасами для учебно-тренировочных и спортивных занятий и т. д.

Отвечая на заботу и доверие, руководство «Осоавиахима», в свою очередь, старалось наилучшим образом выполнить возложенные на него задачи: готовить качественный контингент из числа призывной молодежи для пополнения армии, зарабатывать средства на развитие оборонной промышленности и производство военной техники, решение уставных и внутриведомственных задач. К традиционным источникам доходов хозрасчетной деятельности организации – членским взносам, выручке от торговли в специализированных магазинах, продаже тематической литературы, значков и других видов прибыли добавился новый, интересный и перспективный источник – доходы от проведения лотерей. Их розыгрыши проводились с размахом, азартом и возводились в ранг государственной политики, подкреплялись не только идеологической поддержкой власти, но и государственными гарантиями по выполнению всех заявленных условий игры.

Особый интерес представляет первая Всесоюзная авиационная лотерея, розыгрыш которой состоялся в Москве 1 июля 1927 г.

В качестве напутствия стартовавшей акции заместитель наркома по военным и морским делам, командарм 1 ранга, председатель лотерейного комитета С.С. Каменев сказал: «Мы уверены, что каждый рабочий, каждый крестьянин исполнит свой общественный долг и поможет «Осоавиахиму» успешно провести авиационную лотерею. Только путем активного участия всех трудящихся успех первой Всесоюзной авиационной лотереи будет обеспечен» [3].

Для проведения лотереи было выпущено 2 млн. билетов на сумму 111 401 рубль. Их продажа производилась ячейками «Осоавиахима» на предприятиях, в учреждениях, в красноармейских частях, а также в конторах, отделениях и агентствах Госбанка, в финотделах и сберкассах. Выигрышами являлись 8002 путешествия вокруг света, по Европе и СССР, полеты на самолетах над разными городами. Главными призами стали: три кругосветных путешествия по маршруту Москва – Берлин – Париж – Гавр – Нью-Йорк – Чикаго – Сан-Франциско – Токио – Владивосток – Москва (стоимость – 4383 рубля), пятнадцать путешествий по Европе (стоимость от 1060 до 2015 рублей) и сорок пять – по СССР (стоимость от 145 до 445 рублей). Остальные 7939 выигрышей – это разовые полеты стоимостью 8 рублей над Москвой, Ленинградом, Новосибирском и другими городами. И такое удовольствие можно было получить всего за 50 копеек – цену билета!

Обращают на себя внимание условия лотереи: «Выигравшие путешествие получают от лотерейного комитета заграничные паспорта, билеты на проезд по воздушным, железнодорожным и пароходным линиям, снабжаются одеждой и всеми необходимыми дорожными принадлежностями. На личные расходы выдаются суточные в размере 15 рублей в день, а при путешествиях по Америке – 25 рублей в день. Кроме суточных, получают полное содержание натурой (завтрак, обед, ужин и пр.), оплата перечисленного входит в стоимость билета. Незнание иностранных языков не станет помехой, так как буквально во всех странах и городах путешественников будут сопровождать переводчики-проводники, а путешествия будут проходить в удобных пассажирских самолетах, при проездах по железной дороге – в мягких вагонах, а на пароходах – в каютах 1-го класса.

Каждый рабочий, служащий и военнослужащий, который выиграет путешествие и пожелает его совершить, может отправиться в путь, не опасаясь потерять свое место работы и должность, что обеспечивается соглашением «Осоавиахима» с Народным Комиссариатом СССР. Лотерейный комитет возьмет ему весь его средний заработок за все время путешествия (сверх суточных). Крестьянин также может спокойно путешествовать: в возмещение своего заработка он получит соответствующую компенсацию в размере не менее 100 рублей (сверх суточных). При путешествиях в Крым или на Кавказ лотерейный комитет предоставляет владельцу выигравшего билета возможность пребывания там на любом из курортов в течение 10 дней за счет лотерейного комитета» [3].

При такой рекламе и при таких условиях не хочешь, а купишь билет. Материальный риск минимальный (50 копеек), а шанс стать счастливым – огромным.

При проведении лотерей «Осоавиахима» (рисунок 10) главной проблемой было не распространение,

История Литвы в литах

Первого января 2015 г., когда Литва стала двенадцатым членом еврозоны и евро был принят в качестве валюты Литвы, лит и его сотая часть, цент, стали историей. История бумажных денег в Литве началась в 1794 г., когда казначейские банкноты с изображением восстания Тадеуша Костюшко были выпущены на территории Речи Посполитой. В более поздний период оккупаций и войн в Литве находились в обращении различные валютные единицы. В XX в. на протяжении более четырех десятилетий и в начале XXI в. лит являлся национальной денежной единицей страны.

Впервые лит был введен в обращение в начале XX в. После восстановления Литовского государства (16 февраля 1918 г.) немецкие войска все еще оставались хозяевами в стране. Выпуск валюты и кредитные операции осуществлялись Восточной Судной Кассой (*Darlehnskasse Ost*), созданной немцами. Несмотря на то, что вопрос о национальной валюте обсуждался еще в 1919 г., реальная возможность ввести собственную валюту в Литве появилась только после подписания соглашения в июле 1920 г., в соответствии с которым Литва получила 3 млн. золотых рублей в качестве компенсации от Советской России за убытки, причиненные в период войны. Это стало основой для обеспечения стабильности лита в межвоенный период. 9 августа 1922 г. Учредительный сейм принял Закон о валютной единице, в рамках которого было объявлено о введении в обращение обеспеченной золотом валюты – лита и его сотой части – цента. Два дня спустя был принят Закон о Банке Литвы, и Банку Литвы было поручено ввести новую валюту. Первый рабочий день (2 октября) Банка Литвы, расположенного в Каунасе, стал днем рождения национальной денежной единицы – литовского лита.

У временных банкнот с датой эмиссии 10 сентября 1922 г., напечатанных в шести номиналах в типографии Отто Эльснер (Берлин), отсутствовал специально разработанный дизайн. Литовские художники создали только отдельный элемент, символ государства – рыцаря с мечом (Витис), поместив его на реверс новых банкнот, чтобы украсить их.

Постоянные банкноты Банка Литвы двенадцати номиналов с указанием даты эмиссии 16 ноября 1922 г. были напечатаны в Праге в типографии Андреас Хаасе. Их дизайн разработал Адомас Варнас. В банкнотах прослеживается стремление к отображению времен Великого Княжества Литовского (ВКЛ). В этой серии, наряду с национальным орнаментом, национальными мотивами, элементами малой архитектуры, геральдической символикой и тремя историческими городами (Вильнюс, Каунас и Клайпеда), также изображены отдельные лица. Некоторые из них были абстрактными (сеятель и девушка-прядильщица на банкноте достоинством в 5 литов, рабочий, вспахивающий землю, на банкноте номиналом 10 литов), а некоторые являлись

выдающимися личностями: великие князья Литвы, например, Гедимин (1316–1341) на лицевой стороне банкноты номиналом 50 литов и Витовт (1392–1430) на банкноте достоинством в 100 литов.

Гедимин был одним из первых правителей, кто занимался агитацией против немецкой агрессии в прибалтийских землях. В своих письмах к Папе Римскому он утверждал, что целью крестоносцев является завоевание Литвы, а не ее крещение. Гедимин осуществлял внешнюю политику ВКЛ посредством противостояния агрессии крестоносцев и объединял земли, используя преимущественно дипломатические средства: таким образом, он практически не вел войн. Система управления усилилась. На должности вассалов-князей больших завоеванных территорий Гедимин в основном назначал своих братьев или взрослых сыновей. Отношения с самыми известными князьями он регулировал с помощью соглашений. Целью Гедимина было создание более благоприятных условий для развития и совершенствования сельского хозяйства, роста городов, ремесел, торговли, а также развития культуры. Он укрепил Замок Вильнюса. В письмах Гедимина в 1323 г. Вильнюс впервые упоминается в качестве столицы ВКЛ. Верхний замок в Вильнюсе и его башня, которая стала символом города, были названы в честь Гедимина. Башня вместе с Кафедральным собором Вильнюса и колокольной изображены на оборотной стороне банкноты номиналом 50 литов.

Великий князь Литовский Витовт украшает банкноту номиналом 100 литов, выпущенную 16 ноября 1922 г. Благодаря ему ВКЛ в начале XIV в. стало крупнейшим и самым мощным государством в регионе. Витовт привел польско-литовскую армию к победе, преодолев военную мощь Немецкого ордена в Грюнвальдской битве в 1410 г. В соответствии с Торунским договором, заключенным вскоре после этой битвы, Жемайтия была признана территорией, принадлежащей Литве. Витовт заложил основы современной христианской монархии: он укрепил класс дворянства, под его защитой развивались торгово-денежные отношения как внутри государства, так и с зарубежными странами, была создана денежная система, сформирована геральдика государства¹. Грюнвальдская битва устранила опасность похода тевтонских рыцарей на Литву, в то время как ВКЛ имело возможность строить нормальные отношения с рядом европейских стран². Витовту не только удалось окрестить жителей Жемайтии, но и стать покровителем ливонских епископов, найти лучшие способы ликвидации экономической отсталости Литвы. Именно Витовт сделал Литву западной страной. Конгресс в Луцке в 1429 г. выдвинул идею коронации Витовта. Однако внезапная смерть князя помешала претворить эту идею в жизнь. Вскоре после его смерти в Литве формируется «культ личности» Витовта. Он был признан величайшим и идеальным

¹ Gudavičius, Edvardas. *Vytautas Didysis // Lietuvos valdovai (XIII–XVIII a.)*. – Vilnius, 2004. – P. 78–87.

² *Lietuvos istorija*. – Kaunas, 2012. – P. 82.

правителем в истории Литвы. В сознание наций было заложено понятие, что литовцы создали государство, за судьбу которого они несут ответственность. Таким образом, личность Витовта была особенно важной в начале XIX в. – XX в. и в период существования Первой Литовской Республики (1918–1940).

На оборотной стороне банкноты номиналом 100 литов – зеркальное изображение красивой молодой литовской девы в национальном костюме. В таком образе А. Варнас изобразил княгиню Бируту. Она была женой Великого князя Кейстута и матерью Витовта. Миф это или правда – остается предметом обсуждения. Очевидно лишь одно, что в период создания банкноты личность княгини в литовском самосознании была романтизированной и идеализированной.

Именно личность Великого князя Литовского привлекала наибольшее внимание в межвоенный период. 500-летие со дня смерти Витовта в 1930 г. стало стимулом для выпуска двух новых банкнот с его портретом. Новые банкноты достоинством в 5 литов были разработаны Адомасом Галдикасом, напечатаны фирмой «Брэдбери Уилкинсон энд Ко. Лтд» 24 июня 1929 г. и выпущены в обращение 2 января 1930 г. На лицевой стороне банкноты изображен портрет Великого князя Литовского, на оборотной стороне – сцена из присяги Витовта, воспроизведенная с картины, оригинал которой выставлен в Военном музее имени Витовта Великого в Каунасе.

Напечатанная 5 июля 1930 г.³ банкнота номиналом 20 литов была введена в обращение год спустя, 15 мая 1931 г. Дизайн указанной банкноты был также разработан Галдикасом, и, вероятно, по этой причине изображения Витовта на двух банкнотах (достоинством в 5 и 20 литов) являются практически идентичными. На банкноте номиналом 20 литов также представлены аналогичные символы, которые присутствуют на всех трех банкнотах с изображением Витовта: портрет, предполагаемые символы власти Великого князя (наконечник копья, крест и буква V), а также костел Витовта Великого в Каунасе. Вышеуказанные символы на лицевой стороне банкноты являются частью истории, в то время как оборотная сторона демонстрирует желание изобразить новую Литву: реку Неман, большой пароход на фоне панорамы города и Статую Свободы в Каунасе (скульптор Юозас Зикарас, автор первых литовских монет, которые появились в обращении в 1925 г.). Эта банкнота как будто демонстрирует попытку сблизить, объединить в единое целое и старое, и новое.

Изображения выдающихся личностей ВКЛ также используются в качестве элементов защиты банкнот. Великий князь Гедимин изображен на водяном знаке банкноты номиналом 50 литов 1928 г. выпуска, Великий князь Кястутис (1381–1382) – на водяном знаке банкноты достоинством в 100 литов. В межвоенный период заслуги Кейстута были оценены в меньшей степени, чем заслуги Витовта или Гедимины. Изображение князя не было представлено на лицевой стороне банкнот, а только в качестве водяного знака одной из них. Таким образом, на банкнотах межвоенного

периода были изображены только личности, правившие до Великого князя Витовта, которого национальное самосознание идеализирует в большей степени.

Кроме вышеупомянутых правителей ВКЛ на межвоенных банкнотах изображены также личности, представляющие современную историю Литвы, фазу восстановления страны и оценки ее государственности. 31 марта 1928 г. была утверждена новая банкнота номиналом 50 литов (дизайн А. Галдикаса, напечатана английской фирмой «Брэдбери Уилкинсон энд Ко. Лтд»). Банкнота была введена в обращение в сентябре того же года. Доктор Йонас Басанавичюс (1851–1927), патриарх нации, изображен на лицевой стороне банкноты. На оборотной стороне во второй раз изображены Кафедральный собор Вильнюса и Гора Гедимины с башней замка. Большинство деятелей, размещенных на бумажных банкнотах межвоенной Литвы, были правителями ВКЛ, в то время как Йонас Басанавичюс являлся представителем конца XIX в. – начала XX в., фигурой современной истории Литвы. В 1883 г. он организовал издание литовской газеты «Аушра» (*Auszra*), положившей начало формированию национального самосознания. В 1905 г. Басанавичюс председательствовал на собрании представителей Литовской Республики в Великом Вильнюсском сейме. В 1907 г. основал Литовское научное общество. Он был президентом Совета Литвы, который 16 февраля 1918 г. в Вильнюсе подписал Акт о независимости Литвы. Спустя год после его смерти банкнота была выпущена в обращение. По словам В. Алишаускаса, Басанавичюс стал своего рода мифологическим существом – как главный оракул, сидящий где-нибудь в таинственном мире Вильнюса в 1920 г., святой, но такой близкий литовскому народу⁴. Это в некотором смысле сделало Йонаса Басанавичюса такой же тайной и недосыгаемой фигурой, как и Великий Витовт. Значение этого человека в жизни просто литовского жителя очень велико. На его похоронах присутствовали тысячи людей разных национальностей, а сама похоронная процессия растянулась почти на один километр⁵. Сохранившиеся документальные кадры о похоронах патриарха Литвы в Вильнюсе были включены в национальный реестр страны. Этот старейший оригинальный медийный фильм в Литве является уникальным по своему содержанию и месту действия. Й. Басанавичюс – историческая личность, которая имела особый статус в культурном самосознании Литвы при президенте А. Сметоне.

Прижизненное изображение людей на банкнотах – нечастое явление в истории банкнот. Только единожды было запланировано выпустить банкноту с подобным изображением. Такое исключительное внимание было продемонстрировано тогдашнему президенту Литовской Республики Антанасу Сметоне (1876–1944). Когда 16 февраля 1938 г. Литва отмечала 20-ю годовщину восстановления своей независимости, было запланировано выпустить юбилейную банкноту номиналом 10 литов. Художник А. Галдикас создал дизайн, включающий портрет Сметоны и изображение Акта о независимости⁶. На оборотной стороне банкно-

³ Kuncienė, Rūta. *Lietuvos pinigai 1915–1941*. – Vilnius, 1995. – P. 76.

⁴ Ališauskas, Vytautas. *Lito banknotai: romantizmo recidyvai ir epigonų vargai. Romantizmai po romantizmo*. – Vilnius, 2001. – P. 180.

⁵ Nezabitauskis, Adolfas. *Jonas Basanavičius*. – Vilnius, 1990. – P. 5.

⁶ Sajauskas, Stanislovas. *Pinigų istorija*. – Vilnius, 2011. – P. 155.

ты изображен групповой портрет делегатов Литовского Учредительного собрания, лиц, подписавших Акт о независимости, а также гербы Клайпеды, Вильнюса и Каунаса. Банкнота характеризуется наиболее явно выраженной идеей независимости Литвы и целостности государства. К сожалению, банкноты не выпускались в обращение. С нумизматической точки зрения указанная банкнота является очень редкой. Это было последней попыткой независимой Литвы выпустить банкноту нового дизайна.

После оккупации Литвы Советским Союзом 15 июня 1940 г. лит, который находился в обращении в течение почти двух десятилетий, прекратил свое существование. В 1941 г. обращение лита было запрещено полностью, и банкноты, находившиеся в хранилищах, были сожжены. Можно утверждать, что на литовских банкнотах межвоенного периода было изображено то, чем Литва гордилась в большей степени: князя ВКЛ и наиболее выдающиеся общественные деятели, работа земледельцев, национальные символы, изображения крупных городов и их гербов. Все это отражало дух нации, ее самосознание и в некотором смысле формировало личность гражданина созданной Литовской Республики.

История любит повторяться. Спустя полвека оккупации и ослабления режима появилась надежда восстановить независимость Литвы и наряду с этим создать национальную банковскую и денежно-кредитную системы. Идея системы национальной валюты впервые обсуждалась 26 мая 1988 г. в Институте экономики Академии наук на заседании литовских и эстонских ученых⁷. На этой встрече Стасис Уосис, профессор Вильнюсского университета, публично озвучил, что независимая валютная система является не менее необходимой, чем национальная система письменности⁸. Постепенно началась разработка правовых актов, регулирующих функционирование независимой валютной системы.

В то же время были сделаны первые шаги в создании художественного дизайна для литов. Как утверждал один из авторов литовских банкнот Гедрюс Йонайтис, «сначала я даже не мог поверить, что это [разработка дизайна банкнот] являлось серьезным делом»⁹. 11 сентября 1989 г. в Вильнюсе в Институте истории собралась группа ученых, экономистов и художников и обсудила принципы разработки литовской валюты¹⁰. Вскоре после этого планы по разработке литовских банкнот были представлены широкой аудитории художников. Но мало кто из них предложил свои услуги, хотя объявленная идея национальной валюты была одобрена. Как сказал Раймондас Микнявичюс, неофициальный лидер небольшой группы художников, «это было совершенно естественно, потому что многие понимали, что не имеют ни малейшего представления о том, как создавались деньги и с чего надо было начинать»¹¹. Действительно, в начале процесса создания банкнот

художники сталкивались с большой неопределенностью: у молодых дизайнеров не было возможности узнать, каким образом разрабатывались и печатались валюты других государств, каким был процесс производства. Эмиссия валюты СССР была государственной безопасностью (КГБ); проявлять интерес к этой теме было опасно. Много дискуссий возникало касательно того, каким образом будут выглядеть будущие литовские банкноты, что должно быть изображено на них, а также какой должна быть структура номинала банкнот.

Неофициальный план работы был оформлен в письменном виде 14 декабря 1989 г. после того, как Д. Тринкунас, Министр культуры Литовской ССР, и З. Жилиявичюс, Председатель литовского республиканского банка Госбанка СССР, объявили о двухэтапном конкурсе на создание дизайна валюты (лита и цента)¹². Заседание жюри конкурса состоялось уже 12 февраля 1990 г. К сожалению, представленные работы были восприняты с большим скептицизмом. Было очевидно, что художники увидели литовскую валюту как продолжение литов межвоенного периода как с экономической точки зрения, так и в художественном аспекте. В представлении художников на литах должны быть изображены образы правителей ВКЛ, портреты исторических личностей, архитектурные памятники, орнаменты народного творчества. Большинство портретов правителей ВКЛ было опубликовано в хрониках XVI в. Алессандра Гваньини, в то время как некоторые из них (портреты Витовта Великого, Кястутиса) являются плодами воображения художников XIX–XX вв.¹³. В этой связи было принято решение не присуждать первое место. Второе место досталось Альвидасу Мандейке, самому молодому участнику конкурса (за изображение на банкнотах портретов правителей ВКЛ), и Людвикасу Поцюсу (за изображение главных событий, личностей и объектов из истории Литвы).

После этого конкурса Институту истории Академии наук Литовской ССР было поручено разработать в короткие сроки рекомендации по увековечению выдающихся личностей Литвы, а также исторических и архитектурных памятников на бумажных валютных единицах – банкнотах. Было решено в символической форме выбрать деятелей первого возрождения как героев для изображения на национальной валюте (утверждалось, что стремление к независимости стало вторым возрождением). Литовское национальное возрождение является общественным, культурным и политическим движением, проходившим в конце XIX в. – начале XX в., цель которого заключалась в формировании современной нации и политическом освобождении, а также создании независимого национального государства.

Задача состояла не только в художественном изображении выбранных личностей, дизайны

⁷ Terleckas, Vladas. *Lietuvos bankas 1990–1995*. – Vilnius, 1995. – P. 30.

⁸ Jasienė, Meilutė. *Nacionalinės pinigų sistemos kūrimas ir laikinųjų pinigų įvedimas: priešistorė ir įgyvendinimas*. – *Ekonomika*, 2006. – Vol. 76.

⁹ Miliška, Mindaugas & Semionovaitė, Karolina. *Nuo litų banknotų dizaino. Apie mus*, 2008. – No.3. – P. 32–35.

¹⁰ Galkus, Juozas & Dulksys, Arūnas. *Lietuvos banknotai. Lithuanian Banknotes*. – Vilnius, 2002. – P. 57.

¹¹ Vinkus, Mindaugas. *Tikroji litų spausdinimo istorija*. – Vilnius, 2006. – P. 21.

¹² “Lietuvos pinigų projektų parengimo konkursas”. 13–14 December 1989. – *LBPM archive*.

¹³ Galkus, Juozas & Dulksys, Arūnas ( ). *Lietuvos banknotai. Lithuanian Banknotes*. – Vilnius, 2002. – P. 60.

должны были соответствовать определенным технологическим требованиям во избежание подделки банкноты. Литовский эмигрант Кястутис Линикас (эксперт по производству валюты из Австралии) с этой точки зрения был очень полезным человеком. Его пригласили для консультаций с дизайнером банкнот. К. Линикас дал первые уроки по эмиссии валюты, функциям безопасности. Он настаивал на том, чтобы портреты были нарисованы как можно большими и расположены не в центре банкноты (при складывании банкноты пополам ее функции безопасности подвергаются стиранию быстрее), а по ее сторонам. Он также предложил сохранить светлые тона в рисунках (что делает более трудным для фальшивомонетчиков выполнить свою работу), отказаться от излишних орнаментов. Именно К. Линикас обратил внимание дизайнеров банкнот на тот факт, что в список лиц, отобранных для изображения, не было включено ни одной женщины. Он сказал, что выпуск банкнот с портретами только мужчин вызовет возмущение мирового феминистского движения и, следовательно, портрет по меньшей мере одной известной литовской женщины был необходим¹⁴. Именно тогда было принято решение изобразить писательницу Жемайте на купюре номиналом 1 лит.

Датой введения национальной денежной единицы и создания денежной системы Литвы считается 1 октября 1992 г., когда литовский талон (*talonas*) стал единственным законным платежным средством. Лит был введен в обращение позже – 25 июня 1993 г. Посредством воспроизведения в точности ситуации с введением межвоенных литов была создана стабильная основа для введения национальной валюты: почти 6 тонн золота Первой Литовской Республики, хранящихся в период оккупации в Великобритании, Международном банке расчетов в Базеле, а также во Франции, были возвращены обратно. Швеция заплатила Литве компенсацию за золото, которое она хранила. Первые банкноты номиналом 10, 20, 50 и 100 литов были напечатаны в американской типографии Юнайтед Стейтс Бэнкноут Корпорейшн (USBC) и датируются 1991 г. Для совершенствования функций безопасности и элементов дизайна каждая банкнота указанных номиналов с 1993 г. и до момента принятия евро была переиздана несколько раз в разных типографиях США, Англии, Германии, Швейцарии, Франции, однако лица, которые на них изображены, остались неизменными.

На банкноте достоинством в 10 литов (дизайн Г. Йонайтиса) изображены С. Дарюс (Стяпонас Юцявичус, 1897–1933) и С. Гиренас (Стасис Гиренас, 1891–1933). Трансатлантический перелет этих мужчин-эмигрантов (которые будучи маленькими детьми вместе с родителями переехали в США) 15–17 июля 1933 г., который закончился трагической гибелью недалеко от границы Литвы, стал одним из самых известных героических поступков литовцев в мире. Своим полетом и лозунгом «Мы летим в Литву» они стремились внести вклад в то, чтобы Литва стала всемирно известной. В своем обращении они написали: «Молодая Литва, пусть наш успех укрепит твой

дух и уверенность в твоих силах и возможностях»¹⁵. В память об этом экстраординарном событии портреты двух пилотов были изображены на лицевой стороне банкноты номиналом 10 литов (как правило, на банкнотах изображен только один портрет), а на оборотной стороне – самолет *Lituanica*, летящий над бушующим океаном из Америки в Европу (в Литву). Семь лет назад изображение этой банкноты было использовано для оформления обложки каталога мировых денег *World Paper Money*, выпускаемого ежегодно в типографиях Лос-Анджелеса. Тема трансатлантического перелета Дарюса и Гиренаса подтолкнула на создание дизайнера первой медно-никелевой памятной монеты номиналом 10 литов, выпущенной Банком Литвы в 1993 г. Кстати, Дарюс и Гиренас стали также самыми молодыми людьми, когда-либо изображенными на банкнотах.

Банкноты номиналом 20 литов (выпуски 1991 г., 1993 г. и 1997 г., разработанные Ю. Толвайшисом, выпуски 2001 г. и 2007 г. – Г. Йонайтисом) увековечили Майрониса (Йонаса Мачюлиса, 1862–1932), знаменитого поэта литовского романтизма XIX–XX вв. Священник, профессор геологии, активный участник национального движения, но в основном он известен как поэт периода запрета литовской печати. В своей поэзии Майронис выражал национальные идеи того времени и, следовательно, назывался бардом национального возрождения. Писал о героическом прошлом, призывал народ бороться против гонимца, пробуждал чувство патриотизма в трудные годы оккупации. В Литве высоко ценятся его стихи *Trakų Pilis* («Тракайский замок»), *Lietuva brangi* («Дорогая Литва»), *Jaunoji Lietuva* («Молодая Литва»). Его творчество представляет собой новую эпоху в литовской лирике, которая послужила началом работ современных поэтов. Поэт никогда не видел один из самых впечатляющих межвоенных архитектурных ансамблей Литвы – Военный музей имени Витовта Великого в Каунасе, размещенный на оборотной стороне банкноты номиналом 20 литов. Он был возведен только после его смерти. Тем не менее еще один элемент на оборотной стороне банкноты – статуя Свободы Ю. Зикараса, изображение крылатой женщины, разорвавшей узы гнета, был близок поэту, который лелеял мысль о возрождении Литвы, радовался успехам независимого государства, всей душой болел за него.

На банкноте номиналом 50 литов (выпуск 1991 г. и 1993 г., дизайн Р. Барткуса, выпуски 1998 г. [совместно с Р. Барткусом] и 2003 г. – Г. Йонайтиса) изображен Басанавичюс, уже знакомый по литам межвоенного периода. Его важность, как хранителя возрождения нации, возросла после восстановления независимости 11 марта 1990 г. Заслуги Басанавичюса для нации были воскрешены в памяти, получили оценку и значимость посредством увековечения его на купюре. На оборотной стороне банкноты достоверно изображены Кафедральный собор Вильнюса и Старый город – именно в Вильнюсе Басанавичюс жил в течение многих лет и здесь же умер.

Портрет Симонаса Даукантаса (1793–1864), самого известного идеолога Литовской национальной

¹⁴ Vinkus, Mindaugas. *Tikroji litų spausdinimo istorija*. – Vilnius, 2006. – P. 21.

¹⁵ *Lietuvos istorija. Kaunas, 2012*. – P. 232.

культуры XIX в., автора первой истории Литвы на литовском языке, изображен на купюре достоинством в 100 литов (дизайн Ритиса Валантинаса). В своих книгах «Деяния древних литовцев и жемайтов», «История Литвы», «Обычаи древних литовцев, аукштайтов и жемайтов» он описывает Литву до подписания Люблинской унии, ее природу, обычаи и политическую систему; вопрос о политической независимости Литвы поднят в качестве ключевого условия для существования нации. С. Даукантас собирал народные песни и сказки, написал и издал практические брошюры, такие как советы крестьянам по пчеловодству, садоводству, а также писал на другие актуальные темы. Его книги оказали большое влияние на литовское национальное движение XIX в. Выбор изображения на оборотной стороне указанной банкноты является особенным – историк учился в Вильнюсском университете. В своих работах он уделял большое внимание Вильнюсу как столице ВКЛ.

Банкноты номиналом 1, 2 и 5 литов появились в обращении только в 1993–1994 гг. Они были напечатаны типографией De La Rue Plc. (ранее – Thomas De La Rue & Company Limited) в Англии. Все банкноты мелких номиналов разработаны Г. Йонайтисом. На лицевой стороне банкноты номиналом 1 лит он увековечил женщину, писательницу Жемайте (Юлию Жимантене, 1845–1921), которая боролась против невежества и недостатков жителей сельской местности. Свой первый рассказ «Осенний вечер» она написала в 1894 г. в возрасте 50 лет. Ее наиболее значимые произведения – «Сноха», «Пятрас Курмялис», «Топилис» и другие – остаются популярными, они были экранизированы и переведены на языки многих соседних стран. В своих произведениях Жемайте рассказывала о хорошо известной повседневной посткрепостной жизни сельского населения Литвы, материальных и этических отношениях между крестьянами, их работе, конфликтах между крестьянами и помещиком. Она уделяла много внимания последствиям создания семьи по материальным соображениям, тяжелой судьбе сельской женщины; она высмеивает невежество крестьян, их предрассудки, охоту за собственностью и беспробудное пьянство.

Как упоминалось выше, К. Линикас призывал изобразить хотя бы одну женщину на банкнотах. Изображение Жемайте было размещено на банкноте самого низкого номинала, которая, кроме того, находилась в обращении в течение короткого периода времени (была изъята из обращения 1 марта 2007 г.). Историк, доцент Анеле Буткувене, которая в 2008 г. издала книгу «Знаменитые женщины Литвы», утверждает, что лит мог бы быть украшен изображениями таких женщин, как Габреле Петкевичайте-Бите, Шатриёс Рагана, Ева Симонайтите, несмотря на то, что их заслуги не такие значимые, как В. Кудирка или Й. Басанавичюса¹⁶. Основной причиной, по которой только одна женщина изображена на банкноте, является патриархальный подход: в XIX–XX вв. в Литве правили мужчины, женщины в общественной и политической жизни участвовали крайне редко,

следовательно, историческими личностями были в основном мужчины (и это отражено на банкнотах в том числе). С другой стороны, проанализировав банкноты межвоенного периода, можно утверждать, что через них была предпринята попытка сохранить своего рода баланс в изображении женщин и мужчин: если был изображен сеятель, то также была изображена и женщина-пряильщица, сплавщику сопоставлялась незамужняя девушка. Практически на всех банкнотах присутствует образ женщины, хотя и абстрактный. Изображение на оборотной стороне, связанное с религией (деревянный костел в Палуше, расположенный в Аукштайтии, памятник народного зодчества середины XVIII в.), совсем не являлось хорошим вариантом для атеистки Жемайте, но ошибку поняли слишком поздно. Еще одна вещь была упущена – рядом с псевдонимом «Жемайте» также появилась первая буква «Ю» (J) реального имени писательницы, Юлия¹⁷.

На банкноте номиналом 2 литов было решено изобразить Мотеюса Валанчюса (1801–1875), епископа Жемайтии, выдающегося культурного деятеля XIX в., организатора движения «контрабандистов книг» (книгонош), писателя. Этот человек занимался образованием литовского народа – он основал приходские школы, требовал, чтобы уроки проходили на литовском языке, воевал против пьянства, а также заботливо относился к католическим народным традициям. В своих книгах, посвященных простому деревенскому народу, епископ осуждал невежество, призывал людей просвещать себя и укреплять католицизм. Одним словом, его можно назвать покровителем простого народа. На оборотной стороне банкноты изображен Тракайский замок с высоты птичьего полета. Валанчюс стал самым старым человеком, изображение которого когда-либо помещалось на банкноте.

Банкнота достоинством в 5 литов отдает дань уважения создателю Литовской грамматики, лингвисту Йонасу Яблонскису (1860–1930). Его большая заслуга связана с разработкой норм литовского языка. Яблонскис хорошо знал западно-аукштайтский (сувалкский) диалект, на основе которого формировался общий литовский язык в конце XIX в. Стремясь улучшить и адаптировать язык к потребностям современного общества, он писал статьи по вопросам языковой культуры и публиковал их в журнале «Варпас» («Колокол») и других газетах, а также подготовил и издал несколько учебных пособий. Йонас Яблонскис обращал пристальное внимание на терминологию. Он очистил язык от варваризмов, которые накапливались в течение тысячелетий, заменив их литовскими словами. Благодаря своим трудам Яблонскис также упоминается как «отец литовского языка». Основная мысль работ Яблонскиса как ученого продолжилась в другой теме, изображенной на оборотной стороне банкноты, – скульптуре «Литовская школа» Пятраса Римши, которая была создана в память периода запрета прессы и книгонош. Это своего рода памятник всем тем, кто не боялся угрозы изгнания, сохранял и лелеял ли-

¹⁶ Juthonė, Vaida. *Lietuviškų litų moterys nepuošia, nes nenusipelnė? Vakarių ekspresas*, 24 February 2007, online.

¹⁷ Vinkus, Mindaugas. *Lito užkulisiai. Kęstučio Lyniko vaidmuo atkurto lito istorijoje*. – Vilnius, 2004. – P. 108.

товское национальное самосознание в годы царского гонения, в тот самый период времени, когда Яблонскис боролся за возрождение литовского языка и непрерывно его совершенствовал.

Новая банкнота номиналом 200 литов была выпущена в 1997 г. (дизайн Р. Валантинаса). На ее лицевой стороне изображен общественный деятель Прусской Литвы Видунас (Вильгельмас Стороста, 1868–1953), выдающийся писатель межвоенного периода, публицист и философ, неутомимый борец за права и язык литовцев в Прусской Литве. Живя в литовской части Восточной Пруссии, которая принадлежала Германии, с раннего возраста он чувствовал сложные отношения между двумя странами – Германией и Литвой. Осознав угрозу исчезновения нации и потери ее самосознания, он создал собственную тактику пассивного сопротивления «германизации» на основе своих философских взглядов. Видунас посвятил всю свою жизнь повышению и развитию национального самосознания литовцев, в первую очередь тех, кто жил в Прусской Литве. Он хотел, чтобы литовский народ также внес свой весомый вклад в укрепление гуманизма в культурном развитии мира. Обратная сторона банкноты украшена Клайпедским маяком. Случайным образом или по причине большой любви литовцев к морю на двух наших банкнотах изображен образ штормового моря – воды Атлантического океана, угрожающего потопить самолет *Lituanica* – на банкноте достоинством в 10 литов, и Балтийское море, волны которого омывают пирс морского порта Клайпеды – на купюре номиналом 200 литов. Никакой другой мотив изображения не привлек столько внимания со стороны художников. Следует отметить, что банкнота номиналом 200 литов имела одни из наиболее высоких элементов защиты против фальшивомонетничества (первая литовская банкнота со встроенной металлической голографической полоской).

Банкноты достоинством в 500 и 1000 литов были напечатаны в 1991 г. в США, однако они не были выпущены в обращение. Позднее, после значительного роста доходов населения и его покупательной способности, потребовалась банкнота более крупного номинала. В 2000 г. Банк Литвы выпустил в

обращение банкноту номиналом 500 литов, дизайн которой был разработан Р. Микнявичусом и адаптирован к новым требованиям Г. Йонайтисом. Это была банкнота самого крупного номинала в обращении. Она прославляет Винцаса Кудирка, фигуру литовского национального движения возрождения, писателя, общественного деятеля, редактора журнала «Варпас», в котором он осуждал царский режим, его политику национального угнетения, рассматривал социальные проблемы, а также поднимал национальное самосознание. Кудирка также является автором государственного гимна Литвы (часто называемого «Национальная песнь»), написав к нему не только слова, но и музыку. На оборотной стороне банкноты изображен Колокол Свободы с гербом Литвы на фоне слияния рек Немана и Меркиса. Этот пейзаж является заметно романтизированным и идеализированным, так как художник ставил цель украсить купюру, а также пробудить патриотические чувства народа.

Банкнота самым крупным номиналом 1000 литов (дизайн Ритиса Валантинаса) была посвящена известному литовскому композитору и художнику Микалоюсу Константинасу Чюрленису (1875–1911), который оставил наиболее яркий след в литовской культуре. В европейской художественной истории он также известен как уникальный деятель. Буквально за десять лет он создал около четырехсот музыкальных творений, почти за шесть лет написал более трехсот картин. Участие М.К. Чюрлениса в литовском национальном движении возрождения и идеалистическое самопожертвование ради художественных идеалов раскрывают его как типичного представителя эпохи романтизма. На оборотной стороне монеты изображена его картина «Сказка королей».

Все указанные банкноты в разных формах и способах экспонирования посетители могут увидеть в Музее денег Банка Литвы.

**Аста РАВАЙТИТЕ-КУЧИНСКЕНЕ,
Главный специалист
Музея денег Банка Литвы**

Монеты, посвященные 50-летию Организации Объединенных Наций¹

Елена ДИВИНСКАЯ

Главный специалист историко-информационного отдела Управления информации и общественных связей Национального банка Республики Беларусь

В 2015 г. в Республике Беларусь отмечалось 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Но этот год ознаменован еще одним важным событием мирового значения: семьдесят лет назад, 26 июня 1945 г., на конференции в Сан-Франциско Республика Беларусь и еще 49 стран подписали Устав Организации Объединенных Наций, который вступил в силу 24 октября 1945 г. Именно этот день и отмечен в календаре как день ООН.

В 1995 г. наша страна выразила свое согласие на приглашение принять участие в Программе выпуска монет, посвященных пятидесятой годовщине Организации Объединенных Наций. Участие в такой программе давало возможность белорусам, как и другим нациям мира, продемонстрировать свою поддержку ООН посредством выпуска памятных монет. Инициатором программы выступил английский Королевский монетный двор «Роял Минт» (The Royal Mint), который был уполномочен от лица Национального банка нашей страны не только изготавливать монеты, но и распространять их за рубежом, выплачивая Республике Беларусь роялти за каждую выпущенную и проданную монету, а ООН – за использование эмблемы.

В соответствии с программой каждая страна – член ООН могла:

- отчеканить свои собственные монеты как для продажи, так и для общего денежного обращения;
- подписать контракт с любым монетным двором, включая Королевский монетный двор «Роял Минт» на изготовление таких монет;
- продавать свои монеты через собственные каналы сбыта и через Программу выпуска монет «ООН50».

В соответствии с условиями Программы по выпуску монет необходимо было соблюсти следующие требования:

- знак «ООН50» должен был воспроизводиться на каждой монете только полностью и точно в такой форме, как этого требует приложение к данному стандарту;
- каждая монета должна быть законным платежным средством в денежную единицу страны-эмитента;
- на каждой монете указывалась дата «1945» или «1945–1995».

Памятные монеты «ООН50» могли быть отчеканены из следующих материалов:

- золото – не выше 31,1035 грамма по весу и не более 45 мм по диаметру;
  - серебро – не выше 35 грамм по весу и не более 45 мм по диаметру;
  - обычные металлы – не более 45 мм по диаметру.
- Только странам – учредителям ООН было дано право выпуска золотых монет.

В соответствии со спецификациями по качеству данные платежные средства должны быть привлекательными, а способ их изготовления предусматривал специальные меры предосторожности для недопущения их повреждения.

Каждый монетный двор, выпускающий указанные монеты, в соответствии с лицензией на использование знака «ООН50» обязан был вкладывать в упаковку изготовленного платежного средства, предназначенного для продажи, краткий буклет, письмо или другой подробный печатный материал (рисунки 1) с целью распространения информации среди народов мира.

Для сравнения белорусской памятной монеты «ООН50» с монетами других стран из каталога «Standard Catalog of World coins 1901 – Present» были выбраны сорок четыре монеты с эмблемой «ООН50». Не исключено, что участников программы значительно больше, но не все монеты были опубликованы.

¹ Для подготовки статьи использовались данные каталога *Standard Catalog of World coins* и материалы Музейного фонда Национального банка Республики Беларусь.

Рисунка 1. Памятная монета Рэспублікі Беларусь, посвященная 50-летию образования ООН, из медно-никелевого сплава в специальной открытке (с оборотом)

Дизайн рассматриваемых платежных средств (монет) различен, у каждой страны свои характерные особенности, но все же встречаются и некоторые объединяющие моменты. Например, изображение голубя («символа мира»)² присутствует на монетах восьми государств (Афганистан, Аргентина, Гамбия, Доминиканская Республика, Ирландия, Куба, Сейшельские острова, Франция). При этом оно довольно разнообразно. К примеру, на монетах Аргентины и Франции – одна птица с веточкой в клюве, Гамбии – с веточкой в лапках, Доминиканской Республики – два голубя с веточками в клювах и эмблемой «ООН50» в лапках, Сейшельских островов – летящая птица (вид снизу), Ирландии – голубь, держащий в клюве ленточку с надписью «1945–1995», а на монете Афганистана – человек, кормящий голубей.

На монетах шести стран изображено здание штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке (Барбадос, Бахрейн, Китай, Люксембург, Мальдивы, Россия). На платежном средстве Барбадоса изображен военный, поднимающий флаг страны на флагшток у здания ООН, на монете Люксембурга – пистолет, дуло которого завязано в узел (на фоне здания ООН, окруженного флагами), России – изображение памятника «Перекуем мечи на орала» Е.В. Вучетича, на заднем плане слева – здание штаб-квартиры ООН.

На четырнадцать монетах изображены люди: держащиеся за руки, улыбающиеся и танцующие (Куба, Латвия, Либерия, Мальта, Норвегия, Уганда, Ямайка); целые семьи – на двух монетах (Бенин, Намибия). На монете Норвегии на фоне танцующих детей размещено рельефное изображение стоящего в полный рост Трюгве Хальвдана Ли, министра внешних связей Норвегии, первого Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. На монете Бельгии – портрет короля Альберта II (годы правления: 9 августа 1993 г. – 21 июля 2013 г.) и номинал, выраженный в экю³, хотя в 1995 г. официальной денежной единицей Бельгии был франк. На платежном средстве Малави изображена девочка, читающая книгу. На монете Бенина изображена семья, плывущая в лодке, а на монете Намибии – работающая в поле. На платежном средстве Армении – фрагмент фрески с изображением Богоматери с притолоки западного входа церкви Аствацацин в селе Арени.

Эмблема «ООН50» по центру реверса изображена на монетах десяти государств (Индия, Казахстан, Марокко, Непал, Оман, Пакистан, Португалия, Уругвай, Швеция, Шри-Ланка). На монете Португалии поле вокруг эмблемы выполнено в виде фрагментов мозаики. На реверсе платежного средства Великобритании флаги расположены веерообразно, на монете Украины – флаги стран мира внутри земного шара, на осях которого эмблема «ООН50». На монете Кувейта в нижней части реверса слева от эмблемы – земной шар, закрытый ладонями, на заднем плане которого также веером размещены флаги.

Дизайн реверса монеты Кипра представлен в виде дерева, на листьях которого изображены флаги различных стран. На платежном средстве Иордании размещен черный ирис.

Следует отметить, что не установлено ни одной памятной монеты в честь ООН, выпущенной в Соединенных Штатах Америки. США долгие годы выпускали только монеты, посвященные истории и культуре своей страны, лишь несколько последних лет появились монеты в ознаменование международных событий.

Белорусские памятные монеты, посвященные 50-летию Организации Объединенных Наций, – это первые монеты, выпущенные эмиссионным центром нашей страны. Эскиз разработан дизайнером Александром Зименко и Дмитрием Белицким.

² «Голубь мира» – выражение, получившее популярность после окончания Второй мировой войны. Эмблема Всемирного конгресса сторонников мира была нарисована Пабло Пикассо. Но и само выражение, и изображение голубя мира появились гораздо раньше. Выражение восходит к библейскому рассказу о голубе, принесшем Ною в ковчег ветвь маслины (Бытие, 8: 10–11).

³ Экю – «европейская валютная единица», по первым трем буквам английского термина «европейская валютная единица» (European Currency Unit, ECU), была введена для безналичных расчетов в ЕС, а впоследствии заменена на евро.

Рисунок 2. Эскизный проект золотой памятной монеты «ООН50»

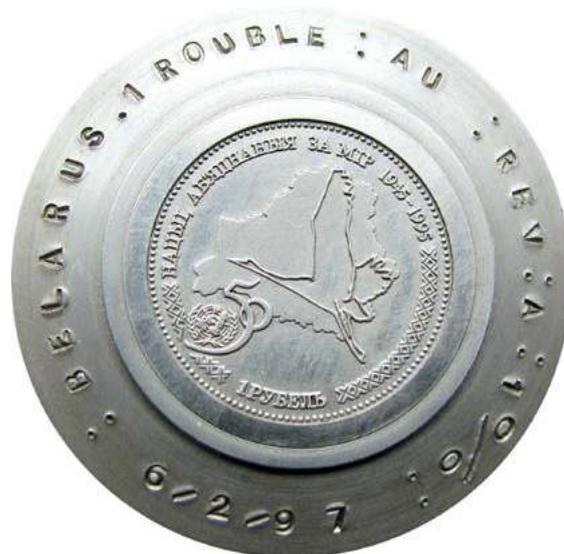

Рисунок 4. Эталонный инструмент реверса золотой монеты «ООН50» (КП 116)

Специально для белорусских монет также геральдической службой был подготовлен эталон Государственного герба Республики Беларусь, который размещается на аверсе монеты. На реверсе на фоне географической карты Беларуси распростер свои крылья парящий аист – символ мира, семейного очага и благополучия в Беларуси (рисунок 2).

У эмиссионного центра Республики Беларусь не было опыта по выпуску памятных монет, поэтому его пришлось нарабатывать. После согласования в

установленном порядке эскизы первой монеты отправились на Королевский монетный двор «Роял Минт». Монетный двор, в свою очередь, прислал на согласование в Национальный банк Республики Беларусь фотографии гипсовых моделей (рисунок 3), прорезиненные оттиски аверса и реверса, эталонные (рисунок 4) и рабочие инструменты. После урегулирования всех нюансов монеты были отчеканены.

Белорусские монеты «ООН50» выпускались в золоте, серебре и медно-никелевом сплаве тиражом не более 5000, 20 000 и 40 000 шт. соответственно. На территорию Беларуси доставлено золотых монет 50 шт., серебряных – 1000 шт., медно-никелевых – 5000 шт. Королевским монетным двором «Роял-Минт» за рубежом реализовано белорусских платежных средств: золотых – 488 шт., серебряных – 3993 шт., медно-никелевых – 1798 шт.

Создание первых белорусских памятных монет – это уже история, которую пишут люди, а сохраняют предметы. В музейном фонде Национального банка Республики Беларусь хранится двадцать пять предметов, связанных с созданием монеты «ООН50». Каждый из этих предметов, будь то эскизы памятной монеты, прорезиненные оттиски аверса и реверса, гипсовые модели, эталонные инструменты и сами монеты, демонстрирует, как создаются металлические деньги в нашей стране.

Выбор тематики первой памятной монеты Республики Беларусь – не случаен. Наша страна была и остается миролюбивым государством, которое активно выступает за поддержание мира и безопасности на планете.

Рисунок 3. Гипсовая модель аверса серебряной монеты «ООН50» (КП 110)

Nickolay PLAVINSKY**Findings of coins and trade inventory in burial hills in the territory of Polotsk land**

The article describes findings of coins and trade inventory in burial hills in the territory of Polotsk land, the North of Belarus. The earliest burial ceremonies (cremation rituals) with coins were found between the upper Dnieper and Dvina rivers, as well as between the Dvina and Lopat rivers, and were obviously connected with the trade route "from the Varangians to the Greeks". While in the central and Western parts of the Polotsk land the coins were mainly found in burial sites that stayed after the inhumation (internment) ritual of the late 10th- 11th cc. and in separate cremations that were in this or that way connected with noble warriors' burials traditions of the past decades of the 10th – first decades of the 11th cc.

Vasiliy ORLIK**Findings of Crusaders states' and Latin-speaking East coins in the territory of Ukraine**

The article dwells on the findings of coins brought from the Crusaders' state in the territory of Ukraine. The author studies topography of such archeological excavations, and considers them as confirmation of economic and political contacts between Medieval Ukrainian lands and the Crusaders' state, the Prussian Teutonic Order in particular.

Rostislav SAVVOV**Podolian half grosh and cash in circulation of the ancient Podolye Principality**

The author of the article provides results of a new research on more than 20 buried treasures of 14th-15th cc. found lately in the territory of Podolye (a part of present-day Ukraine), including those having the half groshes (local ancient currency units) owned by Podolian Prince Konstantin Koriatovich (1380/2-1386/91). Study of the newly found treasures showed that the Podolian half grosh was in circulation all over the historic territory of the Podolye Principality.

Andrey KRYZHANIVSKY**Mutual influence of iconography and metrology of coins systems of Central and Eastern Europe in the 14th c.**

The author has studied mutual influence between iconography and metrology in the coins systems of the neighboring states and came to the conclusion that it fully reflects trade and economic ties between them.

Anton KALINOVSKY**Findings of the Swedish Kingdom coins (second half of the 16th - early 17th cc.) in the territory of Belarus**

The aim of the article is to let the readers get acquainted with the rarest findings of the Swedish coins in the territory of Poland and Belarus, issued in 1559-1611, that are introduced to the scientific turnover for the first time.

Valeriy KOBRINETS**New and traditional about the Russian coins in the territory of Belarus in the first half of the 17th c.**

The article studies the role of coins of the Russian tzardom in the territory of Belarus in the first part of the 17th c. First of all, attention is paid to the cases of using Russian coins in trade operations. The publication is based on the archive and publications most of which have been introduced into the scientific turnover for the first time.

Alexander BUGROV**Russian army and assignations in 1813-1815: the unknown page of the anti-Napoleon wars**

The article studies assignations (payment orders) circulation during the foreign military campaign of the Russian army in

1813-1814, as well as in 1815. The central part of the research is the activities of the so-called exchanging branches of the Assignation bank that served as filters for cash (banknotes) circulation. These branches executed transfers of money sums and gave money for army expenses in exchange for assignations. Such branches situated in the territory of the Prussian Kingdom and Warsawian Duchy and played a significant role in the introduction of assignation into settlements and payments systems of these lands, which was especially important during the period of coins deficit in the treasury. Besides, that period was the only case in history when circulation of the Russian assignations was legal abroad.

Alexander ORLOV**Money units of the concentration camps and ghettos**

The author tells us about the life of the prisoners in the Third Reich concentration camps during the World War II and circulation of special camp money ("Holocaust money"). Issue of such money was aimed at remunerating prisoners for good work and, at the same time, making their escape less possible.

Valery SHISHANOV**Treasuries in Vitebsk museum collections 1868-1941**

The articles highlights the history of the buried treasuries directed to Vitebsk museum collections in 1868-1941: museums of Vitebsk Governorate Statistical Committee, Vitebsk scientific archive commission, Vitebsk Governorate Museum, Vitebsk Department of the Belarusian State Museum.

Vital SIDAROVICH**"Arisen from the ashes?" (The story of the pre-war numismatic collection of the Belarusian State University Museum)**

Until recently, the history of the numismatic collection of the Belarusian State University (BSU) was considered to date back to 1964, the year of Numismatic room opening. Nevertheless, antique, Byzantine and Eastern coins appeared in the University museum in the interwar period. They were considered lost during the World War II for a long period of time. A detailed study of the BSU Numismatic room's collection made it possible to state that at least a part of this collection remained safe during the latest war.

Viktor SUVOROV**War theme in the lottery activities of Russia**

The publication is dedicated to the brief history of the war charity activity organized by the lotteries. The main aim of such lotteries was to help soldiers and population who had suffered from injuries and destructions, as well as organize mobilization of funds for the necessities of the army. The author has conducted research of the period since the pre-revolution times (before 1917) until 1966.

Asta RAVAITYTĖ-KUČINSKIENĖ**Historical memory in litas banknotes**

The litas were the national money unit of Lithuania during four decades in the 20th century and at the beginning of the 21st century. The article considers banknotes having been in circulation at that time. The banknotes' design reflects the history of Lithuania, mentality and national identity. Prominent personalities, national symbols, elements of architecture, large cities and their heroes are the main motifs of the litas' design. All the banknotes mentioned can be seen in the Money Museum of Lithuania.

Elena DIVINSKAYA**Coins commemorating 50th anniversary of the United Nations Organization**

The article dwells on the participation of the Republic of Belarus in the Program on the UN 50th anniversary commemorative coins issuance. The author compares the first Belarusian commemorative coins dedicated to this event with the coins of other member countries of this program.

Лоттерейные билеты 1919 года. Серия 572. Цена билета 10 рублей. Выпуск 5, 4, 3, 2, 1.

Вторая денежно-вещевая лотерея. Билет № 0475. Стоимость билета двадцать рублей. Серия № 086617.

Четвертая денежно-вещевая лотерея. Билет № 1843. Стоимость билета пятьдесят рублей. Серия № 100772.

Общество друзей воздушного флота. Выигрышный билет № 49720. Цена пять рублей. Главный выигрыш десять тысяч рублей.

Денежная лотерея. Отдельная Кавказская Армия. «Жертвы гражданской войны». Выигрышный билет № 45268. Цена двадцать пять тысяч рублей. Главный выигрыш сто пятьдесят миллионов рублей.

Первая всеобщая авиационная лотерея. Билет № 085. Стоимость билета 50 копеек. Серия 085.

Условия лотерей, утвержденные Наркомфинансов СССР 29 октября 1926 года.

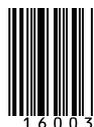
Кол-во выигр.	МАРИБУТ ПУТЕШЕСТВИЯ	Сумма выигрыша	Кол-во выигр.	МАРИБУТ ПУТЕШЕСТВИЯ	Сумма выигрыша
3	Курортная путевка: Москва - Берлин - Париж - Габор - Цинциннати - Чикаго - Нью-Йорк - Вашингтон - Детройт - Рок-Форест - Бостон - Нью-Хейвен - Берлин - Москва	4.332 рубля.	4	Москва - Харьков - Москва	440 рублей.
2	Москва - Одесса - Москва	2.014 рубля.	10	Москва - Ленинградская группа	400 "
2	Архангел - Мурман - Мурман - Москва	1.900 "	10	Москва - Харьков - Ростов н/Д.	210 "
2	Москва - Пермь - Москва	1.600 "	15	Москва - Харьков - Москва	140 "
2	Москва - Брянск - Москва	1.000 "	10	Курортная путевка на Кавказ, Крым, Закарпатье, Панафриканский и другие группы.	80 "

Высочайше разрешенная. Второй выпуск. Благотворительная лотерея 1914 года. Серия 13536. Цена этой части билета один рубль.

ISSN 2071-8896

9 772071 889006

1 6 0 3